

OCR: Nina & Leon Dotan

Исправления: Военно-Ученый Архив [warlib.site]

ldn-knigi.narod.ru / ldn-knigi.russiantext.com

{00} – № страниц (предшествует странице), наши примечания – текстом меньше, курсивом.

Содержание в начале и в конце.

Генерал А. И. СПИРИДОВИЧ

Великая Война
и
Февральская Революция
1914 -1917 г. г.

Всеславянское Издательство
Нью-Йорк
1962

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Этой книгой заканчивается труд генерала А. И. Спиридовича о периоде русской истории от 1914 г. до 1917 г., столь роковым для судеб всего мира.

Если этот, мы бы сказали, дневник деятеля той эпохи, очень близко наблюдавшего политическую жизнь России, не претендует на степень исторического исследования, то, несомненно, он является очень ценным материалом для будущих историков, тем более, что объективность и точность автора вне сомнения.

Настоящим приносим глубокую благодарность вдове генерала Спиридовича, Нине Александровне, предоставившей нам право опубликования этого бесспорного документа о трагических днях нашего Отечества.

Всеславянское Изд-во

Нью Йорк, 1961.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава XXVII	[11]
Глава XXVIII	[33]
Глава XXIX	[59]
Глава XXX	[75]
Глава XXXI	[91]
Глава XXXII	[105]
Глава XXXIII	[119]
Глава XXXIV	[135]
Глава XXXV	[153]
Глава XXXVI	[167]
Глава XXXVII	[185]
Глава XXXVIII	[205]
Глава XXXIX	[223]
Глава XL	[237]
Глава XLI	[255]
Глава XLII	[269]
Глава XLIII	[285]
Глава XLIV	[305]

КНИГА III

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

— Случай с Бьюкененом. — Родзянко оскорбляет Протопопова. — 1917 год, январь. — День Нового Года. — Перемены в Госуд. Совете. — Слухи. — Принесение поздравлений Его Величеству. — Предложение в Тифлисе короны В. К. Николаю Николаевичу через Хатисова. — Настроение в Петрограде. — Во дворце. — Сплетни в Собственном полку. — Осведомленность Государя. — Приемы. — Доклады Покровского, кн. Голицына, пр. Ольденбургского, Родзянко, Самарина, Пильца, Клопова и В. Кн. Михаила Александровича. — Просьба премьера Голицына об увольнении Протопопова. — Адрес Новгородского дворянства. — Действия правых. — Н. А. Маклаков. — Записка Говорухи-Отрока. — Роль Щегловитова. — Записка „достойная внимания“. — Огношение Государя к разным давчениям. — Беседа Государя с С. С. Костицким. — Государь и Гос. Дума. — Спокойствие Государя и чем оно обуславливалось. — Императрица и ее мнение о виновниках смуты. — Новые министры. — Прием высших военных. — Прием адмирала Кедрова. — Проект вызова кавалерии. Вызов Гвардейского Экипажа. — Жизнь Царской семьи — А. А. Вырубова на жительстве во дворце. — Роль А. А. Вырубовой. — Царь и родные. — Принц А. П. Ольденбургский. — Приезд принца Карола Румынского. — Приезд миссии союзников. — Царица и Германия. — Государь и планы о победе.

{13} Новый 1917 год начался тревожно. Интересующиеся политикой прочли в газетах о важных переменах в Гос. Совете. Председателем был назначен б. министр Юстиции Щегловитов, человек умный, ученый, большого опыта, железной воли, ненавидимый левыми кругами и евреями. (Щегловитов Иван Григорьевич [13(25).2.1861 — 5.9.1918], государственный деятель в царской России. Помещик Черниговской губернии. Окончил училище правоведения (1881), с 1894 прокурор Петербургского окружного суда; с 1903 обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената. В 1905 был обвинителем Ивана П. Каляева. В 1906 — июле 1915 министр юстиции. Один из организаторов третьеиюньского государственного переворота 1907, сподвижник и правая рука П. А. Столыпина, покровитель «Союза русского народа» (при непосредственном участии Щ. было организовано дело Бейлиса). В 1915 Щ. председатель монархического съезда. В 1917 при содействии Г. Е. Распутина назначен председателем Государственного совета. В первые дни Февральской революции 1917 заключён в Петропавловскую крепость. Расстрелян по приговору ревтрибунала. — из Энциклопедии — ldn-knigi).

Зимой 1915 г. он председательствовал на происходившем в Петрограде монархическом съезде. Был председателем правой группы Гос. Совета. „Ванька Каин“ для левых, он был надеждой для правых. Выступая в 1916 году, однажды, в Гос. Совете, Щегловитов так выразился про тогдашнее правительство: „Паралитики власти слабо, нерешительно, как-то нехотя, борются с эпилептиками революции“. С осени уже шли слухи о выдвижении Щегловитова на крупный пост. К сожалению его не назначали председателем Совета Министров, пост который он, по праву и с пользой для России, должен был занимать в то беспокойное критическое время.

Состав Гос. Совета по назначению был пополнен лицами молодыми, твердо консервативного направления. В некоторых из них узнавали ставленников Щегловитова. Несколько престарелых членов Совета были освобождены от присутствия в Совете.

Был исключен и товарищ председателя Голубев, не остановивший в свое время зарвавшегося в своей речи Таганцева. В этих переменах видели усиление правого сектора Гос. Совета, желание найти в нем действительную опору для правительства и Монарха. Волновались и злословили и политиканы и все, задетые происшедшими переменами.

В высших кругах захлебывались рассказами о высылке В. Кн. Николая Михайловича. В этом видели угрозу по адресу тех членов Императорского Дома, о которых в последнее {14} время ходили разные легенды. Некоторые, зная В. Князя, только как болтуна, находили высылку слишком строгой мерой и обвиняли за нее, конечно, Царицу.

Новогодний Высочайший прием принес две сенсации. Принимая поздравление дипломатов, Государь очень милостиво разговаривал с французским послом Палеологом, но, подойдя к английскому послу Бьюкенену, сказал ему, видимо, что-то неприятное. Близстоящие заметили, что Бьюкенен был весьма смущен и даже сильно покраснел. На обратном пути поездом в Петроград, Бьюкенен пригласил к себе в купе Мориса Палеолога и, будучи крайне расстроенным, рассказал ему, что произошло во время приема. Государь заметил ему, что он, посол Английского Короля, не оправдал ожиданий Государя. Что в прошлый раз на аудиенции Государь поставил ему в упрек, что он посещает врагов Государя. Теперь Государь исправляет свою неточность. Бьюкенен не посещает их, а сам принимает их у себя в посольстве. Бьюкенен был и сконфужен, и обескуражен. Было ясно, что Государю стала известна закулисная игра Бьюкенена и его сношения с лидерами оппозиции.

Вторая сенсация заключалась в том, что, встретившись во дворце, Родзянко демонстративно не подал руки Протопопову, когда последний подошел к нему поздороваться. Одни злорадствовали, другие находили, что Родзянко поступил невежливо по отношению того высокого места, где позволил себе эту выходку. Их Величества порицали Родзянко и находили его поступок неприличным. Даже дворцовые лакеи находили, что Родзянко не умеет себя держать во дворце.

*

В тот первый день Нового Года, на далеком Кавказе, в Тифлисе, оппозиционные заговорщики сделали первый шаг по предложению короны Великому Князю Николаю Николаевичу. Тифлисский городской голова, Александр Иванович Хатисов, которому, как указано выше, князем Львовым было предложено переговорить по этому поводу с Великим Князем, вернулся к праздникам в Тифлис. Вот как произошло {15} это знаменательное событие, как рассказывал мне лично позже (10 декабря 1930 г., в Париже) сам А. И. Хатисов, у него на квартире, в гостиной, где, на камине красовался портрет б. Наместника Кавказа графа Воронцова-Дашкова.

На первый день Нового Года было назначено принесение поздравлений Великому Князю во дворец. Когда очередь дошла до Хатисова, он принес поздравление и просил Великого Князя дать ему аудиенцию по важному делу. Великий Князь предложил приехать в тот же день, часа через три, когда разъедутся все поздравляющие. Хатисов поблагодарил и уехал домой. Он, конечно, очень волновался в ожидании приема, но вот какие соображения подбодряли его. Он пользовался в известных кругах Кавказа влиянием и это знал Вел. Князь и придавал этому большое значение. Хатисов же знал, что Вел. Князь в опале, враждебно относится к Царице, порицает Государя и заискивает перед

общественностью, перед оппозиционными кругами. Все это подбодряло.

В назначенный час Хатисов явился во дворец. Его попросили в кабинет Вел. Князя. Поздоровались. Великий Князь занял место за письменным столом и предложил Хатисову сесть. Хатисов попросил разрешения говорить откровенно. Великий Князь разрешил. Хатисов доложил подробно о принятом в Москве решении представителей общественности: для спасения страны, устранить Императора Николая Александровича от престола и предложить корону Вел. Князю Николаю Николаевичу.

— Признаюсь, — говорил мне Хатисов, — я очень сначала волновался и с большой тревогой следил за рукой Вел. Князя, который барабанил пальцами по столу около кнопки электрического звонка. А вдруг нажмет, позвонит, прикажет арестовать... Но нет, не нажимает... Это подбодрило.

Хатисов доложил, что Императрицу Александру Федоровну решено или заключить в монастырь, или выслать за границу. Предполагалось, что Государь даст отречение и за себя и за Наследника. Хатисов просил Вел. Князя ответить, как он относится к этому проекту и можно ли рассчитывать на его содействие, так как он должен сообщить ответ князю Львову.

{16} Великий Князь выслушал доклад и предложение спокойно. Он не высказал ни удивления и никакого протеста против проекта низвержения царствующего Императора. Великий Князь находил, что престиж Государя весьма подорван, но Великий Князь сомневался в том, примет ли сочувственно „МУЖИК" низвержение царствующего Императора, поймет ли „МУЖИК" смену Царя. Это было первое замечание Вел. Князя. Второй же вопрос, возникший у Вел. Князя был следующий: как отнесется «АРМИЯ» к низвержению Государя. Желая разобраться в этих двух вопросах и желая, как он выразился, „и подумать, и посоветоваться с близкими людьми", Великий Князь просил Хатисова приехать за ответом через два дня.

3 января Хатисов вновь явился во дворец. На этот раз Вел. Князь принял его в присутствии генерала Янушкевича. Великий Князь заявил Хатисову, что подумавши, он решил отказаться от участия в предложенном ему деле. И вот по каким мотивам. По его мнению, народ, т.е. „МУЖИК" и „СОЛДАТ" не поймут насильственного переворота и он не найдет сочувствия и поддержки в „АРМИИ". Великий Князь просил высказаться генерала Янушкевича и генерал кратко ответил, что и по его мнению солдаты не поймут насильственного переворота. Генерал смотрел в свою записную книжку и говорил, что армия включает не то десять, не то пятнадцать миллионов. Он делал какие-то подсчеты. На прощанье Вел. Князь пожал Хатисову руку, дружески с ним распрощался и Янушкевич. Хатисов послал князю Львову условную телеграмму об отрицательном ответе такого содержания: „Госпиталь открыт быть не может". Заговорщический центр с князем Львовым окончательно остановился теперь на замещении престола Наследником Алексеем Николаевичем при регенте Михаиле Александровиче.

Об этом Тифлисском эпизоде ни министр Внутренних дел Протопопов, ни Дворцовый комендант тогда не знали. Но А. И. Хатисов заверял меня, что, будто бы, перед самой революцией о нем был осведомлен Государь. Я не нашел подтверждения этому.

{17} Сам Великий Князь никакого предупреждения Его Величеству не сделал.

Элемент измены Монарху, да еще Верховному Главнокомандующему во время войны в поведении Великого Князя, был налицо уже в тот момент. Эта измена, как увидим ниже, претворится в реальное действие ровно через два месяца; она подтолкнет на измену еще некоторых главнокомандующих армиями и сыграет главную роль в решении Императора Николая II отречься от престола.

**

*

Петербург кипел тогда всякими сенсационными слухами. Была предреволюционная горячка. Кое-что из конспиративных заговорщичьих кружков, хотя и в искаженном виде, но проникало в гостиные и кулуары Г. Думы. Из Москвы шли самые сенсационные слухи. Чуть не открыто говорили, что Государя принудят отречься. Имя будущего регента — Вел. Князя Михаила Александровича произносилось громко. Шел слух, что Вел. Кн. Мария Павловна приняла у себя его морганатическую супругу, как жену будущего регента... Все ждали какой-то развязки.

Тревожные слухи проникали и в Царскосельский дворец. Там атмосфера была тяжелая. „Точно покойник в доме“ — выразился один, часто бывавший там, человек. Царица почти все время лежала. Е. В. казалась измученной и физически, и нравственно. Дети, слыша многое по секрету от окружающих, тревожно посматривали на родителей. Среди ближайших придворных царила тревога, доходившая у некоторых дам до предчувствия катастрофы. Скептически грустно был настроен престарелый граф Фредерикс. Не раз заговаривал он о тщетности жизни и о том, что хорошо бы было покончить ее сразу, приняв хорошую, но верную дозу яда. По-стариковски, по-родительски, любя, предупреждал он Государя и, как всегда, его ласково благодарили и только. Верный слуга, адмирал Нилов уже давно потерял веру во всё. В своем домашнем кругу он бранился, а с друзьями не переставал повторять: „будет революция, нас всех повесят, а на каком фонаре висеть — всё равно“. Он тоже ведь предупреждал Государя о заговоре, но его уже давно перестали слушать.

{18} На женской половине против него велась сильная интрига. А. А. Вырубова и Н. П. Саблин были очень против него. Только личное заступничество Государя спасало его.

Только не вмешивавшийся ни во что, что не касалось его части, обер-гофмаршал граф Бенкендорф казался невозмутимо спокойным. Да Дворцовый комендант Воейков позировал самоуверенностью и всезнанием. О конкретных заговорах он ничего не знал. Он настолько верил заверениям Протопопова, что всё благополучно, а что если что и случится, то будет предупреждено и пресечено своевременно, что даже уехал в январе на неделю в свое имение в Пензенскую губернию. А, между тем, настроение было нехорошее даже и в Собственном полку.

В те дни, живший в Царском Селе Н. Ф. Бурдуков был однажды в гостях у богатого коммерсанта. Были там и офицеры Собственного полка. Улучив минуту, хозяин дома отвел Бурдукова в свой кабинет и с тревогой предупредил его. Видимо, положение очень плохо. Сидящие у него офицеры так резко порицают Императрицу. Они говорят, что Царица виновница всего происходящего и что Её необходимо устранить. Хозяин дома, большой патриот, был и поражен, и смущен.

Н. Ф. Бурдуков на другой же день отправился к помощнику Дворцового коменданта генералу Гротену и передал ему об этом случае. Генерал посоветовал ему поговорить лично с генералом Воейковым.

Дворцовая сутолока последних лет так уронила престиж Царской власти, что в те дни можно было слышать среди придворных служащих: „Ну, что же, не будет Николая Второго, будет другой“.

При всех, на редкость хороших душевных качествах Государь Николай Александрович редко кого привязывал к себе безраздельно, как Монарх, что и сказалось при перевороте.

Из ближайшего окружения, этими беспредельно преданными Государю людьми, были: граф Фредерикс, граф Бенкендорф, адмирал Ниллов, князь Долгорукий, {19} генерал Воейков, лейб-медик Боткин. Других, из близкого окружения Государя, я не помню...

**

*

Существовало довольно распространенное мнение, что Государь не знал, что делается кругом. Это совершенно ошибочно. Всякими путями, официальными и неофициальными, Государь знал всё, за исключением, конечно, тайной (конспиративной) революционной работы.

В январе месяце, не считая военных докладов, Государь принял более 140 разных лиц в деловых аудиенциях. Со многими Государь обстоятельно говорил о текущем моменте, о возможном будущем. Некоторые из этих лиц предупреждали Государя о надвигающейся катастрофе и даже об угрожавшей Ему лично, как Монарху, опасности. Так, 3 января министр Иностранных дел Покровский откровенно предупреждал Государя о надвигающейся катастрофе. Он советовал Государю пойти на уступки, сменить Протопопова. Государь ответил, что он сгущает краски, что всё далеко не так плохо и что всё устроится. Покровский просил уволить его, но Царь настоял, чтобы тот остался.

5 января премьер князь Голицын докладывал о тревоге в обществе и о слухах из Москвы о предстоящем перевороте. Он доложил и о том, что в Москве называют имя будущего Царя. Государь успокаивал его и сказал: — Мы с Царицей знаем, что всё в руках Божиих. Да будет воля Его. А ведь это был доклад, очевидно, о планах князя Львова.

Накануне, Вел. Кн. Павел Александрович, делая доклад о гвардии, доложил все-таки о готовящемся государственном перевороте.

7 января Государь принимал председателя Гос. Думы Родзянко. Не участвуя в заговорах тогда против Государя, Родзянко знал о них многое. Лишь за несколько дней перед тем у него было собрание видных общественных деятелей, на котором высказывались самые крайние мнения. Приехавший из Киева Терещенко, член Г. Думы Шидловский и генерал Крымов доказывали необходимость свержения Монарха.

{20} Родзянко доложил Государю, с присущей ему резкостью и прямолинейностью, что „вся Россия" требует смены правительства, что Императрицу ненавидят, что Её надо отстранить от государственных дел, что в противном случае будет катастрофа. Однако, зная многое про подготавливающийся переворот, Родзянко не сделал Государю конкретных указаний в смысле лиц. Он лишь настаивал на устранении Царицы, на смене Протопопова, на даровании ответственного министерства.

Государь слушал спокойно и спокойно же говорил:

— Дайте факты. Нет фактов, подтверждающих ваши слова.

А фактов, а лиц Родзянко не указывал. Зная о заговорах, Родзянко докладывал о них общими фразами и получалась как бы буфонада, нечто несерьёзное. Докладывать же по-полицейски, как надлежало министру Внутренних дел, Родзянко не мог. И Государь попрощался с Родзянко ласково, не выказав никакого недовольствия, несмотря на личные

выпады того против Императрицы.

10 января Московский Предводитель дворянства Самарин представлялся Государю. Вызванный нарочно в Петроград, он должен был поддержать, подкрепить доклад Родзянко. И он сделал это честно и откровенно предупредив Государя о надвигающейся катастрофе.

19 января Государю представлялся Иркутский генерал-губернатор Пильц. Его Государь любил по службе в Могилеве. Пильц был человек гражданского мужества. Он доложил о всеобщем недовольстве, о потере властью престижа, о розни в самом Совете министров, о слабости власти. Государь слушал внимательно и закончил беседу заверением, что предстоящей весной всеобщее наступление будет победоносно и всё устроится.

29 января известный Государю старик Клопов, хороший знакомый князя Львова, принятый Государем, убеждал Его Величество пойти на уступки общественности и дать соответствующее министерство. Он даже вручил Государю записку по этому поводу. На записку был дан ответ, составленный Гурляндом и подписанный Протопоповым.

{21} В таком же направлении о необходимости пойти на уступки не раз говорил Государю в тот месяц и брат, Михаил Александрович. Его инспирировали Родзянко и генерал Брусилов, и, по их просьбе, он передал Государю об общей тревоге, о непопулярности правительства и особенно Протопопова, о желании широких кругов получить ответственное министерство.

Наконец, в конце января вновь выступил и уже официально премьер князь Голицын. Желая подготовить почву, он предварительно переговорил с Императрицей и просил Ее Величество поддержать его ходатайство о замене Протопопова другим лицом. Императрица слушала Голицына внимательно, но осталась недовольна и поддержки не обещала.

На первом же затем докладе Государю, князь Голицын подробно изложил Государю о полной персональной непригодности Протопопова как министра Внутренних дел, о вреде, который он приносит и о тех осложнениях, которые неизбежно произойдут из-за него и его политики, как только соберется Гос. Дума. Государь сказал, что подумает и даст ответ в следующий раз. На следующий раз Государь уже сам начал разговор о Протопопове.

— Я вам хотел сказать по поводу Протопопова, — начал Государь. — Я долго думал и решил, что пока я его увольнять не буду.

Князь Голицын пытался переубедить Государя, но успеха не имел.

Выступило с ходатайством и Новгородское дворянство. На очередное его собрание явился, как землевладелец губернии, М. В. Родзянко. По его инициативе и благодаря его агитации, собрание вынесло резолюцию, в которой обращало внимание Государя на трудность переживаемого времени, поддерживало Гос. Думу и предостерегало Государя от лживых советников. Дворянство уполномочило предводителя дворянства Будкевича доложить лично резолюцию Его Величеству. Но этому помешал Протопопов. Резолюция была доложена им самим и осталась незамеченной. Родзянко рассказывал позже, что за нее был смещен губернатор Иславин. **{22}** Это неправильно. М. В. Иславин оставался губернатором до революции и неизменно пользовался расположением Их Величеств.

*

Все отмеченные выступления имели целью склонить Государя на

уступки и тем предупредить надвигающуюся катастрофу.

В них не хватало только конкретных имен, полицейской жестокой прямоты и юридической терминологии — умысел, заговор, убийство. Это должны были сделать органы Министерства Внутренних дел, а Государю доложить — сам министр Протопопов. Но он этого не делал. По какой причине — остается загадкой.

Но были в то время и люди, которые убеждали Государя не идти на уступки, а бороться с наступающей катастрофой репрессивными мерами. Яркими представителями этого течения явились: бывший министр Н. А. Маклаков и И. С. Щегловитов.

Маклаков, после убийства Распутина, написал Государю письмо, в котором указывал на начавшуюся анархию, на начавшийся штурм власти. Письмо произвело большое впечатление. Маклакова даже хотели призвать к власти, но он куда-то уехал и дело почему-то расстроилось.

8 января Маклаков был принят Государем. Он передал Государю записку, составленную Говоруха-Отроком, которая являлась как бы дополнением к записке кружка Римского-Корсакова. Записка указывала, между прочим, что введение в России конституции поведет к гибели России. Более правые партии будут разбиты левыми, а затем — „Затем наступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник“.

Записка доказывала, что России свойственен лишь Монарх неограниченный и старая народная формула: „Народу мнение, а Царю решение“ — является единственно приемлемой для России.

Щегловитов также стоял за борьбу с левой общественностью в Государственной Думе, но бороться с ней он {23} хотел посредством правого общественного мнения. С этой целью, по его мысли, и был обновлен состав Государственного Совета.

14 января Щегловитов представил Государю весьма содержательную записку правых „Русских православных кругов г. Киева“. Давая картину происходящих в стране непорядков, записка намечала меры к их устранению. То была целая программа борьбы с левою общественностью. Записка была составлена членом Думы священником Митроцким и подача ее наделала много шума в Думе.

Записка очень понравилась Государю. Его Величество подчеркнул многие места и положил резолюцию: „Записка, достойная внимания“. Государь передал записку премьеру Голицыну и ее должны были обсудить в Совете министров.

Эти выступления правых, особенная серьезность Щегловитова и юношеская запальчивость Маклакова очень встревожили оппозиционные и революционные круги и подтолкнули их лидеров действовать дружнее и решительней.

*

Государь внимательно выслушивал все мнения, как бы они ни противоречили его личным взглядам. Государь был категорически против дарования ответственного министерства, т.е. против конституции, особенно во время войны. Вот какой произошел у Государя в тот месяц разговор по этому поводу с приехавшим по вызову Его Величества из Ялты в Царское Село личным зубным врачом Е. В., Сергеем Сергеевичем Кострицким.

Зная, что Кострицкий объехал много городов, побывал даже на Кавказе,

куда его вызывал Вел. Кн. Николай Николаевич, Государь, любивший приходить в кабинет Кострицкого (оборудованный во дворце) и беседовать с ним, спросил его однажды:

— Что нового, как настроение в стране?

Кострицкий извинился, что будет откровенен и затронет вопросы, которые его по профессии не касаются, рассказал Государю о всеобщей тревоге, о многих беспорядках и затруднениях в тылу. Он высказал предположение, что, может быть, {24} дарование ответственного министерства, о котором все говорят, и внесло бы успокоение в общество и принесло бы пользу стране.

Государь помолчал и сказал: — Это выгодно. Кострицкий не понял, удивился. Заметив его удивление, Государь пояснил, что это, конечно, было бы очень выгодно для Него (Государя) лично, так как сняло бы с Него много ответственности. И Он заметил, что даровать во время войны ответственное министерство Он не находит возможным.

— Сейчас это неблагоприятно отразится на фронте. А вот через три, четыре месяца, когда мы победим, когда окончится война, тогда это будет возможно. Тогда народ примет реформу с благодарностью... Сейчас же все должно делаться только для фронта.

И не раз в те дни Государь говорил с Кострицким об ответственном министерстве и не раз утверждал, что даст его стране, но только по окончании войны.

— Вот закончим войну, там примемся и за реформы, — говорил Государь в те же дни другому лицу, — сейчас же надо думать только об армии и о фронте.

Будучи против дарования конституции во время войны, будучи часто недоволен действиями Г. Думы, Государь, однако, не поддавался убеждениям тех, кто уговаривал его уничтожить Г. Думу. Вопреки этим советам, Государь повелел возобновить сессию Г. Думы и Г. Совета с 14 февраля, что было очень не по душе Протопопову.

Когда Протопопов, в отсутствие Г. Думы, убеждал Государя подписать манифест о даровании равноправия евреям и об отчуждении земель в пользу крестьян, Государь заявил, что эти вопросы столь важны, что их должны рассмотреть государственные законодательные учреждения.

Государь верил в здравый смысл и патриотизм Г. Думы. Он не допускал мысли, что Г. Дума может пойти на какой либо государственный переворот во время войны. Он верил в верность Армии и ее начальников и эта вера еще более успокаивала Его относительно невозможности переворота.

Между тем момент переживался критический. Нужно было иметь председателем Совета министров и министром {25} Вн. дел сильного человека, который, действуя диктаторски, опирался бы на Г. Думу, как то делал Столыпин до злосчастного дня роспуска законодательных установлений на три дня для проведения его планов.

На несчастье России, Их Величества приняли за такого человека, выдвинутого Гос. Думой ее вице-председателя Протопопова, который буквально очаровал и околдовал Их своим мистицизмом и обманул Их в полной мере, хвастаясь своею смелостью, энергией и пониманием людей и обстановки. Обманул мнимой наличностью тех нужных качеств, которые у него совершенно отсутствовали. Обстоятельство трагическое, мало понятное, подлежащее изучению и историка, и психиатра.

Государь беспредельно верил в проницательность, во всезнание и энергию Протопопова. Он верил, что, когда нужно будет, Протопопов примет все предупредительные меры и Он не допускал возможности государственного переворота. И Государь был спокоен в главном.

Но некоторые меры предосторожности Государь, казалось, стал принимать. Государь стал подбирать министров более по своему вкусу. Был взят новый военный министр генерал Беляев, народного просвещения Кульчицкий, путей сообщения Войновский-Кригер.

Желая убедиться в настроении армии и флота. Государь принял в январе, как и в начале будущего месяца, ряд высших войсковых начальников. Никаких сомнений в верности армии и флота у Государя не возникало. Армия, гвардия и флот были гордостью Императора Николая Александровича. Он их любил.

Некоторых из этих начальников принимала также и Императрица. Она живо интересовалась настроением офицеров и солдат, внимательно выслушивала ответы. 13 января был вызван с моря и приглашен к Высочайшему завтраку начальник минной дивизии и начальник морских сил Рижского залива Свиты Е. В. контр-адмирал Кедров. Государь показался адмиралу усталым и озабоченным. Императрица была в приподнятом настроении. Она много расспрашивала про {26} минную дивизию, вспоминала ежегодную охранную службу миноносцев при путешествии в шхерах, приравнивала службу миноносцев к гвардии.

У Государя возник вопрос о вызове в Петроград кавалерийских полков. Около этого вопроса возникло несколько легенд, связанных с именем тогдашнего и.д. начальника штаба Ставки генерала Гурко.

Вот, что рассказал он мне по этому поводу. Генерал Гурко приезжал периодически из Ставки с докладом Его Величеству. Однажды, в январе, Государь высказал генералу пожелание вызвать в Петроград для отдыха кавалерийские части с фронта. Для начала Государь повелел вызвать одну гвардейскую кавалерийскую дивизию и одну армейскую, а также Гвардейский экипаж. Таким образом соблюдалась справедливость: вызывались части армии, гвардии и флота. Генерал Гурко немедленно же сделал предварительные распоряжения, отправив телеграммы соответствующим начальникам, сам же переговорил с командующим Петроградским военным округом генералом Хабаловым.

Хабалов категорически заявил, что ни в Петрограде, ни в его окрестностях безусловно нет места для расквартировки такого количества кавалерии. Нет места даже и для эскадрона не только для двух дивизий. Выходило так, что вызванные части пришлось бы рассеять вдали от столицы, по деревням, что в сильную стужу отразилось бы весьма неблагоприятно на войсковых частях. Хабалов сам лично доложил об этом Государю и Государь на следующем же докладе Гурко отменил свое первое повеление, высказав сожаление, но подтвердил повеление, дабы был вызван Гвардейский экипаж.

О предупредительном, полицейском характере предполагавшейся меры Государь не говорил; не говорил ничего в этом смысле и Протопопов. Это разъяснение генерала Гурко о причине отмены повеления о вызове кавалерии находит подтверждение в словах Императрицы. Разговаривая 23 января с дежурным флигель-адъютантом князем Эристовым, Царица высказала сожаление, что гвардейская кавалерия не может быть вызвана по недостатку места для расквартирования. Эристов стал доказывать, что кавалерия может быть

расквартирована и его слова показались Императрице настолько {27} убедительными, что Ее Величество порекомендовала ему доложить об этом Государю. На это кн. Эристов не решился.

Отмена вызова кавалерии подняла сплетни. Говорили, что будто бы какая-то гвардейская часть отказалась идти в Петроград. Передавался этот слух со злорадством. Некоторые из близких Их Величеств лиц считали, что отмена повеления явилась результатом происков некоторых революционно настроенных военных в Петрограде. Что генерал Гурко сыграл в руку заговорщикам, сделал то в угоду своему другу А. И. Гучкову. Надо думать, что генерал Хабалов сделал свой необдуманный, политически ошибочный доклад под влиянием чинов своего штаба. Конечно, будь в Петрограде в начале бунта несколько кавалерийских гвардейских полков, события приняли бы иной оборот.

Личная жизнь Царской семьи в Александровском дворце после тяжелых событий декабря протекала более спокойно. Государь совершал свою обычную прогулку по парку с кем-либо из дочерей. Однажды даже ездил с дочерьми на моторных санях по снегу. Сани-мотор изобрел царский шофер, инженер Кегрес, получивший у нас за войну офицерский чин. Государь очень благодарил Кегреса. В последние годы Кегрес являлся уже начальником целого великолепного гаража, с громадным количеством автомобилей всех видов. Создание князя Орлова.

К завтраку почти всегда был приглашаем кто-либо из посторонних. Так в январе четыре раза завтракал принц Карол Румынский, три раза граф Фредерикс, по разу В. Кн. Михаил Александрович, лорд Мильнер, генерал Кастельно, князь Долгорукий и адмирал Кедров. Из дежурных флигель-адъютантов приглашались: Вилькицкий, Линевиц (два раза), Мордвинов (4 раза), Саблин (2 раза) и Сердюков.

После завтрака, в первую половину месяца Государь любил заходить побеседовать к зубному врачу С. С. Кострицкому. Он и работал, и жил во дворце. Простота, правдивость и искренность Сергея Сергеевича нравились Государю. Государь любил поговорить с ним о литературе, о людях, о событиях. О многих приближенных говорил с ним Государь откровенно, {28} зная, что собеседник сумеет сохранить в тайне, что следует. Любимый Царскою семьею Крым, красавица Ялта не раз служили темой тех разговоров. Казалось, что Государь так любит Крым и свою Ливадию, что как будто лелеет мечту, отойдя от власти, окончить там свои дни простым человеком, в кругу своей семьи.

По часу и по два просиживал Государь у Кострицкого, крепко жал на прощанье руку и уходил морально отдохнувшим.

— Государь был очень простой и хороший человек. С ним проще всего было говорить. Обо всем можно было говорить... — вспоминал те беседы Сергей Сергеевич и неизменно прибавлял: — Хороший был человек. И, слушая эти слова, я невольно думал: — да и вы-то, Сергей Сергеевич, хороший человек. Вот почему Государь и приходил к вам и разговаривал с вами часами. Государь искал доброго, хорошего.

После обеда Государь очень часто читал семье вслух произведения русских авторов. Государь мастерски читал. Е. В. знал отлично русскую литературу, не говоря уже про русскую историю.

Пять раз Их Величества с детьми были вечером в гостях у А. А. Вырубовой, которая, после убийства Распутина, была помещена жить в левом крыле Александровского дворца. Там обычно бывали в те вечера супруги Ден, Н. П. Саблин и приглашался кто-либо из офицеров,

симпатичных для Царской семьи. Бывали: Злебов, Линевич, Салтанов, Чистяков, Ребиндер, брат Саблина — Александр и генерал Гротен.

Любезная хозяйка приглашала иногда на эти вечера небольшой румынский оркестр. Это, конечно, раздражало некоторые салоны Петрограда и подавало повод к глупейшим сплетням по адресу Анны Александровны.

Комнаты А. А. Вырубовой были тогда единственным местом, где Их Величества, не считая официальных приемов, соприкасались с внешним миром. Через эти двери проникали во дворец всевозможные сведения. Через эту квартиру шла вся предварительная информация от Протопопова.

Значение А. А. Вырубовой за последние два месяца перед революцией {29} недооценивают. Анну Александровну считают обычно недостаточно умной женщиной. В своей книге она сама кокетничает, называя себя глупой женщиной. Это далеко не так. Лучшим доказательством ее практического ума может служить следующий факт. Во время революции из всех представителей царского режима, арестованных в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, среди которых была А. А. Вырубова и автор настоящих строк, только она одна сумела одурачить знаменитую Чрезвычайную следственную комиссию Муравьева. Одурачить невинным видом и прелестными святыми детскими глазками...

Нет, Анна Александровна была далеко не глупая женщина. Недаром же она продержалась около Императрицы более десяти лет. После убийства Распутина она еще более сблизилась с Царицей на почитании памяти ушедшего „Друга“. Ловкий Протопопов отлично понял это. Понял, как делец коммерсант, как политикан. Конечно, он обошел ее, обворожив ее своим почитанием ушедшего „Друга“, своею, якобы, духовною с ним связью, что было чистейшим шарлатанством. И благодаря Протопопову А. А. Вырубова стала настоящей посредницей между ним, министром Внутренних дел и Их Величествами. Через нее сообщалось всё интересное для Царицы, передавались записки и некоторые документы для ознакомления Их Величеств.

Через Анну Александровну Протопопов был в курсе относительно настроения Их Величеств, что давало ему ориентировку и определяло курс действий. Но Анну Александровну Протопопов обставил своей агентурой. Старшая сестра госпиталя А. А. Вырубовой, госпожа Воскобойникова, сделалась близким человеком Протопопова. К ней в госпиталь приезжал он по несколько раз в неделю. Там получал он сведения про дворец, про Анну Александровну. Там внушал, что нужно передать ей, если он сам не встретит ее. Госпиталь Анны Александровны как бы заменил собою квартиру Распутина на Гороховой. Протопопов же, шарлатанствуя, разыгрывал человека, который духовно общается с Распутиным. Говорили даже о каких-то видениях.

И как раньше А. А. Вырубова поддерживала Распутина {30} перед Их Величествами, так теперь она старалась в пользу Протопопова.

А. А. Вырубова как бы заменила теперь Царской семье и их родственникам. Не касаясь переписки, близкие отношения поддерживались только с братом Государя, Вел. Кн. Михаилом Александровичем. Правда, один раз был очень милостиво принят принц А. П. Ольденбургский. Ему к Новому Году были пожалованы портреты трех последних Императоров, миниатюры, осыпанные бриллиантами на Андреевской ленте. По разу были приняты, по-деловому, Вел. Кн.

Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи, Константин и Игорь Константиновичи и Вел. Кн. Павел Александрович.

Обычная жизнь двора была нарушена в тот месяц двумя событиями, из которых одно взволновало женскую среду, другое весь Петроград.

Первое заключалось в том, что в Петроград приехал Румынский наследник принц Карол, которого сопровождали: министр Братиано и еще несколько человек. Война изменила принца. Он возмужал, выглядел серьезным мужчиной. Государь ездил на павильон встречать его. Их Величества принимали его внимательно. Четыре раза он был приглашен к высочайшему завтраку и в его честь был дан обед, на который были приглашены все с ним приехавшие. Шли разговоры о возможности брака с Вел. Кн. Ольгой Николаевной. Родители обеих сторон относились к проекту благожелательно. Принц пробыл у нас с 8 по 17 января, ничего официально объявлено не было и проведение в жизнь проекта как будто было поручено нашему посланнику генералу Мосолову. Великая Княгиня Виктория Федоровна, тетка принца, возвращаясь из Румынии в Петроград, встретилась в Киеве с принцем. Они говорили о проекте брака. Принц очень желал его, но высказал сожаление, что в Царском Селе ему не удалось ни разу поговорить с Вел. Кн. Ольгой Николаевной без посторонних.

Второе событие — это приезд на конференцию миссий наших союзников. Их главными представителями явились: лорд Мильнер — Англия, г. Думерг и генерал Кастельно — Франция и г. Чиалоджа — Италия. 18 января тридцать семь {31} участников конференции были приняты Государем. По словам Мориса Палеолога, французского посла, Государь не произвел на них того впечатления, которое ожидалось. Видимо, Государь показался им очень прост, а требовалась буффонада, трескотня, политическое красноречие. Первые представители были отдельно приняты Государем, а 21 января делегатам был дан парадный обед в Александровском дворце. Императрица по болезни на обеде не присутствовала, но после обеда приняла у себя в салоне главных представителей. Морис Палеолог утверждает, что Императрица сказала между прочим г. Думергу: — Пруссия должна быть наказана. В этом нет ничего удивительного. Будучи немкой по рождению, Императрица не любила Пруссию с ее гегемонией, не любила Императора Вильгельма. Только злоба людская, политическая интрига, провокация создали клеветническую легенду о германофильстве Царицы Александры Федоровны.

Работа конференции носила характер хозяйственный. Все военные планы были уже решены раньше. Конференция должна была помочь их осуществлению.

Весною предстояло дружное общее наступление союзников на всех фронтах. Будет покончено с „дерзким врагом" — мечтал Государь.

Сербия, Бельгия будут вознаграждены. Франция получит свои земли. Россия — проливы, Царь-Град. Мечта близка к осуществлению. Весной. И мысль несется к любимой армии, которая укомплектована, усилена и снабжена всем необходимым, как никогда. В Ставку, к войскам тянуло Государя, но министры удерживали Его Величество, считая, что переживаемый тревожный момент требует его присутствия в столице.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

— 1917 г., с 27 января до отъезда Государя в Ставку. — Осведомленность Петроградского Охранного Отделения и доклады его Начальника. — Министр Внутренних дел Протопопов. — Отсутствие товарища министра. — Директор Департамента Полиции Васильев. — Рабочая группа Военно-промышленного Комитета в Петрограде. — Арест Группы. — Протекция Гучкова и Коновалова. — Блеф Протопопова. — Начало февраля. — Заговорщицкая группа Гучкова. — Неудавшийся план царевубийства. — Новый план. — Тревожные доклады генерала Глобачева. — Беспокорство Протопопова. — Выделение Петрограда в самостоятельную единицу. — Генерал Хабалов. — План охраны Петрограда. — Планы Маклакова и Протопопова. — Меры оппозиции. — Ходатайства Вел. Кн. Михаила Александровича, Георгия Михайловича и Александра Михайловича. — Ссора последнего с Императрицей. — Последний доклад Родзянки. — Государь отказывается от реакционного плана Маклакова. — Слух о конституции. — Обращение к рабочим Милюкова и Хабалова. — Открытие Госуд. Думы. — Революционные речи. — А. Ф. Керенский. — Революционный психоз. — Жизнь во дворце. — Энергия и работоспособность Государя. — Государь и Вел. Кн. Виктория Федоровна. — Решение ехать в Ставку. — Последние дни в Царском Селе. — Прибытие Гвардейского экипажа на охрану. — Отъезд Государя в Ставку 22 февраля.

Петроградское Охранное Отделение, начальником которого был Корпуса Жандармов генерал-майор К. И. Глобачев, подчиненный формально Петроградскому градоначальнику, но в деловом отношении как бы непосредственно министру Внутренних дел, было хорошо осведомлено об общем настроении и об общем недовольстве в столице. В докладе министру Вн. дел от 6 января Глобачев писал между прочим: „Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. Все ждут каких-то исключительных событий и выступлений как с той, так и с другой стороны. Одинаково серьезно и с тревогой ожидают как разных революционных всплесков, так и, несомненно, якобы, в ближайшем будущем „дворцового переворота“, провозвестником которого, по общему убеждению, явился акт в отношении пресловутого старца.

Доклад указывал, что всюду идут разговоры о начале террора, что переживаемый момент очень похож на время предшествовавшее первой, 1905 г., революции. Что первую жертвою террора будут министр Народного просвещения или Протопопов, „как главный виновник всех зол и бедствий, испытываемых страной“.

„Либеральные партии верят, — говорил доклад — что в связи с наступлением, перечисленных выше, ужасных и неизбежных событий, правительственная власть должна будет пойти на уступки и передать всю полноту власти в руки кадет, в лице лидируемого ими Прогрессивного блока и тогда на Руси все образуется“.

Левые же партии доказывали, что власть не пойдет на уступки, что наступит стихийная и анархическая революция и тогда создастся почва для „превращения России в {36} свободное от царизма государство, государство, построенное на новых социальных началах“.

Перед 9 января (воспоминание Гапоновского шествия в 1905 г.) Глобачев докладывал, между прочим, и об „общей распропагандированности пролетариата“.

На докладе от 19 января он настойчиво указывал на растущее недовольство от дороговизны жизненных продуктов, на успех левых газет и журналов, на симпатии широких масс к Гос. Думе, о готовящемся терроре, о разговорах о существовании офицерской организации, которая

решила убить ряд лиц, мешающих обновлению страны.

„Население, — писал Глобачев, — открыто, на улицах, в трамваях, в театрах, магазинах критикует в недопустимом по резкости тоне все правительственные мероприятия”.

„В семьях лиц, мало-мальски затронутых политикой, раздаются речи опасного характера, затрагивающие даже Священную особу Государя Императора”. Доклад указывал на противоправительственную работу Пуришкевича, Гучкова, Коновалова, князя Львова. Указывалось на „жажду общества найти выход из создавшегося политически ненормального положения, которое с каждым днем становится всё ненормальнее и напряженнее”.

Ген. Глобачев докладывал, что часть либеральной оппозиции ищет поддержки в рабочих. Раскачать рабочие массы на поддержку Г. Думы должна была Рабочая группа при Военно-Промышленном Комитете. Ей покровительствовали Гучков и Коновалов. Они наивно верили, что сумеют использовать рабочий класс и при их помощи овладеть властью. Создав широкое рабочее движение около Гос. Думы, Гучков надеялся более легко осуществить и самый персональный дворцовый переворот, осуществление чего являлось его особо-конспиративной работой, бывшей географически вне поля зрения Петроградского Охранного Отделения, о чем ниже.

Письменные доклады Глобачева, передаваемые министру при личном словесном докладе, дополнялись и иллюстрировались более красноречивыми живыми фактами и именами.

{37} Сомнений в них не возникало. Каждое данное шло из недр соответствующей партии, организации, группировки. Сведения, представлявшиеся Начальником Охранного Отделения были вполне достаточны для хорошего министра Вн. дел, дабы сделать все надлежащие выводы, принять необходимые разумные и целесообразные меры, с одной стороны, и в то же время параллельно принять предупредительно карательные меры. Но в России не было тогда ни настоящего министра Внутренних дел, ни его Товарища по политической и полицейской части, ни настоящего Директора Департамента Полиции, который помогает министру видеть, знать и понимать всё совершающееся в стране. Вот, что представлял собой А. Д. Протопопов, как министр.

Изящный, светский, очаровательный в обращении, мужчина, 50 лет, А. Д. Протопопов прежде всего был не совсем здоров психически. Он был когда-то болен „дурною болезнью” и носил в себе зачатки прогрессивного паралича, что замечали близкие друзья и знали доктора. Лечился у известного Бадмаева и у психиатра Бехтерева. Некоторые его странности замечались сочленами по Гос. Думе. Премьеры Трепов и кн. Голицын докладывали об его нездоровье Государю. Зимой ему даже было предложено отдохнуть некоторое время от нервного переутомления.

Во-первых, он находился под большим психическим влиянием некоего хироманта и окултиста, спирита и магнетизера Перрэн.

Карл Перрэн — здоровый, высокого роста мужчина, австрийский еврей, натурализовавшийся в Америке, приезжал в Петроград зимой 1913-14 г., жил в Гранд Отеле и публиковался в газетах как философ и хиромант. Тогда с ним и познакомился Протопопов. Перрэн предсказал Протопопову блестящую карьеру, стал лечить его дочь и наблюдать за здоровьем Протопопова. С января по август 1915 г. Перрэн жил в

Петрограде и за ним наблюдало Охранное Отделение, но ничего преступного замечено не было. 15 июня Перрэн вновь приехал через Белоостров в Петроград, был заподозрен в шпионаже в пользу немцев, обыскан и выслан из {38} России, а в начале июля Департамент дал знать на пограничные пункты о воспреещении Перрэну въезда в Россию.

В начале октября Перрэн, узнав про назначение Протопопова министром, прислал ему поздравительное письмо из Стокгольма, напомнил о старом знакомстве и сообщил, что он, Перрэн, как человек науки об уме, „алхимии" и „магнетической концентрации", очень интересуется судьбою Протопопова.

„Вы находитесь, — писал Перрэн, — под влиянием Юпитера. Я проник в вашу душу и нашел, что элементами вашими является честность, сила и стремление к движению вперед. Что вы человек большого упорства и большой силы убеждения..." „Под вашим управлением возникнет СИЛЬНАЯ, НОВАЯ, СЧАСТЛИВАЯ РОССИЯ. Правда, путь ваш не всегда будет усыпан розами, работа ваша будет трудна и обременительна, но вы преодолеете все препятствия и все затруднения, предстоящие государственному деятелю..."

Далее „доктор" сообщал Протопопову, что между ноябрем 1916 г. и сентябрем 1917 г. ему грозит болезнь и Перрэн предлагал свои услуги, но только безвозмездно, настолько он интересуется Протопоповым, как „ученый".

Доктор сообщал, „что в продолжение двух ближайших месяцев он будет стараться при помощи сильной астральной, магнетической концентрации, предупредить возможность опасности от болезни".

Протопопов был настолько доволен письмом, что приказал перевести его с английского на русский язык и хвастался им перед друзьями.

В половине декабря Протопопов получил новое письмо, в котором доктор сообщал, что собирается приехать и писал между прочим:

„Помните, что вы в настоящие дни являетесь человеком не только с национальной, но и международной репутацией. Человеком на виду у всего света и если находятся «дурные глаза», то мы будем знать, как с ними бороться".

{39} Протопопов хотел было посодействовать приезду Перрэна, но доклад о том, что Перрэн заподозрен в шпионаже, изменил это решение и Перрэну была послана телеграмма, что по обстоятельствам военного времени министр не может оказать содействия к приезду его в Петроград. Вот этому-то „доктору Перрэну" и верил искренни Протопопов. Он верил в его предсказания, верил и в то, что Перрэн оберегает его своими силами и что, в случае какой-либо опасности, Перрэн предупредит его. И когда один из друзей стал предупреждать его о надвигающейся революции, а значит и личной для него опасности, Протопопов лукаво улыбнулся и многозначительно сказал:

— Нет, дорогой, ведь ОН-то блюдет.

На изумленный вопрос — кто ОН, — Протопопов назвал Перрэна, а дальше следовал рассказ о гороскопе, об Юпитере и т. д.

Характерною чертою Протопопова была боязнь общественного мнения. Хорохорясь в Царском Селе по адресу общественников, он по натуре был **за них**. Он только из карьерных видов ушел из их лагеря. Он боялся их; хитря перед подчиненными, не делал часто того, что обязан был делать, как министр. Вот почему он так отстаивал Гучкова и Коновалова, о чем будет ниже. В душе они были для него свои люди.

Еще в день назначения министром большой портрет Гучкова украшал стену его кабинета. Арест кого-либо из „выборных" казался ему непозволительным.

Выслушивая доклады генерала Глобачева, он старался казаться твердым, отнюдь не либеральным и потому хитрил и лукавил, чтобы оправдать свое бездействие. Чтобы отделаться от надоедливого генерала, он брал иногда несколько подлинных его докладов и при английской записке отсылал их для прочтения Императрице... Можно себе представить, как разбиралась Ее Величество в этих вопросах!

Таков был Протопопов в деле. Ставя выше всего личную карьеру, он, прежде всего, делал всё, чтобы угодить Их Величествам. Он разыгрывал из себя в Царском Селе энергичного, {40} решительного, готового на всякую борьбу человека. Он уверенно и смело лгал, что он всё знает, всё предвидит и, главное, всё предупредит. Чтобы окончательно закрепить свое положение на женской половине, он не стеснялся разыгрывать из себя поклонника памяти убитого Старца. Он делал вид, что верит в его загробные молитвы, уверял таинственно, что Старец руководит им „оттуда". Передавали, что он уверял однажды Императрицу, что видел „астрал" Старца. Публика верила этому.

Распутин смеялся над Протопоповым и выразился однажды так: „У него честь, что подвязка. Как захочешь, так и тянется". На оскорбление Родзянки Протопопов ответил шуткою, а затем забвением. Честь, как подвязка — помогало ему в политической игре.

*

Товарища министра, заведовавшего полицией, наблюдавшего за Департаментом полиции в самый критический момент жизни государства не оказалось по вине самого Протопопова. После своего назначения он уговорил принять эту должность своего друга молодости и однополчанина генерала П. Г. Курлова. Курлов согласился. Ему нужна была реабилитация после убийства Столыпина, сломавшего всю его карьеру. Но против Курлова была общественность, Гос. Дума. Началась травля. И дряблый Протопопов, боясь общественности, обманул и предал старого друга. Он, министр, получив Высочайший о том указ, в течение двух месяцев всё „забывал" подписать рапорт в Правительствующий Сенат о состоявшемся о Курлове Высочайшем повелении. Курлов служил, работал, подписывал бумаги как Товарищ министра, но Сенат не давал им хода, не получая рапорта от Протопопова, а тот всё „забывал". А Гос. Дума сделала запрос. Курлов оставил должность Товарища министра, а в январе и совсем подал в отставку. Пример лукавства и двоедушия Протопопова. Таким образом Протопопов лишился ценного помощника по политической части, знавшего и любившего полицейское дело всех видов. Дело Департамента полиции осталось без компетентного руководителя. Пришлось поручить {41} исправление этой должности самому Директору Департамента — Васильеву. То был настоящий скандал.

Директор Д-та полиции А. Т. Васильев, когда-то Товарищ прокурора, был порекомендован Протопопову генералом Курловым, причем это назначение обуславливалось причинами ничего общего с делом не имеющими и вся моральная ответственность за это неудачное назначение ложится всецело на ген. Курлова.

Васильев, симпатичный в жизни человек, умел хорошо выпить, любил играть в карты и ласково, под винными парами, убаюкивал

Протопопова сказками о том, какой тот ловкий и удивительный министр.

Руководить Департаментом полиции, а тем более руководить политическим розыском по империи Васильев был не способен ни по уму, ни по знанию дела, ни по его характеру. Подделываясь под настроение Протопопова, он находил доклады ген. Глобачева излишне пессимистическими. Он обезличивал их для дальнейшего использования министром соответствующей литературной обработкой. Доклады теряли остроту переживаемого момента. После переворота этот бесхарактерный человек вел себя позорно.

Так трагически неудачно сложилось Министерство Внутренних дел накануне революции по части политической, по части полицейской. Других частей я не касаюсь.

**

*

Находясь под защитой Гучкова, Коновалова и их друзей, Рабочая Группа Военно-Промышленного Комитета смело работала по агитации.

24 января Раб. Группа распространила среди рабочих прокламацию, в которой говорилось, между прочим:

„Рабочему классу и демократии нельзя больше ждать. Каждый пропущенный день опасен. Решительное устранение самодержавного режима и полная демократизация страны являются теперь задачей, требующей неотложного {42} разрешения, вопросом существования рабочего класса и демократии... К моменту открытия Думы мы должны быть готовы на общее организованное выступление.“

„Пусть весь рабочий Петроград к открытию Думы, завод за заводом, район за районом, дружно двинется к Таврическому дворцу, чтобы там заявить основные требования рабочего класса и демократии“.

„Вся страна и армия должны слышать голос рабочего класса. Только учреждение Временного Правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ, сможет вывести страну из тупика и губительной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на приемлемых, как для российского пролетариата, так и для пролетариата других стран, условиях“.

Большевики желали действовать самостоятельно и призывали рабочих на демонстрацию, но только на 10 февраля, годовщина суда над депутатами большевиками. В это время в Петрограде из известных большевиков работал нелегальным лишь Шляпников да Скрябин-Молотов. Все остальные были или за границей или в ссылке.

Рабочая масса медленно, но верно, раскачивалась. Стачки не прекращались. Инциденты с полицией учащались. Женщины и дети, застрельщики революций, становились на окраинах всё смелее и развязнее.

Охранное Отделение видело, что надо действовать. Ген. Глобачев, опираясь на последнее выступление Рабочей Группы, представил министру обстоятельный доклад о работе и планах Гучкова, Коновалова и Рабочей Группы и просил разрешения арестовать их всех. Протопопов не соглашался и, по настоянию Глобачева, собрал у себя совещание, на которое пригласил своего друга Курлова. Генерал Курлов поддержал Глобачева. Протопопов согласился на арест, но только одной Рабочей Группы. И то, по его решению, аресты должны были быть произведены по ордерам военных властей. Так министр общественник боялся Г. Думы. {43} В ночь на 27 января были арестованы одиннадцать членов Рабочей Группы, во главе с Гвоздевым, и четыре члена пропагандистской группы.

Все были заключены в Петропавловскую крепость. Данные обысков были блестящи. Всем были предъявлены формальные обвинения в государственных преступлениях. О происшедшем было сделано правительственное сообщение. Удар был неожиданный и жестокий. Гучков и Коновалов, спасенные от ареста Протопоповым, забили тревогу и стали хлопотать за арестованных. 29-го они собрали совещание из представителей оппозиции, стараясь увлечь их на протест. Проект не удался. На собрании выяснилось большое различие во взглядах на методы борьбы с правительством. В то время, как Гучков и Коновалов с друзьями работали на революцию, лидер Прогрессивного блока Милюков высказал мнение, что руководство в борьбе с правительством принадлежит Гос. Думе в лице ее Прогрессивного блока. То уже была борьба легальная, парламентская. Но собрание показало, что все группировки от члена Думы с.-д. Чхеидзе до члена Гос. Совета Гурко — все одинаково против правительства и желают его перемены.

Однако правительство не отступило перед шумихой в деле Раб. Группы. Только премьера Голицына Гучкову удалось убедить, что Группа вела высоко патриотическую работу. Арестованные оставались в крепости. Мы увидим ниже, насколько ген. Глобачев был прав, обратив на них серьезное внимание и какую роль сыграла Группа при революции.

**

*

Арест Рабочей Группы совершенно нарушил внутреннее равновесие Протопопова. Он пришел в такой экстаз от добытых при обысках данных, что раздул значение арестов до Геркулесовых столбов.

Он доказывал в Царском Селе, что сорвал революционный заговор, что аресты предупредили революцию. Он хвастался и кричал при всяком удобном случае, что раздавит революцию, как щенка. Что, когда нужно будет, он, министр, зальет Петроград кровью. Друзья, зная его, улыбались, кто {44} не знал, верили. А в то же время он хитро выгораживал в Царском Селе Гучкова и других либералов, доказывая, что их аресты поведут лишь к увеличению их популярности. Их Величества верили ему и тоже переоценили значение арестов Рабочей Группы. Стали спокойней принимать слухи об оппозиции. Вера во всезнание Протопопова и в его политическую проницательность возросли еще более.

Начался февраль месяц. Столица была как в лихорадке. Шли частичные забастовки на заводах. Бродили по улицам ничего не делающие рабочие. Съезжались члены Законодательных палат, которые должны были начать работы 14 февраля. Съезжались многие политические и общественные деятели Земгора. Собирался съезд партии Народной Свободы — КА-ДЕ. Продолжалась конференция Союзников. Происходили тайные и явные собрания, совещания. Распространялись разные слухи, волновавшие все круги населения. Все ждали каких-то важных событий. Шептались о возможности государственного переворота.

В эти дни Гучков сделал первую попытку осуществить свой фантастический младотурецкий план — захватить Государя Императора, вынудить его отречение в пользу Цесаревича, причем при сопротивлении Гучков был готов прибегнуть и к цареубийству.

Гучков полагал, что кто устроит этот переворот, тот и будет господином положения в решении, кому быть регентом при молодом царе.

План приурочивался к Царскому Селу или Петрограду, но он не удался. Вот что произошло.

В самую тесную конспиративную группу Гучкова входили: член Гос. Думы Некрасов, камер-юнкер князь Д. Л. Вяземский, состоявший начальником 17-го передового отряда Красного Креста, камер-юнкер М. И. Терещенко, служивший в распоряжении директора Императорских театров, киевский миллионер, также Главноуполномоченный Красного Креста {45} и участник Военно-Промышленного Комитета, а также служивший на Румынском фронте генерал-майор Крымов.

Все члены группы, кроме Крымова, были в те дни в Петрограде. Терещенко приехал из Киева, где он был в близких отношениях с состоявшим при Императрице Марии Федоровне, князем Долгоруким.

Там, в Киеве, друзья приятно проводили время в гостинице Континенталь, говорили о текущих событиях. Терещенко отвел в сторону князя Долгорукого и сообщил ему, что он уезжает в Петроград, где от Государя потребуют отречения. Государыню заключат в монастырь. Что в заговоре участвуют офицеры Собственного полка и Конвоя Его Величества, называл фамилии и назвал даже одного полковника. Переворот назначался на 8 февраля. На вопрос кн. Долгорукого, а что же будут делать, если Его Величество не согласится на отречение, Терещенко ответил, что тогда Государя устранят... Терещенко уехал.

На утро князь Долгорукий рассказал всё слышанное состоявшему при Императрице князю Шервашидзе. Вызвали помощника начальника Дворцовой полиции подполковника Шепеля и рассказали ему. Шепель отнесся к сообщенному, как к очередной сплетне, не придав делу серьезного значения и оно заглохло. До сведения Дворцового коменданта ни со стороны свиты вдовствующей Императрицы, ни со стороны Дворцовой полиции об этом случае ничего доведено не было.

Между тем, вернувшийся в Киев из Петрограда, Терещенко опять рассказал кн. Долгорукому, что план не удалось осуществить. Один из участников, якобы, выдал всё предприятие.

Последнее неверно. План не был выдан. Дворцовому коменданту он остался неизвестен до самой революции. Правда в том, что Гучков не нашел среди офицеров людей, соглашавшихся идти на цареубийство. Не нашел Гучков тогда и вообще сочувствия среди общественников насильственному перевороту. На предложения некоторым принять участие в {46} таком заговоре, получались отказы. В числе отказавшихся был и член Гос. Думы Шульгин. *(о Шульгине - на нашей стр., ldn-knigi)*

Гучков изменил и отложил временно план. Он решил организовать остановку царского поезда во время следования его между Царским Селом и Могилевым, потребовать отречения, а если придется, прибегнуть и к насилию. Выполнение нового плана было назначено на половину марта. К этому времени был вызван с Румынского фронта генерал Крымов.

О таком последнем, окончательном плане нападения на Государя главный начальник охраны Его Величества, Дворцовый комендант Воейков осведомлен не был и знал ли о нем Протопопов и его политическая полиция — неизвестно. Полагаю, что они этого плана не знали.

*

Доклады Начальника Петроградского Охранного отделения министру Протопопову становились всё тревожнее.

5 февраля ген. Глобачев докладывал об увеличивающемся недовольстве из-за недостатка некоторых продуктов. Он предостерегал о возможности так называемых „голодных бунтов" и эксцессов „самой ужасной из всех анархических революций". Почти ежедневно его доклады сообщали о забастовках.

7 февраля генерал предупреждал, что 14 февраля возможна попытка устроить шествие к Таврическому дворцу, что большевики, меньшевики и соц.-дем. объединение вынесли такое же решение. Генерал предупреждал о „грядущих весьма серьёзных последствиях".

Представил генерал Протопопову и список министров того Временного правительства, которое предназначается после переворота. На листе значился премьером князь Львов и все министры будущего Вр. правительства, кроме Керенского и Гвоздева.

Последнее встревожило, наконец, и легкомысленного Протопопова, верившего в свою звезду Юпитер и т.д. Продолжая {47} хвастаться, что он знает всё и что он расстреляет революцию и зальет кровью столицу, Протопопов струсил. Он начал беспокоить докладами Их Величества. Возбуждая недовольство на генерала Рузского, министр стал просить о выделении Петрограда из ведения Рузского, т.е. о выделении его из северного фронта в особую единицу, с подчинением генерал-лейтенанту Хабалову. Новый военный министр генерал Беляев внес этот проект в Военный совет, тот провел проект и Государь утвердил.

Хабалова Протопопов расхваливал Их Величествам, как энергичного человека, что совершенно не соответствовало истине. То был довольно старый, не разбиравшийся в политике генерал солдатского типа, когда-то отличный Начальник Павловского Военного училища, но теперь человек усталый. Боевая работа ему была уже не по плечу, а пост ему вверили боевой. Хабалов и начал вырабатывать с градоначальником Балком (человеком тоже новым для Петрограда) план военной охраны Петрограда на случай беспорядков.

Чувствуя, однако, свою беспомощность, как министр, не одобряемый премьером, презираемый с деловой точки зрения другими министрами, Протопопов надумал провести на пост премьера Н. А. Маклакова. Их общий друг Н. Ф. Бурдуков стал хлопотать за новую комбинацию. Маклаков соглашался работать совместно с Протопоповым. Это бы усилило позицию Протопопова. Одновременно велась кампания за немедленный роспуск Гос. Думы и за назначение новых выборов. Это была давнишняя мечта Маклакова. Предпринятая кампания сначала имела успех.

8 февраля Протопопов передал Маклакову Высочайшее повеление заготовить проект манифеста о роспуске Гос. Думы и привезти его лично Государю. На следующий день Протопопов доложил Государю о предполагаемой на 14 число демонстрации и доложил выработанный у Градоначальника план охраны Петрограда. План удостоился Высочайшего утверждения.

{48} Этим планом министр Внутренних дел предусмотрительно сваливал всю предстоящую борьбу и ответственность по столице на Начальника Петроградского Военного округа.

**

*

Слухи о реакционных планах и проектах Маклакова и Протопопова дошли до думских кругов. Заволновалась вся оппозиция.

Родзянко стал действовать на бывших в Петрограде членов Династии с целью повлиять на Государя не идти на реакцию.

6 числа с Государем уже говорил приезжавший к чаю из Гатчины Вел. Кн. Михаил Александрович. Его старались настроить в нужном направлении Родзянко и Вел. Кн. Александр Михайлович, вызванный в Петроград по делам авиации. Говорил с ним на фронте и генерал Брусилов, прося повлиять на Государя относительно изменения политики.

Великий Князь советовал Государю пойти на уступки. Но не надо забывать, что он был младший брат, да, кроме того, в его взглядах видели влияние его супруги, что не нравилось. *(об этом см. книгу воспоминаний Вел. Кн. А.М. на нашей стр., ldn-knigi)*

9 числа у Государя был с докладом и завтракал В. К. Георгий Михайлович, вернувшийся из объезда армий в течение трех месяцев. Он знал пессимистический взгляд на будущее своих братьев Вел. Кн. Николая Михайловича и Сергея Михайловича. Он много слышал на фронте от Брусилова и других генералов. Он и доложил, что некоторые из высших начальников считают желательным дарование реформ, что все относится с уважением к Гос. Думе.

Еще более решительные шаги предпринял Вел. Кн. Александр Михайлович. В Киеве до Великого Князя доходили слухи о самых важных революционных проектах либералов. С ним имел беседу антидинастического характера Терещенко, что привело Вел. Князя в негодование, т.к. он, прежде всего, понимал всю политическую несерьёзность и всё легкомыслие Терещенко. В Киеве членам Династии было известно многое, чего не знали в Царском Селе. Лишь в конце января {49} Императрица Мария Федоровна получила письмо от одной из внучек, в котором внучка, очевидно наученная кем-то, убеждала бабушку вернуться в Петроград, пригласить Государя в Аничков дворец и убедить его сделать перемены в министрах.

Вел. Князь Александр Михайлович, вернувшись в декабре из Петрограда, начал писать Государю письмо, которое закончил лишь и отправил Государю 4 февраля. Вел. Князь убеждал Государя пойти навстречу обществу, уволить Протопопова, назначить министров, пользующихся доверием страны. Вел. Князь писал между прочим:

„Недовольство растет с большой быстротой и чем дальше, тем шире становится пропасть между тобою и твоим народом... В заключение скажу, что, как это ни странно, но правительство сегодня есть тот орган, который подготавливает революцию. Народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу“.

Великий Князь был прав. Зная и помня, что тогда делалось, под его словами можно подписаться полностью.

Приехав в Петроград по делам, обеспокоенный всеобщим настроением, зная, что когда Их Величества вместе, то Государь всецело подчиняется Императрице, Великий Князь решил добиться свидания с Ее Величеством, переговорить откровенно и серьезно с Царицей. От свидания уклонялись. Вел. Князь настаивал и, наконец, получил приглашение к завтраку 10 февраля. Царица на завтраке не присутствовала. После завтрака, Государь пригласил Вел. Князя пройти в спальню Царицы.

— Я вошел бодро, — писал позже Вел. Князь — Аликс лежала в постели в белом пеньюаре с кружевами. Ее красивое лицо было серьезно и не представляло ничего доброго. Я понял, что подвергнусь нападкам. Это меня огорчило. Ведь я собирался помочь, а не причинить вред. Мне также не понравился вид Никки, сидевшего у широкой постели. В моем письме к Аликс я подчеркнул слова: „Я хочу вас видеть {50} совершенно одну, чтобы говорить с глазу на глаз". Было тяжело и неловко упрекать Её в том, что Она влечет своего мужа в бездну в присутствии его самого".

Сев в кресло у кровати и указав на иконы, Вел. Князь сказал, что будет говорить, как на духу. Он начал, и уже с первых реплик Царицы разговор принял запальчивый характер. Великий Князь убеждал изменить курс внутренней политики, устранить Протопопова, призвать к власти других людей, убеждал Царицу устраниваться от политики и предоставить государственные дела Государю. И вот, что произошло, по словам Великого Князя:

„Она презрительно улыбнулась. — Все, что вы говорите, смешно. Никки — Самодержец. Как может Он делить с кем бы то ни было свои Божественные права?

— Вы ошибаетесь, Аликс. Ваш супруг перестал быть Самодержцем 17 октября 1905 года. Надо было тогда думать о его „Божественных правах". Теперь это, увы, слишком поздно. Быть может, через два месяца в России не останется камня на камне, чтобы напоминать нам о Самодержцах, сидевших на троне наших предков.

Она ответила как-то неопределенно и вдруг возвысила голос. Я последовал ее примеру. Мне казалось, что я должен изменить свою манеру говорить.

— Не забывайте, Аликс, что я молчал тридцать месяцев, — кричал я в страшном гневе, — я не проронил в течение тридцати месяцев ни слова о том, что творилось в составе нашего правительства или, вернее говоря, вашего правительства. Я вижу, что вы готовы погибнуть вместе с вашим мужем, но не забывайте о нас. Разве мы должны страдать за ваше слепое безрассудство? Вы не имеете права увлекать за собою ваших родственников.

— Я отказываюсь продолжать спор, — холодно сказала Она. Вы преувеличиваете опасность. Когда вы будете менее возбуждены, вы узнаете, что я была права.

{51} Я встал, поцеловал Её руку, причем в ответ не получил обычного поцелуя и вышел. Больше я никогда не видел Аликс".

Разговор Вел. Князя был настолько резок и громок, что Вел. Княжна Ольга Николаевна попросила дежурного флигель-адъютанта Линевича быть с нею в соседней комнате.

Отношения между членами Династии были настолько натянуты, время же было настолько нервное, что на женской половине кому-то пришла в голову мысль о возможности какого-либо нападения.

Расстроенный Вел. Князь написал в библиотеке письмо Вел. Князю Михаилу Александровичу о неуспехе своего разговора.

*

Часом позже Государь принял Председателя Гос. Думы Родзянко.

Расстроенный предыдущей беседой, Государь просил прочесть доклад. Доклад был очень резкий, критиковал отношение правительства к

Думе, особенно нападал на Протопопова и на принятые им в последнее время меры.

Государь слушал с неудовольствием и даже попросил, наконец, поторопиться, сказав, что его ожидает Вел. Князь Михаил Александрович. Родзянко окончил. Государь высказал, что он не согласен с его мнением и предупредил, что если Гос. Дума позволит себе что либо резкое, она будет распущена. Родзянко высказал, что значит это его последний доклад и предупредил, что после роспуска Думы вспыхнет революция. Монарх расстался с Председателем Гос. Думы сухо. То было их последнее свидание.

Государь пил чай с Вел. Князем Михаилом Александровичем. Братья говорили о текущем моменте, а после Государь принял Щегловитова.

Горячая кампания, поднятая против проектов Маклакова и Протопопова возымела успех. Когда 11 февраля Маклаков лично привез Государю проект манифеста о роспуске Гос. Думы, Государь взял проект, но заметил, что этот {52} вопрос надо обсудить всесторонне и этим дело закончилось. Перемена Государя по отношению Гос. Думы была в те дни настолько ярко выражена, что около Родзянко говорили, будто Государь намерен приехать на открытие Гос. Думы, дабы объявить о даровании ответственного министерства. Говорили, что слухи шли от премьера князя Голицына. Вопрос о комбинации правительства — Маклаков и Протопопов загдох совершенно.

**

*

Спасая Гос. Думу от вмешательства толпы, лидер Прогрессивного блока, Милюков обратился к прессе с открытым письмом, убеждая рабочих не поддаваться агитации и оставить мысль о демонстрации у Думы в день ее открытия. Этим актом разбивался слух, что Дума ищет поддержки рабочих и хочет использовать их 14 февраля.

Генерал же Хабалов, с своей стороны, сделал воззвание, приглашая не устраивать демонстрации. И день открытия Гос. Думы, 14 февраля прошел спокойно. Проектированное шествие не состоялось. Бастовало лишь до 20 тысяч рабочих. На двух заводах вышли было рабочие с пением революционных песен и криками: „долой войну“, но были рассеяны полицией. На Невском студенты и курсистки собирались толпами, но тоже были разогнаны.

Дума открылась, как выражался депутат Шульгин, „сравнительно спокойно, но при очень скромном внутреннем самочувствии всех“. От Прогрессивного блока было сделано заявление о непригодности настоящей власти. Чхеидзе, Ефремов, Пуришкевич по-разному поддерживали это положение. Так начала свое наступление на власть Гос. Дума.

15 февраля социалист-революционер А. Ф. Керенский произнес речь против Верховной Власти. Он заявил, что „разруха страны была делом не министров, которые приходит и уходят, а и той власти, которая их назначает, т.е. Монарха и Династии“.

Слух об этой речи распространился по городу. Премьер Голицын по телефону просил Родзянко прислать ему текст {53} сказанного. Родзянко отказал в присылке текста и заверил премьера, что речь ничего предосудительного в себе не заключала. Голицын поверил и был рад, что не надо начинать нового „дела“. Протопопов же, по обыкновению, перетрусил и выпад Керенского замолчали. Государю даже не доложили

во время и он узнал о том уже после и не от Протопопова.

Спустя два дня Коновалов, Чхеидзе (с.-д.) и Керенский, официально „трудовик“, вновь атаковали правительство. Вновь речь Керенского по нецензурности не могла быть напечатана, и вновь Родзянко прикрыл ее своим авторитетом.

Но слух о ней распространился. Вновь говорили о Керенском. Это было началом революционной славы Керенского. Кроме своей смелости, он обязан ею трусости министра Внутренних дел Протопопова и попустительству Директора Департамента Полиции Васильева. Только Императрица женским чутьем угадала тогда всю опасность Керенского и стала твердить, что Керенского надо убрать.

Настроение же в Государственной Думе, при виде трусости правительства, повышалось, смелость депутатов увеличивалась. Дума сделалась настоящей революционной трибуной. А, между тем, едва ли кто из буржуазных депутатов хотел революции. Революции в Думе боялись. Ни одна партия к ней не была готова. Незадолго перед тем на одном конспиративном совещании революционных организаций Петрограда представители рабочих заявляли, что для революции они не готовы.

— Они, революционеры, не были готовы, но она, революция, была готова, — говорил позже депутат В. Шульгин. Они, думцы, сами раскачивали массы на революционное выступление. Вся серая толпа, вся средняя интеллигенция, многие военные, бывшие военными только по одежде, все смотрели на Гос. Думу с каким-то упованием. Все радовались ее нападкам на правительство и сами приходили в волнение. Создавалось общее революционное настроение. Было ощущение близости революции. Революционный микроб отравлял {54} столицу, заражал толпу на улице, проникал на заводы и фабрики, в казармы и канцелярии, в частные дома обывателей.

*

За три недели февраля, до отъезда в Ставку, Государь принял до ста лиц в деловых аудиенциях. Принял пять представителей иностранных держав, Великих Князей с деловыми докладами — Бориса Владимировича, Павла Александровича (2 раза), Сергея, Георгия и Александра Михайловичей и герцога Александра Лейхтенбергского.

К завтраку приглашались: граф Фредерикс, графиня Воронцова-Дашкова (жена покойного Наместника), Вел. Князь Михаил Александрович (2 р.), Георгий Михайлович и княгиня Елена Петровна; дежурные флигель-адъютанты: Мордвинов, Свечин, Линевиц, Петровский, гр. Замойский и гр. Воронцов-Дашков, по разу. По два раза: Саблин, Вилькицкий, герцог Лейхтенбергский и гр. Кутайсов. К чаю были приглашены: г-жа Ден, Вел. Кн. Александр Михайлович и дважды Вел. Кн. Михаил Александрович.

К обеду приглашались по разу дежурные флигель-адъютанты: Свечин, гр. Д. Шереметев, Линевиц, гр. Воронцов-Дашков, А. Вилькицкий. По два раза — Мордвинов, Кутайсов, Петровский, герцог Лейхтенбергский. Три раза был приглашен Саблин. Один раз обедала А. А. Вырубова.

Обычные прогулки Государь совершал с кем-нибудь из дочерей. 5 и 12 февраля Царская семья была в гостях у А. А. Вырубовой. Были приглашенные, знакомые, играл румынский оркестр Гулеско, смешил

рассказами артист Лерский. Слухи об этих вечерах проникли в Петроград и была пущена легенда об „оргиях“. Чего только не выдумывали в петроградских гостиных, чтобы бросить грязью в Царский дворец.

Как всегда, днем, между докладами, Государь много занимался. Присылавшихся и оставляемых министрами докладов было так много в этом месяце, что Государь даже ни разу не читал вслух вечером семье, что было для него всегда большим отдыхом. Государь был полон энергии и работал много.

{55} Никакой апатии, о чем так много говорили, особенно в иностранных посольствах, в Государе не было заметно. Была заметна иногда усталость, особая озабоченность, даже тревога, но не апатия. Комментировали тогда много тот факт, что Государь не приехал на собрание Комитета обороны, что очень обидело Родзянко и то, что Государь отклонил личный доклад вернувшейся из Румынии Вел. Кн. Виктории Федоровны.

Что руководило первым обстоятельством — неизвестно, Второе же объяснялось тем, что пред Государем только что прошли все совещания приезжавших принца Карола, Братиано с Гурко и министрами. Его Величеству всё было ясно относительно Румынии. Играли роль, конечно, и натянутые отношения с возглавлявшей „Владимировичей“ Вел. Кн. Марией Павловной. В половине февраля Вел. Кн. Мария Повловна сочла за лучшее уехать на Кавказ. Но до дворца доходили слухи, что и взгляды Вел. Кн. Виктории Федоровны не были в пользу Императрицы. Отклонив личный доклад, Государь просил прислать письменный, что и было исполнено.

На этот доклад Государь ответил Вел. Кн. Виктории Федоровне очень любезным личным письмом. Государь писал между прочим, что он по-прежнему любит Вел. Кн. Кирилла Владимировича и его братьев, безусловно верит им и не сомневается в их к нему верности и преданности. Автор слышал это последнее лично от Вел. Кн. Виктории Федоровны. Рассказав это, Вел. Княгиня прибавила, что это историческое письмо сохранялась, как реликвия в их семье, даже при большевиках. Оно было приколото кнопками снизу к обеденному столу.

Во второй половине февраля заболели простудой и слегли Цесаревич и Вел. Кн. Ольга Николаевна, а затем и Вел. Кн. Анастасия Николаевна.

На первой неделе Великого поста Государь с семьей говел. 17 числа все исповедывались, а 18-го Их Величества с Вел. Кн. Татьяной и Анастасией Николаевнами причащались. А затем отец Александр причастил в их комнатах Цесаревича и Вел. Кн. Ольгу и Марию Николаевну.

{56} 19 февраля Государь, пригласив Дворцового коменданта, сказал о своем решении ехать в Ставку. На осторожно выраженную Воейковым мысль о переживаемом времени, Государь ответил, что Протопопов не предвидит никаких осложнений и просил сделать все распоряжения к отъезду на 22 число.

Вечером, Императрица, узнав, что у А. А. Вырубовой собрались несколько офицеров, прибывшего на охрану Гвардейского экипажа, пригласила Анну Александровну со всеми гостями в свои апартаменты. Собралась вся Царская семья, кроме больных. В числе приглашенных были: г-жа Ден, Н. П. Саблин, командир прибывшего батальона Месоедов-Иванов и офицеры Родионов и Кублицкий.

Батальон прибыл с фронта лишь 15 числа и расположился в

деревне Александровке. Он по охране выходил из прямого подчинения Вел. Кн. Кириллу Владимировичу и подчинялся Дворцовому коменданту. Их Величества были очень довольны прибытием моряков. Царские дети были в восторге. Командир батальона, Месоедов-Иванов, при прибытии батальона собрал офицеров и просил быть осторожней при разных встречах и парировать должным образом, если бы кто-либо позволил себе непозволительное по адресу Царской семьи. Обращение командира встретило самый горячий отклик у офицеров.

И в этот вечер, в гостиной Императрицы, прощаясь с офицерами, Государь сказал Месоедову-Иванову, что он уезжает совершенно спокойно, так как оставляет семью под их охраной.

20 числа Государь принял премьера князя Голицына, предупредил об отъезде и напомнил ему, что в его распоряжении находится подписанный Его Величеством указ о роспуске Гос. Думы, которым Государь уполномочивает Голицына воспользоваться в случае экстренной надобности, проставив лишь дату и протелеграфировав о том в Ставку.

21 числа Государь принял министров Беляева и Покровского, принял Щегловитова, а вечером Протопопова. {57} Протопопов уверял Государя в полном спокойствии в столице, желал хорошего путешествия и скорейшего возвращения. После доклада Протопопова был принят Императрицей. Уходя из Царских покоев, Протопопов сказал весело скороходу Климову: — Вот, Климов, ваши генералы уговаривают Его Величество не уезжать в Ставку и говорят, что будут какие-то беспорядки. А я вам говорю: — можете ехать, всё в порядке, берегите Государя. И, похлопав по плечу Климова, министр быстро прошел к выходу. Позже эти заверения Протопопова не раз будет вспоминать царская прислуга.

22 февраля. В Царском Селе ясный, солнечный, крепкий, морозный день. Государь с утра укладывался в дорогу. Принял Мамонтова, которому повелел через неделю приехать с докладом в Ставку, Кульчицкого и Добровольского.

К завтраку приехал Вел. Кн. Михаил Александрович. Он был очень доволен поездкой Государя. Распрощавшись после завтрака с семьей и А. А. Вырубовой, Государь выехал из дворца с Императрицей. Дружно крикнули: „Здравия желаем Ваше Императорское Величество" стоявшие у главных ворот чины Конвоя, Собственного полка, Дворцовой полиции. Проехали в церковь Знамения. Приложились к чудотворной иконе Божией Матери. Поехали к Царскому павильону. Белая пелена расстилалась кругом. Блестел на солнце купол Федоровского собора. Переливался веселый звон его колоколов. Там только что окончили напутственный молебен.

В два часа Императорский поезд тронулся в путь. По сторонам, как вкопанные, часовые Железнодорожного полка. Вдали на лыжах „охрана второй линии". Царский поезд скрылся, повернув на Гатчину.

Царица в красных пятнах от волнения вернулась во дворец. Неясное предчувствие чего-то нехорошего угнетало ее. Ее Величество долго молилась и плакала. Плакали и на детской половине. Вечером слегла в постель А. А. Вырубова.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

— Начало 1917 года в Ялте. — Открытие Военного дома и телеграмма Его Величества. — Экстренный вызов меня в Петроград. — Приезд в Петроград 20-го февраля. — Настроение в Петрограде. — Вторник 21 февраля. — У генерала Д. Н. Дубенского. — Беседа с сенатором Х. — Свидание с Дворцовым комендантом. — Разговор ген. Воейкова с министром Протопоповым. — Взгляд Протопопова на отъезд Государя в Ставку. — Обед у генерала Секретева, оптимизм петербуржцев. — Тревожное размышление о советчиках Государя. — Среда 22 февраля после отъезда Государя в Ставку. — На чае с членом Гос. Думы. — Общественное мнение об Их Величествах. — Упадок престижа.

Тот последний год Царского режима начался для меня в Ялте беспокойно. Была какая-то необъяснимая, безотчетная тревога. В день Нового Года, по моей инициативе, мы все, кто хотел поздравить друг друга, собрались с дамами в городском Собрании часа в 3 дня. Новый портрет Государя Императора в форме Гродненского гусарского полка, в рост, отлично исполненный, по моему заказу, служившим в том полку, Ковако, смотрел на нас добрыми глазами, отлично удавшимся художнику-любителю. Для многих это была новость видеть портрет Его Величества в Собрании. Его рассматривали с любопытством, говорили комплименты художнику. Мы поздравили друг друга, целовали дамам ручки, высказывали всяческие хорошие пожелания, не подозревая, что произойдет со всеми нами ровно через два месяца.

Говорили о Щегловитове и князе Голицыне, премьере, о котором узнали впервые. У меня спрашивали про него, считая, что я должен знать больше других.

В январе я получил несколько писем из Петрограда, в которых друзья, по-разному, предупреждали меня о вероятном назначении меня в Петроград. С другой стороны, тоже по-разному, сообщали о готовящихся чрезвычайных событиях. В письме из Гатчины один из моих младших бывших подчиненных, сообщал мне, что в Гатчине, где жил Вел. Кн. Михаил Александрович, много говорят о том, что на престоле скоро будет Цесаревич Алексей Николаевич, а Великий Князь будет Регентом. Письмо пришло с обыкновенной почтой и я был тем более удивлен, что в нем были подробности „неприемлемые“. И я тем более удивлялся, что в Императорской резиденции так просто говорят о предстоящей перемене Монарха.

{62} Тем энергичнее подгонял я работы по оборудованию „Военного дома“ для раненых офицеров, который хотел связать с именем Государя Императора. Наконец, Дом был закончен. Он включал номера для обер-офицеров, столовую, бильярдную, карточную комнаты. Отслужили молебен, на который я пригласил представителей всех сословий. Осветили все помещения. Картина художника Аитова: „Яхта Штандарт подходит к Ялте“ символически связывала нас с Царской семьей. Я отправил телеграмму Его Величеству от всех нас, участвовавших в открытии Дома, нарочито подчеркнув общность работы местного общества.

Я был счастлив получить 25 января в ответ следующую телеграмму Его Величества: „Ялта. ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ. Очень обрадован известием об открытии военного дома для наших раненых героев и благодарю всех присутствовавших на торжестве за их молитвы и

выраженные чувства преданности. НИКОЛАЙ."

Телеграмму воспроизвели в местных газетах. Она произвела отличное впечатление.

Время бежало и, вдруг, 16 февраля я получил телеграмму от министра Протопопова прибыть немедленно в Петроград. Сдав спешно все казенные деньги, денежные книги, разные документы коменданту полковнику Ровнякову, я, почему-то, запечатал всё это в один большой пакет предварительно, чего обычно не делается, опять-таки, как будто, что-то безотчетно предчувствуя. Мы составили о сдаче протокол и оба подписали его. Каждый взял экземпляр протокола.

На другой же день я выехал на Север, взяв с собою, на всякий случай, целый ряд дел, по которым нужно было добиться благоприятных разрешений по благоустройству нашего южного берега Крыма.

Мне рисовалось, что с помощью Их Величеств я проведу все эти вопросы быстро и с пользою для Края. Ялтинская Дума снабдила меня всеми нужными документами и в том числе очень красивыми акварелями, на которых была изображена Ялта современная и Ялта в будущем.

{63} Алушта, Алушка, Гурзуф также нагрузили меня своими ходатайствами к центральной власти. Я ехал ходатаем от нашей Ривьеры, не зная, для чего меня вызывают.

*

20 февраля я приехал в Петроград. Мой заместитель по должности в Царском Селе предложил мне остановиться в Петрограде на моей бывшей казенной квартире, Фонтанка № 54, недалеко от Невского, чем я, конечно, и воспользовался с большим удовольствием. Приятно было очутиться в своей старой уютной квартире, где было так много пережито, хотя и тревожного, но хорошего. Тут были и дворцовый и городской телефоны. Я протелефонировал в Царское, дабы доложили Дворцовому коменданту о моем приезде. Я поблагодарил генерала Воейкова за разрешение остановиться в их казенной квартире. Генерал поздравил меня с приездом и обещал протелефонировать, когда и где мы можем свидеться, так как он очень занят приготовлением к отъезду в Ставку. Из его слов я понял, что вызван я по повелению Его Величества и только.

Я начал мои деловые и личные визиты. Побывал в Департаменте общих дел. Бывший одесский градоначальник, милейший и симпатичный Сосновский, которого иначе и не звали как Ванечка, с которым так много приходилось встречаться и работать в Одессе, встретил меня так важно по-петербургски, что, выходя из его роскошного кабинета, я подумал, смеясь: ну, как меняет человека сразу министерский климат...

Я записался на прием к министру. Начальник первого Отделения, всё и вся личного состава, очаровательный Н. Н. Боборыкин встретил радушно, обаятельно любезно, но ничего о причине моего вызова не сообщил. То был отличный столичный чиновник, умный и притом большой философ.

В министерстве шла обычная спокойная работа и я условился, когда и как начнем рассматривать некоторые, касающиеся Края вопросы.

В Департаменте Полиции, где внушительно сидели когда-то такие господа, как умный Зволянский, ловкий {64} Трусевич и всезнающий Белецкий, к которым губернаторы входили с некоторым трепетом, хотя и не были, в сущности, им подчинены, меня встретил беспомощный, жалкий Васильев, встретил сухо подозрительно. Он находил, что всё идет хорошо, в столице полный порядок, министр очаровательный человек и

работать с ним одно удовольствие. О причине моего вызова он ничего не знал.

Повидав кое-кого из Охранного Отделения понял, что они смотрели на положение дел — безнадежно. Надвигается катастрофа, а министр видимо не понимает обстановки и должные меры не принимаются. Будет беда. Убийство Распутина положило начало какому-то хаосу, какой-то анархии. Все ждут какого-то переворота. Кто его сделает, где, как, когда — никто ничего не знает. А все говорят и все ждут.

Попав же на квартиру одного приятеля, серьезного информатора, знающего всё и вся, соприкасающегося и с политическими общественными кругами, и с прессой и миром охраны, получил как бы синтез об общем натиске на правительство, на Верховную Власть. Царицу ненавидят, Государя больше не хотят.

За пять месяцев моего отсутствия как бы всё переродилось. Об уходе Государя говорили как бы о смене неугодного министра. О том, что скоро убьют Царицу и Вырубову говорили так же просто, как о какой-то госпитальной операции. Называли офицеров, которые, якобы, готовы на выступление, называли некоторые полки, говорили о заговоре Великих Князей, чуть не все называли В. К. Михаила Александровича будущим Регентом.

Я был поражен несоответствием спокойного настроения нашего министерства Внутренних Дел и настроения общественных кругов.

**

*

21 число принесло мне ряд самых разнообразных впечатлений, дополнивших мою ориентировку о настроениях в столице. Утром мне протелефонировал Дворцовый {65} Комендант, прося приехать к нему в 7 часов вечера на его Петроградскую квартиру. Пожалуйста запросто — предупредил он. — „Мы завтра уезжаем“. Я понял.

Сговорившись по телефону, я сейчас же после того поехал к генералу Д. Н. Дубенскому. Выше я много говорил о нем. Он был как бы историографом при поездках Его Величества во время войны. Встретились по-дружески, обнялись, расцеловались. Вспомнили наши совместные путешествия в Царском поезде. Дмитрий Николаевич был растроган. Настроен он был крайне пессимистически. На 22-ое назначен отъезд Государя в Ставку, а в городе беспокойно. Что-то, готовится. В гвардейских полках недовольство на Государя. Почему — трудно сказать. Царицу все бранят... и генерал махнул с горечью рукой. Я знал, что у него два сына в гвардии. Один дружил с В. К. Дмитрием Павловичем. Его слова меня очень заинтересовали. Мы разговорились.

Вот как записал нашу беседу Дмитрий Николаевич, напечатав ее позже в „Русской Летописи“. (Книга III, Париж. 1922).—„21 февраля часов в 10 утра, ко мне на квартиру приехал генерал А. И. Спиридович, в то время Ялтинский Градоначальник. До сентября 1916 г. он был начальником Секретной охраны Государя, состоя в этой должности десять лет. Спиридович всегда неотлучно охранял Государя в Царском, Петрограде и во всех поездках, а во время войны находился в Царской Ставке.

Охрана Царя поставлена была у генерала Спиридовича серьезно... он все знал, все видел... А. И. Спиридович изучил дело сыска и охраны во всех подробностях и, мало того, изучил революционное движение в России за последние 30-40 лет, начиная с семидесятых годов.

Об этом им написана очень содержательная книга... Имена Л. Бронштейна, Ленина, Луначарского и других, программа большевиков — известны были Спиридовичу давно, когда еще все плохо разбирались в значении этих лиц и осуществимости их идеалов... Несомненно было большой ошибкой со стороны Дворцового Коменданта ген. Воейкова, что он не удержал у себя такого выдающегося знатока революционного движения в {66} России и Спиридович, находившийся у него в прямом подчинении, в дни уже назревающей у нас смуты, ушел на тихий пост Ялтинского Градоначальника во время войны, когда Царская Семья даже не жила в Крыму.

„А. И. Спиридович только что приехал из Ялты. Он был возбужден и горячо начал передавать свои впечатления о современных событиях. Он то вставал и ходил по комнате, то садился.

— „Вы все здесь мало знаете, что готовится в Петербурге, Москве, России. Вы здесь живете как за стеной. Возбуждение повсюду в обществе огромное. Все это направлено против Царского Села. Ненависть к Александре Федоровне, Вырубовой, Протопопову — огромная. Вы знаете — что говорят об убийстве Вырубовой и даже Императрицы. В провинции ничего не делается, чтобы успокоить общество, поднять престиж Государя и Его Семьи. А это можно сделать, если приняться за дело горячо и умно. Я у себя уже начал кое-что делать в этом отношении. Я нарочно приехал сюда, чтобы все это передать кому следует и, прежде всего Дворцовому Коменданту, но я боюсь, что к моим словам отнесутся равнодушно и не примут необходимых мер". В таком роде шла его речь о надвигающихся событиях. Видимо А. И. тревожился за будущее и стремился помочь, поправить создавшееся положение.

„Спиридович понимал опасность надвигающейся революции. Он знал революционных деятелей.

„Беседа с А. И. Спиридовичем оставила на меня сильное впечатление. Я знал, что лучше А. И. никто не может оценить действительную опасность надвигающегося революционного движения и ужаснулся той картине, которую он мне нарисовал"....

Так записал в своем дневнике нашу беседу генерал Дубенский, прибавив еще много лесного про мою бывшую Охранную Агентуру.

Мы оба с ним волновались. Дмитрий Николаевич жаловался, что из близких к Государю лиц свиты никто не {67} понимает всего ужаса создавшегося положения. Что один адмирал Нилов смотрит на дело верно, но его не любит Царица, да и смотрят на него прежде всего, как на любителя сода-виски и только.

— Министра Двора нет. Граф — дряхл. Это руина, — чеканил Дмитрий Николаевич. — „На его честные слова просто не обращают внимания... Дворком, но вы сами знаете лучше меня чего он стоит. И вот в такой момент около Государя нет никого, кто бы АВТОРИТЕТНО сказал Государю всю горькую правду... Нет, нет и нет... Протопопов все и вся, а он сумасшедший... И это в такое-то время, в такое то время..." И Дмитрий Николаевич грустно покачал головой и заходил по комнате вразвалку, засунув руки за кожаный пояс своей защитной рубахи.

И жизненный опыт Дубенского, его почтенные года, и долголетняя его журнальная и издательская работа, и знание военных кругов и Петрограда вообще — все это увеличивало ценность его суждений.

Дубенский был большой патриот и если иногда брюзжал по-стариковски и говорил не совсем ладные вещи (на то он журналист) все это искупалось его преданностью Царю и любовью к родине. Вот у кого девиз: „За Веру, Царя и Отечество" был не только красивыми словами, но и делом.

Мы расстались, крепко расцеловавшись, надеясь встретиться после его возвращения из Ставки.

*

Ко мне заехал один из сенаторов, бывший губернатор, с которым мы согласно работали в одном из городов при поездке Государя в 1913 году. Человек не глупый, опытный, ловкий. Он рассказал поразительные вещи о легкомыслии и о полном незнании своего дела Протопоповым. Он просил при случае сказать Дворцовому Коменданту, что он весь в полном распоряжении Его Величества и желал бы еще послужить активно. Сенатор не находил ничего угрожающего в настоящем положении и смотрел на будущее совершенно спокойно. Я обещал исполнить данное мне поручение {68} в точности. Признаться, такое желание получить пост Министра Внутренних Дел (я так понял мысль сенатора) в настоящий момент меня весьма удивило. И своими смелостью и оптимизмом, с которыми сенатор смотрел на всё происходящее. Неужели же, думалось мне, в Петрограде много таких сановников-оптимистов. Неужели правы именно они.

Но, заглянув в здание Департамента Общих Дел справиться о приеме у министра, я нашел, то же самое спокойствие. Оказалось, что приема мне еще не назначено. Что за странность, думалось, вызвали срочно, а приема нет. Ну что же, подождем. А кругом шла тихая, спокойная, по-видимому, работа.

*

В 7 часов вечера, в мундире при всех орденах и в ленте, я входил к Дворцовому Коменданту, в его казенную квартиру на Мойке. Генерал хлопотал, устанавливая что-то в большой белой комнате. Он любил белую окраску комнат с красными шелковыми занавесами. Целый полк всяческих сапог был выстроен около одной стены.

Как всегда самоуверенный, полный здоровья и энергии, генерал встретил меня более чем радушно и любезно, и попросту. Он только что приехал из Царского и собирался на обед к тестю, графу Фредериксу. Обменявшись личными фразами, разговорились о текущем моменте. Я излил всё накопившееся на душе, также откровенно, как привык говорить ему правду, когда был ему подчинен.

Наконец, я высказал удивление, что Государь уезжает в такой тревожный момент и передал все слухи, как все чего-то беспокоятся и ждут чего-то нехорошего. Делая свое дело, генерал слушал меня внимательно, иногда взглядывал на меня и, наконец, остановился и начал очень серьезным тоном: — „Александр Иванович, Вы за вашу долголетнюю службу в охране Государя знаете, что Дворцовый Комендант живет информацией Министра Внутренних Дел.

Дворцовый Комендант политики не делает. Это не его дело. Моя обязанность охрана Государя. Хотите, я сейчас протелефонирую Протопопову и вы {69} сами услышите его мнение о текущем моменте. И не ожидая моего ответа, генерал взял быстро телефонную трубку, вызвал Протопопова и передал мне вторую трубку для слушания, начал разговор.

Генерал спросил Протопопова о положении дел в столице и его мнение о возможности отъезда Государя в Ставку. Разговор происходил по дворцовому проводу. Протопопов отвечал весело. Он уверял, что в столице полный порядок и полное спокойствие, что никаких беспорядков или осложнений не предвидится. Что Его Величество может уезжать совершенно спокойно. Что уже если что и намечалось бы нехорошего, то, во всяком случае, он, Дворцовый Комендант, будет предупрежден об этом первым.

Протопопов, как говорится, рассыпался в телефон и видно было, что он очень заискивал в генерале, что меня не удивило.

Генерал слушал министра с улыбкой и, глядя на меня, поднимал иногда брови, как бы говоря — „Слышите, я вам говорил“.

Условившись затем с Протопоповым где он подсядет в Императорский поезд, если Государю угодно будет принять его с докладом, генерал распрощался с Протопоповым. Трубка повешена. Вопрос исчерпан. Мы стали говорить о Ялте. В общих чертах я рассказал ему о своих предположениях, планах. Я передал акварели, дабы их показать Их Величествам. Широкий по размаху во всех делах, генерал отнесся очень сочувственно к моим проектам. Генерал сказал мне, что о причине вызова меня я узнаю от Его Величества. А о том, когда и где Государю будет угодно меня принять, генерал завтра утром спросит Его Величество и утром же протелефонирует мне.

Мы расстались. А на следующее утро генерал Воейков протелефонировал мне из Царского Села следующее. По его докладу Государю о моем приезде, Его Величество повелел, дабы я оставался в Петрограде до возвращения Государя из Ставки, после чего Государь и примет меня. Переданные мною генералу документы пересланы мне на квартиру.

{70}

**

*

После интересной беседы с Дворцовым Комендантом я отправился на обед к генералу П. И. Секретеву. В отдельном кабинете у Пивато собрались: лейб-хирург С. П. Федоров, его брат — Николай Петрович, сенатор Трегубов и С. П. Белецкий. С. П. Федоров уезжает завтра с Государем. Сенатор Трегубов назначался на какую-то политическую должность в Ставке. Белецкому что-то предстояло получить очень важное. Предприимчивый, молодой генерал, Петр Иванович, почему-то решил нас объединить за этим обедом.

Все, очевидно, знали в чём дело, кроме меня, провинциала. В начавшихся разговорах вскоре выяснилось, что Белецкий получит назначение на пост генерала Батюшина по заведыванию и контр-разведкою, и борьбой со спекуляцией, и еще с чем-то очень важным. Видно было, что Белецкий вновь забирал ход. Около Протопопова, с уходом Курлова, было пустое место. Конкуренция исчезла. На женской половине дворца фонды Белецкого стояли высоко. Его недолгоблюдали как человека, но верили в его деловитость и всезнание. Когда-то А. А. Вырубова была в восторге от него.

Если бы был он — Распутин бы не убили. Так думали. Он умел охранять. Вино развязало языки. В уютном кабинете все были веселы и довольны. Петр Иванович подсмеивался над думцами-революционерами. Они что-то говорят. У них даже списки составлены кого они будут арестовывать.

— „Все мы, дорогой Александр Иванович, все мы записаны на этот список. Записаны и вы там, хотя вы и Ялтинский Градоначальник. Там есть у них такой господин Некрасов. Вот он всех нас и зарегистрировал. Всех, всех голубчиков... Но ведь и мы не дураки, — потирал руки Петр Иванович. — Мы тоже не дураки. Мы как выкатим наши грузовички, да как поставим на них пулеметики, так все сразу и будет прикончено..."

И генерал заразительно смеялся, подливая в бокалы вина, как любезный хозяин. Смеялся и всезнающий С. П. Белецкий, ухмылялся попыхивая сигарой лейб-хирург... Все как будто верили во всемогущество частей Петра Ивановича (он ведал всеми автомобильными частями в Петрограде и всей поставкой автомобилей на армию). Все были спокойны. У всех были планы на будущее.

{71} Я дал свое меню, прося у всех автографы на память. Все дали красивые подписи. То было 21 февраля 1917 г. Храню это меню и по сей день в своем архиве в 1948 году. Мы расстались дружески.

Долго я не мог заснуть в ту ночь, перебирая впечатления Петроградского дня. Станным и непонятным казалось сопоставление всего того, что говорили Дубенский, Воейков, Протопопов, Секретев, оптимист сенатор и многие другие. Кто прав из них, кто ошибается. Ведь все они живут в одном и том же Петрограде, окружены одной и той же политической атмосферой... И мысль уносилась в Царское Село, к Государю.

Три человека около Государя могли видеть Его Величество по службе ежедневно, как бы запросто: Министр Двора, Дворцовый Комендант и Начальник Военно-Походной Канцелярии. И когда эти должностные лица были серьезные люди и действительно отвечали своим местам, они оказывали помощь Государю в трудные моменты и могли влиять на некоторые решения Его Величества.

Когда эти должности занимались такими людьми как Министр Двора Граф Воронцов, Дворцовые Коменданты — Гессе, Трепов, Дедюлин, Начальник Военно-Походной Канцелярии князь Орлов (до 1908 г.), каждый министр, бывавший с докладом у Государя, знал с кем мог поделиться Государь мыслью об услышанном, у кого мог потребовать справку и министрам приходилось быть осторожными.

До войны же 1914 г. еще был в живых серьезный друг Государя, умудренный опытом и годами, известный князь Мещерский, большого ума патриот, человек богатый и независимый. С ним Государь вел большие политические беседы, вел интересную переписку по государственным вопросам. Перед войной Государь называл его своим „старым другом".

Князь мог иногда оказать влияние на Государя и это знали министры и этого тоже побаивались и на это тоже оглядывались.

{72} Но все это было и прошло. Что же окружало Государя в предреволюционный момент. Кто были эти три лица, которых Государь мог видеть каждый день и обратиться к ним за любой справкой: выживший из ума, в буквальном смысле, от старости Министр двора, политически наивный Дворцовый Комендант и лишенный минимального престижа Нач. В. П. Канцелярии. В общем, пустое место.

Единственным человеком, с которым Государь мог поговорить, посоветоваться, помимо министров, была Его супруга.

А Она, Императрица Александра Федоровна, так безумно любившая Россию, была и нервно и психически больной женщиной,

совершенно не понимавшей Россию, получившую в 1905 году конституцию, правда куцую, но всё-таки конституцию, которую не желала признавать Императрица.

**

*

В среду, 22 февраля, в 2 ч. дня Государь уехал из Ц. Села в Ставку.

В 5 часов я приехал на чай к одному моему приятелю с большими политическими связями. Чай был сервирован по-модному, в гостиной. Уютно пылал камин. Там уже сидел некий член Гос. Думы из правых. Камергер, предводитель дворянства, боевой монархист, любивший Государя, поддерживавший правительство, но часто делавший гафы. Сразу же заговорили об отъезде Государя. Думец высказал беспокойство и удивление отъезду в переживаемый момент. Разговорились. Подстрекаемый моими вопросами думец разволновался. — Идем к развязке, — говорил он, — все порицают Государя. Люди, носящие придворные мундиры, призывают к революции...

Правительства нет. Голицын красивая руина. Протопопов — паяц. Его все презирают, понимаете ли вы — презирают. Ведь, в Думе нам всем хорошо известно его ничтожество, его политическое убожество. Все уверены, что он задумал добиться сепаратного мира. Все верят, что этого хочет Императрица. Верят и за это Ее {73} ненавидят. Ненавидят как сторонницу Германии. Я лично знаю, что это вздор, неправда, клевета, я-то этому не верю, а все верят! Чем проще член Думы по своему социальному положению, тем он больше в это верит. Бывший министр иностранных дел Сазонов, которого мы все уважали, заверял нас, что это неправда, но все было напрасно. Все, раз навсегда, решили и поверили что Она „немка" и стоит за Германию. Кто пустил эту клевету, не знаю. Но ей верят. С Царицы антипатия переносится на Государя. Его перестали любить. Его уже НЕ ЛЮБЯТ.

Не любят за то, что в свое время не прогнал Распутина, за то, что не заступился за свою жену, когда ее задела с трибуны Думы, за то, что позволяет вмешиваться жене в дела государственные. Не любят, наконец, за то, что благоволит к Протопопову: ведь, правда трудно же понять как Он — Государь, умный человек, проправивший Россией двадцать лет, не понимает этого пустозвона, блефиста, болоболку, над которым смеется вся Гос. Дума. Не любят за непонимание текущего момента. И все хотят Его ухода... хотят перемены....

А то, что Государь хороший, верующий, религиозный человек, дивный отец и примерный семьянин — это никого не интересует. Все хотят другого монарха... И если что случится, вы увидите, что Государя никто не поддержит, за него никто не вступится....

Таковы были речи Думского депутата. Около семи часов он стал торопиться на обед к графине Х.

— „Мы теперь в большой моде, — шутил депутат, целуя дамам ручки — наша аристократия теперь за нами ухаживает, нас приглашают, расспрашивают, к нам прислушиваются..." Думец ушел.

— „Слышали, — обратился ко мне, проводивши гостя, хозяин, — смею Вас заверить, что это мнение не только Прогрессивного Блока, но и всех общественных кругов Петрограда, всей интеллигенции". Я стал прощаться. Поехал домой. Тяжело было на душе.

Что-то надтреснуло в толще нашего правящего класса. Престиж Государя и Его супруги, видимо, был окончательно {74} подорван. Распутиным началось, войною кончилось.

Встав, как главковерх, в ряд лиц высшего командования, Государь, сделался для общества, для толпы человеком, которого можно было критиковать и его критиковали. С главковерха критика перенеслась и на Монарха. О том, что Государя начнут критиковать, Его предупреждал мудрый граф Воронцов-Дашков, когда Государь обратился к нему за советом относительно принятия верховного командования.

Царица же, начав ухаживать за больными и ранеными, начав обмывать ноги солдатам, утратила в их глазах царственность, снизошла на степень простой „сестрицы“, а то и просто госпитальной прислужницы. Всё опростилось, снизилось, а при клевете и опошилось. То была большая ошибка. Русский Царь должен был оставаться таким, как Пушкин изобразил его в своем послании к Императору Николаю Первому. Императрице же „больше шла горностаевая мантия, чем платье сестры милосердия“, — что не раз высказывала Царице умная госпожа Лохтина...

Но Их Величества, забывая жестокую реальность, желали жить по-евангельски.

{77}

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

— 23 февраля 1917 г. Четверг, начало февральской революции. — Уличные беспорядки 23 февраля и их причина. — Женский день. — Лозунги, данные Большевиками „Долой войну“ и „Надо хлеба“. — Непонимание властями истинного характера беспорядков. — В Царскосельском Дворце. — День 24 февраля, Пятница. — Беспорядки усиливаются. — Явно — революционный характер уличных волнений. — Переход власти в руки военных. — Демонстрации на Невском проспекте. — Действия полиции и войск. — Странное поведение казаков. — Слух, что „казаки за народ“. — Непонимание правительством происходящего в столице волнения. — Совет министров. — Отсутствие министра Внутренних Дел. — Веселый обед у Н. Ф. Бурдукова и Протопопов. — Предсказание гипнотизера Моргенштерна. — Положение в Царскосельском Дворце. — Заболевание Царских детей усиливается. — Царица и Ее взгляд на происходящие события.

23 февраля считается у социалистов „женским днем“. Вот почему с утра того дня, в Четверг, работницы текстильщицы Выборгского района, желая ознаменовать свой день, объявили забастовку. Их делегатки рассеялись по фабрикам и заводам, прося поддержки. Выборгский большевицкий комитет, по требованию женщин, санкционировал забастовку» Были выброшены лозунги: „Долой войну“ и «Давайте хлеба».

К полудню, в Выборгском районе уже бастовало до 30.000 человек. Рабочие толпами двигались по улицам, снимали работавших, останавливали трамваи, отбирали рукоятки у вагоновожатых. При попытках полиции разгонять толпу, рабочие оказывали сопротивление. Два помощника пристава, Каргельс и Гротгус, были тяжело ранены. Между прочим, женщины сорвали работу на заводе Айваз, где выпечка хлеба именно для рабочих была поставлена исключительно хорошо. Но и там забастовщики кричали: — „Хлеба“.

После полудня забастовщики направили свои усилия, главным образом, на заводы, работавшие на войну.

Около 4 ч. толпа осадила снаряжательный цех Патронного Завода (№ 17 по Тихвинской улице) и сняла с работы до 5.000.

Администрации удалось задержать 19 бегавших по мастерским агитаторов. Полиция и драгуны 9-го Запасного Кавалерийского полка рассеяли толпу. Все бросилось к Литейному мосту с криками: — „На Невский“.

Другая толпа осадила завод: „Снарядный цех морского ведомства“ (Б. Охтинский пр.), разбила стекла, сняла рабочих и также устремилась — „На Невский“. Часть переходила по льду. Никто не мешал. Но большая часть шла по Литейному мосту. Сняв полицейский и конно-жандармский наряды, заграждавшие выход с моста, толпа прорвалась на {78} Литейный проспект. Выломали ворота Орудийного завода (Литейный № 1), разгромили вестибюль, но бросившийся на встречу толпе полицейский надзиратель Шавкунов, угрожая револьвером и обнаженной шашкой, заставил толпу отхлынуть. Рабочие ворвались другим входом и сняли в мастерских до 2.000 человек. Другая толпа сняла в мастерских гильзового отдела до 3.000 ч. Третья толпа пыталась ворваться на завод со стороны Сергиевской, но бросившиеся ей навстречу, с револьверами и обнаженными шашками, пол. надзиратель Волконский и городской Коваленко заставили толпу, кричавшую — „Хлеба“, „Долой Войну“, отступить.

После этого, уже громадная толпа залила Литейный и направилась к Невскому. Встретивший ее большой казачий разъезд не препятствовал движению, но встречные наряды пешей и конной полиции, а также и взвод 9-го Зап. Кавалерийского полка рассеяли толпу. Теперь стали действовать и казаки. Разными боковыми улицами рабочие шли к Невскому.

Туда же, к Невскому, шла толпа по Суворовскому проспекту. Впереди подростки. Подростки кричали: — „Хлеба“, а рабочие останавливали трамваи. Около шести часов толпы прорвались на Невский около Знаменской площади и двинулись к центру. Останавливали трамваи. Били в вагоны стекла. Отбирали ключи у вагоновожатых. Конная полиция рассеивала толпы, те разбегались и вновь собирались и двигались.

Около трех часов беспорядки начались и на Петроградской стороне. Снимали рабочих. Разгромили булочную Филиппова (№61, Б. Проспект). Все стремились к Троицкому мосту и дальше к Невскому. На Троицкой площади толпа встречает сильное противодействие со стороны полиции, но все-таки, в конце концов, проникает на мост и движется на левый берег. Часть идет по льду. Около пяти часов эти толпы прорываются на Невский, у Казанского моста. Впереди женщины и дети кричат: — „Хлеба, Хлеба“. Полиция и взводы 9-го Запас. Кав. полка разгоняют толпу.

{79} Наконец, третья большая толпа прорывается на Невский со стороны Садовой, где она остановила трамваи. Казаки разгоняют ее.

К позднему вечеру столкновения рабочих с полицией прекращаются. На Невском необычайно большое движение. Тротуары полны рабочих. Они бродят. По улице ездят казаки, конная полиция, жандармы, драгуны. Только на Петроградской стороне даже и вечером сорвали работу завода „По воздухоплаванию“, ранили чина полиции Вашева.

Ночь разогнала всех по домам.

Так началась февральская революция 1917 года. Ни Министр Внутренних Дел Протопопов с его Директором Департамента полиции, ни Главный военный начальник генерал Хабалов не поняли истинного

характера возникшего движения. Участие женщин и детей в толпах укрепило их в несчастной мысли, что движение несерьезно. Крики же „Хлеба“, „Хлеба“, что было лишь тактическим приемом и разгром лишь одной булочной из числа нескольких тысяч, как бы зачаровал их, что всему виною недостаток, хотя и мнимый, хлеба.

На крики же „Долой войну“, на разгром почти исключительно лишь заводов, работавших на войну — не обратили внимание. 19 агитаторов, задержанных с поличным, на месте преступления, по снятию с работы людей работавших на войну, не были преданы немедленно военно-полевому суду. Немедленный расстрел их по суду произвел бы охлаждающее действие лучше всяких военных частей.

В тот день бастовало до 50 предприятий, около 87.500 рабочих. Надо принять во внимание, что на Путиловском заводе, по решению администрации, ввиду непрекращавшихся нарушений рабочими нормального хода работы, завод был закрыт с утра 23 числа. До 30.000 рабочих рассеялись по городу, возбуждая других объявленным „локаутом“.

Но даже Начальник Охранного Отделения, в тот первый день революции, не понял истинного характера движения и в своем докладе министру указывал, как на причину беспорядков, — недостаток хлеба.

{80} Легенда о недостатке хлеба и о мальчишках и девчонках, как о зачинщиках беспорядков, была передана Протопоповым и в Царскосельский дворец.

*

Желая уяснить себе истинные причины народного движения и обсудить необходимые мероприятия для следующего дня, Градоначальник генерал Балк, по собственной инициативе, собрал в 11 ч. вечера в большой зале градоначальства заседание, которым пожелал председательствовать сам генерал Хабалов. Участвовали: Начальник Штаба г. м. Тяжельников, командир всех гвардейских частей полковник Павленков (он заменил уехавшего в отпуск г. м. Чебыкина), командир 9-го запасного Кавалерийского полка полк. Мартынов, командир Донского Казачьего полка полк. Трилин, шесть начальников военных районов, на которые был разделен город, начальник Петр. Охр. Отделения г.-м. Глобачев, командир Петр. Жандармск. Дивизиона г.-м. Казаков, полицмейстеры: д. с. с. Значковский, г.-м. Григорьев, полк. Спиридонов, полк. Шалфеев, полк. Пчелин, д. с. с. Мараки, Начальник резерва полк. Левисон, нач. сыскной полиции ст. с. Кирпичников, нач. Речной полиции г.-м. Наумов, секретарь Градоначальника А. А. Кутепов, чиновники для поручений, адъютант ген. Хабалова пор. Мацкевич.

По открытии заседания, ген. Балк, по просьбе ген. Хабалова, ознакомил присутствующих с событиями дня. В дальнейшем выяснилось, что находившийся в распоряжении градоначальника 9-ый Зап. Кав. полк действовал хорошо, Казачий же полк „во всех случаях бездействовал“, как выразился позже ген. Балк. Полковник Троилин объяснял, что полк только что пополнен, казаки не опыты в обращении с толпой, могут действовать только оружием и что лошади их не приучены к городу. На чей то вопрос: почему же казаки не действовали нагайками, — полковник ответил, что нагаек в полку нет. Ответ этот удивил всех. Генерал Хабалов приказал отпустить из находящихся в его распоряжении сумм по 50 копеек на казака для заведения нагаек.

Долголетний опыт старых чинов полиции указывал, что нагайка {81} всегда являлась лучшим оружием при рассеянии демонстрации. Она вполне заменяла в России каучуковую белую палку Западно-Европейской полиции.

Было решено на завтра войском быть наготове, стать по первому требованию в ТРЕТЬЕ положение, т. е. занять соответствующие городские районы. Охрана города оставалась на ответственности Градоначальника. Ген. Балк отдал распоряжение занять завтра же все „ответственные пункты“ города, мобилизовал всю полицию, усилив ее казачьими и кавалер. Запасным полками и Жандармским Дивизионом. Речная полиция должна была охранять переходы через Неву. (Все это до ТРЕТЬЕГО положения, с введением которого вся полиция переходит в подчинение ВОЕННЫМ). План охраны столицы, а также Инструкция совместных действий войск и чинов полиции были выработаны еще в ноябре месяце. Протопопов показывал план Государю. Посмотрев, Государь заметил: „Если народ устремится по льду через Неву, то никакие наряды его не удержат“. Мы увидим, насколько был прав Государь.

По окончании заседания, все разошлись в спокойном настроении. По словам ген. Балка, при прощании, ген. Глобачев „еще раз доложил, что для него совершенно непонятна сегодняшняя демонстрация и возможно, что завтра ничего не будет“.

**

*

В этот день, 23 февраля, в Царском Селе, во дворце выяснилось, что у В. К. Ольги Николаевны и у Наследника корь. Зараза была занесена теми двумя кадетиками 1-го Корпуса, что приходили играть к Наследнику. В корпусе была эпидемия кори. Заболела и А. А. Вырубова. Эта болезнь порвала в последующие дни почти всякую связь с внешним миром (неофициальным) дворца, что очень отразилось на правильности информации Императрицы.

Царица полностью отдалась больным. Моральное состояние Царицы было очень тревожное. Она находила отъезд Государя несвоевременным. Она предчувствовала, что-то нехорошее. Много молилась.

{82} Днем Государыня выехала с тремя княжнами прокатиться в сторону Александровки, где расположился батальон Гвардейского Экипажа. Встретив офицера Кублицкого, пресимпатичного, всегда жизнерадостного, остановились и поговорили с ним.

О происходивших беспорядках Царица не получила никаких официальных сведений. Вечером, повидав у А. А. Вырубовой (на ее половине) Лили Ден, Н. П. Саблина и Н. Н. Родионова, Царица получила от них слухи о том, что делалось в Петрограде. На следующее утро в письме Государю Царица так охарактеризовала их: — „Вчера были беспорядки на Васильевском Острове и на Невском, потому, что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разнесли Филиппова и против них вызывали казаков. Все это я узнала неофициально“. (Письмо № 646).

В общем, беспорядки совсем не беспокоили Государыню и она вечером не только беседовала на половине Вырубовой, но и читала вслух Наследнику веселый рассказ — „Дети Елены“, Габертона.

**

*

24 февраля, в пятницу, движение в Петрограде приняло более

революционный характер. Бастовало до 170.000 рабочих. На появившееся в печати успокоительное объявление генерала Хабалова, что хлеба достаточно, никто не обращал внимания. А генерал заявлял:

— „Недостатка хлеба в продаже не должно быть. Если же в некоторых лавках хлеба иным не хватило, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его в запас, на сухари.

Ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве. Подвоз этой муки идет непрерывно”.

Но не в хлебе дело. Это отлично знают те, кто толкает рабочих на улицу. С утра всюду на окраинах идут рабочие митинги. На Выборгской стороне (где большевицкий центр) особенно сильно возбуждение. Большевики первые {83} объявили забастовку политической. Их поддерживали меньшевики и соц. революционеры. Всяческие агитаторы призывали к демонстрации. Выброшены лозунги: „Долой Царское правительство, Долой Войну, Да здравствует Временное Правительство и Учредительное Собрание”. Лозунги с быстротою молнии перебрасываются в другие городские районы. Всюду революционное возбуждение. Срывают с работы еще не забастовавших, останавливают трамваи, мальчишки бьют стекла, громят, иногда, лавки. Всюду слышится: „На Невский, на Невский”.

Около 9 часов с ВЫБОРГСКОЙ стороны к Литейному мосту движется толпа до 40.000. Поют революционные песни. Отряд полиции, две роты пехоты и две с половиной сотни казаков, загромождают путь к мосту и разгоняют толпу, но немного спустя весь мост уже запружен рабочими. Около 11 ч. эта толпа опрокидывает полицейский и кавалерийский наряды, загромождающие выход на Литейный проспект, и с криками — ура — прорывается на Литейный. Пешая полиция бросается на толпу. Часть рабочих рассеивается в боковые улицы, часть поворачивает обратно на мост. Град ледяшек летит в полицию. Несутся ругательства: „Кровопийцы, опричники”. Наряды отжимают толпу на Выборгскую сторону.

Разбежавшиеся с Литейного боковыми улицами, по вчерашнему, проникают к Невскому.

На ПЕТРОГРАДСКОЙ стороне, около 9 часов, по Большому проспекту, направляясь к Троицкому мосту, движется толпа до 3.000 ч. Много учащих. Поют Марсельезу. Останавливают трамваи, громят некоторые лавки. Мальчишки бьют стекла.

По Каменноостровскому тоже идет толпа. До 7.000 подходят около 11 часов к Троицкому мосту. Конная полиция загроможждает путь и оттесняет толпу. Из толпы раздаются выстрелы и через некоторое время толпа проникает на мост и, перейдя его разными улицами, устремляется к Невскому.

{84} На ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ также срывают с работ. Около 9 часов толпа до 5.000, с пением — „Вставай подымайся рабочий народ”, движется от завода „Сименс и Гальске” к Среднему проспекту. Конная полиция врывается в толпу. Бывший по близости разъезд казаков с Государевыми вензелями на погонах, под командой урядника, не принял никакого участия в рассеянии толпы, несмотря на обращение к уряднику о помощи со стороны чинов полиции. Толпа торжествует: „Казаки за нас”.

После 9 часов Градоначальник Балк объехал город и он показался ему настолько спокойным, „что создалась возможность заняться текущими делами и он приступил к приему просителей.”

— Однако, после одиннадцати, к Градоначальнику стали поступать со всех сторон тревожные сведения, что через Неву идут в разных местах сплошные вереницы людей. Генерал Хабалов сам протелефонировал, что он видит цепи людей, которые спешат через Неву на Французскую набережную, на углу которой с Литейным его квартира.

С полудня, на Литейной, на Знаменской площади, на Невском от Николаевского вокзала и до Полицейского моста, по Садовой, — уже были сплошные массы народа. Движение трамваев прекратилось. Ехавших на извозчиках ссаживали. У Николаевского вокзала и на Лиговке останавливали ломовиков и выворачивали кладь на мостовую. Движение по льду с Выборгской и Петроградской сторон, с Вас. Острова увеличивалось. На Невском и соседних улицах толпы плотнели. Наряды пешей полиции потонули в них. В 12 с половиной часов Градоначальник доложил по телефону генералу Хабалову, что полиция не в состоянии приостановить движение и скопление народа, не в состоянии поддерживать порядок. Генерал Хабалов ответил:

— „Считайте, что войска немедленно вступают в третье положение. Передайте подведомственным вам чинам, что они подчиняются начальникам соответственных военных районов, что должны исполнять их приказания и оказывать {85} им по размещению войск содействие. Через час я буду в Градоначальстве“.

Около часу Градоначальник отдал распоряжение об этом третьем положении и послал телеграммы полицмейстерам явиться немедленно начальникам Военных районов.

С этого момента успех подавления беспорядков будет зависеть главным образом от энергии, смелости, распорядительности тех офицеров, которые в этот исторический момент оказались начальниками районов. Таков был странный „план“ охраны столицы, перекладывавший руководство подавления беспорядков с плеч опытных по обращению с толпой столичных районных полицмейстеров на незнакомых совершенно с полицейско-административной службой строевых офицеров. Только полным легкомыслием Министра Внутренних Дел и незнанием столицы и ее блестящей полиции со стороны нового Градоначальника, можно объяснить утверждение того плана с его инструкцией.

Около часу к Казанскому собору стекается со всех сторон самая разнообразная публика. Много рабочих. Сверху по Невскому приближается толпа тысячи в три. Полиция, жандармы, драгуны и казаки разгоняют ее. Толпа рассеивается в стороны и вновь собирается. Вскоре там происходит настоящая политическая демонстрация. Видны красные флаги. Поют Марсельезу и „Вставай подымайся“. Кричат — „Долой Царя, долой правительство, долой войну!“ Наряды полиции и войск напирают на толпу, она разбегается и вновь группируется.

В три часа прибыл Начальник участка войсковой охраны Командир 3-го Стрелкового запасного батальона полковник Шалковников, который и начал руководить действиями войск и полиции. В 4 ч. 20 м. к Казанскому мосту снова подошла толпа рабочих и подростков до 3.000, с пением революционных песен. Встреченная нарядами и между прочим полуротой Зап. Бат. Гв. 3-го Стрелк. полка, толпа рассеивается, вновь {86} собирается, вновь рассеивается и так продолжается до 6 часов. А в 8 часов к мосту подходит новая толпа до 1.000 человек, но быстро рассеивается. Во всех этих случаях оружие в дело не пускалось и пострадавших не было. Бессилие власти было ясно. Требовались иные, более решительные меры.

На другом конце Невского также были демонстрации. На Знаменской площади около 3 ч. дня собралось до 3.000 народу. Поют революционные песни. Кричат: „Долой правительство“. „Да здравствует республика“. „Долой войну“. Наряд полиции бросается на толпу, его встречают градом ледяшек. Казаки бездействуют. Они лишь шагом проходят сквозь толпу, некоторые смеются. Толпа в восторге, кричит: Ура! На ура казаки кивают головами, кланяются. Полиция негодует.

Так же безобразно почти в это же время вел себя взвод казаков на Васильевском Острове, не желая разгонять толпу, шедшую к Николаевскому мосту. Пехота рассеяла ее. Так же бездействовали казаки вечером на углу Невского и Литейного, где был митинг. Они лишь осторожно проезжали сквозь толпу. Толпа была в восторге.

Поздно вечером беспорядки стихли естественным путем. Все утомились. Все расходились, обещая завтра вновь собраться там же. Одна фраза передавалась в группах расходившихся рабочих: „Казаки за нас, казаки за народ!“...

Зато в рядах полиции, в рядах пехоты поведение казаков вызвало самое горячее порицание.

Правительство продолжало не понимать, что происходит в столице. Я днем занимался в министерстве с одним из товарищей министра, умнейшим человеком. Мы спокойно обсуждали различные хозяйственные вопросы Крыма. О границах градоначальства. О том — чем мостить ялтинскую набережную и улицы. Сам министр очень интересовался этими вопросами, и всё надо было приготовить к возвращению Государя из Ставки. Министр наивно верил, что причина беспорядков недостаток хлеба. Генерал Хабалов по документам {87} доказывал, что в столице вполне достаточно муки. Он почти весь день был занят продовольственным вопросом. На очередном заседании Совета Министров в Мариинском дворце, продолжавшемся с часу до шести, решали текущие дела, но о беспорядках не говорилось. Министр Внутренних Дел даже не приехал на заседание, а премьер Голицын узнал о них только тогда, когда, возвращаясь домой, был задержан при переезде через Невский проспект. То было вполне естественно при спокойствии Министра Внутренних Дел!

Вечером состоялся, преинтересный званый обед у Н. Ф. Бурдукова. Н. Ф. Бурдуков, шталмейстер, долголетний друг и наследник всего состояния умершего перед войной издателя „Гражданина“ князя Мещерского. С тех пор богатый, независимый человек, член советов и правлений разных обществ, человек со связями и нужный, к тому же с неприятным характером и злым языком. Делец.

В числе приглашенных съехались: Протопопов, Н. А. Маклаков, Н. П. Саблин, и еще два, три человека. Как всегда у Бурдукова хороший обед, тонкие вина. Хозяин большой гастроном, каприза и знаток. Играет небольшой оркестр Л. Гв. Преображенского полка. Разговор идет о текущих событиях. Маклаков несколько обеспокоен. Протопопов весело уверяет, что всё происходящее — пустяки. Всё обойдется хорошо. Но если произойдет что-либо серьезное, то он сумеет все прекратить немедленно...

Некоторые из присутствующих удивлены, ведь власть-то уже, как говорят, передана военным. Идет какое-то неясное разъяснение, которого, по-видимому, и сам разъяснитель не понимает. После обеда перешли в большой, комфортабельный кабинет хозяина, не так давно — князя Мещерского.

Со стены смотрит задумчиво большой портрет князя. Под ним письменный стол князя, придвинутый к стене по-музейному, с разными фотографиями и реликвиями. Пристально смотрит из серебряной рамы Царь-Миротворец, друг князя. Все это сохраняется Бурдуковым с почетом и уважением.

{88} Подали кофе, ликеры. Хозяин предлагает сигары. Настроение хорошее. Для развлечения дорогих гостей приглашен знаменитый гипнотизер Моргенштерн. Он будет делать предсказание каждому по его почерку. Всем розданы одинакового формата листки и предложено написать одну и ту же фразу: „Как хороши, как свежи были розы". Свернули записочки в трубочки, бросили в общую вазу. Перемешав рукой, Моргенштерн вынул наугад одну трубочку, развернул и, глядя на почерк стал предсказывать. То была записка Протопопова.

— „Тот, кто написал эту записку, — начал Моргенштерн, — сделал быстро очень большую карьеру и создал себе исключительно большое положение. Но, ему грозит величайшая катастрофа. И если он ее избежит, он достигнет величайшего положения. Но, кажется, ему этой катастрофы не преодолеть. Она его раздавит",

Таков был почти дословно смысл предсказания Моргенштерна. Протопопов как бы осел сразу, поник. Присутствующие старались не замечать этого эффекта. Моргенштерн продолжал предсказания по другим почеркам. После гадания хозяин попросил музыкантов исполнить что либо веселое. Солист — Леля Шоколадка — начал петь частушку:

„Сидит Сеня на заборе с революцией во взоре,

„Подошла я взглянула, прямо в рожу плюнула"....

Все как бы сконфузились. Стало как-то неловко. А частушка продолжалась. Любезный хозяин сумел сгладить неловкость куплетиста...

Музыканты сыграли еще что-то. Их отпустили. Поговорили еще немного и стали прощаться. Разошлись с нехорошим чувством. Было не по себе. Хозяин поехал на автомобиле к себе, в Царское Село.

*

Императрица Александра Федоровна продолжала смотреть на происходящее в Петрограде совершенно спокойно. Посланный утром к Протопопову генерал Гротен привез **{89}** успокоительные от министра заверения. В письме Государю от 24 февраля, писанном в 3 часа дня, Царица не высказывает ни малейшей тревоги.

„Беспорядки хуже в 10 ч. и меньше в 1 ч." — пишет Царица про то время, когда толпа на Невском кричала: „Долой Царя", „Да здравствует республика и мир". Царицу обманывал Протопопов.

В тот день выяснилось, что у В. К. Татьяны Николаевны и у А. А. Вырубовой тоже корь. Государыня всецело занята больными.

Около полуночи Саблин протелефонировал во дворец, как хорошо прошел обед у Бурдукова и как спокойно смотрит на происходящее Протопопов.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

25 февраля, суббота, в Петрограде. — Беспорядки и волнения. — Нападение толпы на полицмейстера Шалфеева. — обезоружение городских. — Демонстрация на Знаменской площади. — Убийство казаком пристава Крылова. — Братание казаков с толпой. — Казаки против полиции. — Беспорядки на Невском. — Аресты рабочих. — Митинг в Городской Думе. — Первое донесение ген. Хабалова Государю о беспорядках. — Ложь Хабалова. — Ответ Государя с повелением прекратить беспорядки. — Растерянность Хабалова. — Собрание начальников военных участков. — Протопопов и его первая телеграмма Воейкову о беспорядках. — Заседание Совета министров. — Успокоительное письмо Протопопова Царице. — День 25 февраля в Царском Селе. — Настроение Императрицы и Её взгляд на происходящее в Петрограде. — Разговор с генералом Бойсманом и передача мне через него поручения от Царицы.

25-го февраля, в субботу, забастовка в Петрограде охватила до 240.000 рабочих. Бюро Центр. Комитета Большевиков (где уже тогда работали Молотов и Шляпников) выпустило листовку с призывом ко всеобщей забастовке. Она заканчивалась так: „Впереди борьба, но нас ждет верная победа. Все под красные знамена революции. Долой Царскую монархию. Да здравствует демократическая республика. Да здравствует восьмичасовой рабочий день. Вся помещичья земля народу. Долой войну. Да здравствует братство рабочих всего мира. Да здравствует социалистический интернационал". Всюду лозунг — бросать работу и на Невский.

На ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ, около 10 утра, по Сампсониевскому проспекту, двигается толпа рабочих, 600 чел., на углу Финского переулкa и Нижегородской улицы сотня казаков и взвод драгун заградили им путь. Толпа остановилась. Туда же явился с нарядом конной полиции в 10 чел. полицмейстер Шалфеев. Подъехав к толпе, он стал уговаривать рабочих разойтись. Казаки и драгуны уехали. Толпа поняла это, как нежелание войск работать с полицией и бросилась на Шалфеева. Его стащили с лошади, тяжело ранили железом, и били. Бросившийся на выручку наряд полиции был смят. С обеих сторон были одиночные выстрелы. В полицию бросали камнями, кусками железа. Подоспевшие наряды рассеяли, наконец, толпу. Шалфеева в бессознательном состоянии отвезли в госпиталь. В этой же схватке рабочие избили одного городского и отняли у него револьвер и клинок от шашки.

В то же время на заводе „Айваз" была большая сходка, на которой постановили бастовать до 1 марта, а сейчас идти на демонстрацию к Казанскому собору.

{94} В АЛЕКСАНДРОВСКОМ участке, в 9 утра, до 14.000 рабочих Обуховского завода двинулись к городу, сняли рабочих Карточной фабрики, Фарфорового завода и еще нескольких предприятий. Шли с пением революционных песен. Впереди несли флаг с надписью: „Долой самодержавие, да здравствует демократическая республика".

На проспекте Михаила Архангела толпа была встречена нарядами полиции, рассеяна с применением холодного оружия, флаг отнят, флагоносец (Обуховского завода рабочий Масальский 18 лет) арестован.

На ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЕ в 9 ч. утра разгромили одну булочную на Каменоостровском проспекте; в 10 ч. толпа до 800 человек пыталась снять с работ Государственную типографию, но была рассеяна полицией.

На ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ, около 8 утра, толпа набросилась на городского Ваха, стоявшего на Косой линии, отняла револьвер и

шашку и нанесла несколько рассеченных ран.

Около 10 ч. толпа пытается остановить работы на Трубочном заводе Артиллерийского ведомства. Наряд Зап. Бат. Л.-гв. финляндского полка мешает этому. Один из рабочих, подойдя к начальнику части подпоручику Иоссу, обругал его. Иосс из револьвера покончил с рабочим. Толпа разбежалась. Труп убитого был отправлен под охраной конвоя казаков в Николаевский госпиталь, но казаки допустили рабочих завладеть трупом и те снесли его в покойницкую около Тучкова моста.

Около 10 ч., толпа в 500 ч., пройдя через Тучков мост, стала срывать с работы завод „Сименс и Гальске“, была сперва рассеяна, но вновь собралась, сорвав работу и до 5.000, с пением революционных песен двинулась по среднему проспекту. Конная полиция стала разгонять толпу. Помощники приставов Евсеев и Пачогло обратились за содействием к начальнику казачьего разъезда 1-го Донского полка. Разъезд скрылся. Финляндцы же действовали энергично и не {94} пропускали рабочих через Николаевский мост, куда те стремились с криками „На Невский, на Невский“.

Но главные события разыгрываются на Невском, куда со всех сторон стекаются рабочие, учащиеся, всякая публика и особенно много женщин.

В районе 1-го Участка Казанской части, на Невском, с 11 часов полиция энергично рассеивает группирующихся рабочих. Около часу к Казанскому мосту подошла толпа с пением революционной песни. Отряд из сотни казаков 4-го Донского полка, полутора рот Зап. Бат. Л. -гв. 3 Стрелк. полка и конной полиции разгоняет толпу. Но толпа вскоре опять группируется.

На Екатерининском канале, против дома № 21, из толпы стреляют по нарядам. Бросают бутылки, камни. Ранены стрелок, два городских и командовавший конной полицией офицер Доморацкий.

В центре Невского и выше к Знаменской площади (против Николаевского вокзала) все утро двигаются толпы. Полиция рассеивает их. В 12 с половиной часов на Знаменской площади многотысячный митинг. Развешаются красные флаги. У памятника Императору Александру III ораторы произносят речи. Пристав Крылов, блестящий полицейский офицер, бросается отнимать один из флагов. Его убивает шашкой казак из наряда. Конная полиция бросается на выручку Крылова, казаки под командой офицера оттесняют ее. Толпа гогочет от восторга, кричат уррра! Митинг продолжается в присутствии казаков. Толпа с криками качает казака, убившего пристава.

Весть о таком поступке казака летит по Невскому и скоро делается достоянием всего города. Она подбодряет, воодушевляет рабочих. Агитаторы используют его в речах к толпе. Толпа смелеет.

С 2-х часов демонстрации на Невском возобновляются в разных местах. У Казанского моста собирается толпа до 5.000. Часть толпы освобождает арестованных из двора дома № 3 по Казанской улице. Ей помогает взвод казаков 4-го. Донского полка под командой офицера. Казаки ругают {96} полицию, ранят двух городских. Прискакавшие жандармы под командой офицера Подобедова, разгоняют толпу, причем теперь им помогают и казаки.

Около 6 часов, у Городской Думы, из толпы стали стрелять по полиции и по драгунам 9-го Запасного Кавалерийского полка. Офицер спешивает драгун и дает по толпе залп. Несколько человек убито, несколько ранено. Толпа разбегается.

На тротуарах паника. „Стреляют, стреляют!" — летит по Невскому.

Этот слух производит охлаждающее действие в районе от Аничкова моста к Знаменской площади. У Аничкова моста, с 4 часов, толпа двигалась к площади. На углу Литейного в наряд конных жандармов бросили бомбу. Страшный треск и никого раненых. Конные наряды разгоняют толпу. По пути толпа обезоружила трех городских, трех полицейских надзирателей, двух помощников пристава. Один надзиратель ранен выстрелом. Вечером слух о стрельбе у Думы производит большое впечатление. Начинают говорить не пора ли все кончать, так как войска переходят к решительным действиям. Говорили о необходимости кончать забастовку.

К ночи Невский опустел. Видна лишь полиция, разъезды жандармов, казаков, драгун.

*

Вечером, в Городской Думе, состоялось заседание для обсуждения продовольственного вопроса. Благодаря попустительству Гор. Головы и растерянности властей, это закрытое заседание обратилось в открытый революционный митинг. Сенатор Иванов, генерал Дурново, профессор Бернацкий и другие ораторы нападали на правительство. Один оратор кричал: „Мы не верим Верховной власти", — другой требовал смены правительства, третий предлагал „почтить вставанием" убитых на Невском демонстрантов. Появление членов Гос. Думы Керенского и Скобелева еще больше приподняло настроение. Керенский был встречен громом {97} рукоплесканий. Его речь наэлектризовала собрание. А когда принесли к Думе убитых демонстрантов, настроение достигло высшего возбуждения. Городской Голова добился по телефону от Балка освобождения некоторых арестованных, а затем... а затем, поговоривши, покричавши и погорячившись, — разошлись.

*

Стрельба на Невском дала повод некоторым думать, что, по примеру 1905 года, власть одолевает революционный беспорядок. К несчастью для России при начале второй революции у нас не было Дурново и Трепова, не было Дедюлина с Герасимовым, не было Минов и Риманов.

Пишущему эти строки пришлось видеть в Петрограде, как протекали обе революции и я вспоминал 1905 год, вспоминал людей, которые спасли тогда Россию...

Перед завтраком на Невском я со своим спутником, полицейским чиновником с юга России, наблюдал „братание" казаков с толпой. — „Смотрите, князь, и учитеесь, как не надо действовать" — сказал я ему. Придя в министерство, я высказал Н. Н. Боборыкину, что у нас началась революция, чем не мало удивил нового Таврического губернатора, генерала Бойсмана. Бойсман только что был принят в Царском Селе Императрицей и, вернувшись оттуда, приехал ко мне с поручением от Ее Величества.

Он был в самом радужном настроении, был уверен в незначительности беспорядков и передавал, что Государыня против каких-либо крутых мер и особенно против стрельбы по демонстрантам.

Я не был согласен с таким взглядом. Раз во время войны устраивался политическая демонстрация и полиция и войсковой наряд видят плакаты и флаги с надписями: „Долой войну“, „Долой Царя“, „Да здравствует республика“ — стрельба необходима. В таком положении стрельба понятна каждому простому солдату. Такой момент был потерян вчера, когда в одном месте была именно политическая демонстрация, были революционеры, а не просто толпа.

После завтрака мне был назначен прием у министра. Перед приемом пришлось переговорить с товарищем {98} министра все о том же, чем мостить Ялтинскую мостовую — торцами или асфальтом. Ирония судьбы. Товарищ министра доложил, и меня попросили к министру. Протопопов был в веселом настроении и, как всегда, очарователен. Он наговорил мне много приятных вещей, просил не стесняться в Ялте приемами по представительству. Как раз в то время ему протелефонировали о демонстрации на Знаменской площади и об убийстве пристава Крылова казаком. Заговорили на эту тему. Я высказался за немедленное предание казака суду. Протопопов сказал, что теперь все зависит от Хабалова, что теперь беспорядки совершенно его не касаются.

Затрещал дворцовый телефон. Императрица вызывала министра. Протопопов начал говорить по-английски. Я вышел в соседнюю комнату. Когда я вернулся, министр сказал, что Ее Величество спрашивала о положении дел и что он доложил об энергичном подавлении беспорядков войсками.

Уходя, я встретился с Директором Деп. Полиции Васильевым. Мы обменялись несколькими фразами. Он проговорил что-то мало понятное. Вид у него был довольно растерянный.

Уже второй день как дом Протопопова охранялся военным караулом под начальством офицера. В этот день начальником был Л.-гв. Павловского полка Грим. Он был приглашен к обеду министра. Протопопов спросил о беспорядках. Грим рассказал про их серьезный характер. Протопопов шутил, смеялся и высказал, что революцию надо было вызвать на улицу, чтобы раздавить, что теперь и выполняет Хабалов. Растерявшийся от подобного объяснения происходящих беспорядков офицер не знал что и ответить министру. Но слышанным от министра он был настолько поражен, что вечером же доложил о том по начальству. Речам министра удивлялись и офицеры, комментировали их не в пользу правительства.

Вечером Протопопов послал в Ставку Дворцовому Коменданту первую телеграмму о беспорядках. Объяснив, совершенно ошибочно, возникновение забастовки и {99} беспорядков только недостатком хлеба, Протопопов довольно верно сообщил, как протекали беспорядки, но ни одним словом не указал на их политический характер и закончил телеграмму так: „Сегодня днем более серьезные беспорядки происходили около памятника Императора Александра III на Знаменской площади, где убит пристав Крылов. Движение носит неорганизованный стихийный характер, наряду с эксцессами противуправительственного свойства буйствующие места приветствуют войска. Прекращению дальнейших беспорядков принимаются энергичные меры военным начальством. Москве спокойно. МВД. Протопопов. № 179. 25 февраля 1917 г.“.

Так расписался Протопопов в своем политическом убожестве. Министр Внутренних Дел не понимал, что в России началась революция. Не понимал того и Директор деп. полиции, не понимал и Начальник

Охранного Отделения. Последнее меня очень удивило в тот вечер, так как генерал Глобачев все последнее время ожидал революционного взрыва и предупреждал о том свое начальство.

25 февраля в 5 ч. 40 м. по полудни, генерал Хабалов послал генералу Алексееву первую телеграмму о беспорядках следующего содержания: — „Доношу, что 23 и 24 февраля, вследствие недостатка хлеба, на многих заводах возникла забастовка. 24 февраля бастовало около 200 тысяч рабочих, которые насильственно снимали работавших. Движение трамвая рабочими было прекращено. В середине дня 23 и 24 февраля часть рабочих прорвалась к Невскому, откуда была разогнана. Насильственные действия выразились разбитием стекол в нескольких лавках и трамваях. Оружие войсками не употреблялось, четыре чина полиции получили неопасные поранения. Сегодня, 25 февраля попытки рабочих проникнуть на Невский успешно парализуются. Прорвавшаяся часть разгоняется казаками. Утром полицмейстеру Выборгского района сломали руку и нанесли в голову рану тупым орудием. Около трех часов дня на Знаменской площади убит при рассеянии толпы пристав Крылов. Толпа рассеяна. В подавлении {100} беспорядков, кроме Петроградского гарнизона, принимают участие пять эскадронов 9 Запасного Кавалерийского полка из Красного Села, сотня лейб-гвардии сводно-казацкого полка из Павловска и вызвано в Петроград пять эскадронов гвардейского запасного кавалерийского полка. № 486. Ген. Хабалов".

Подобно Протопопову, и Хабалов искажил истину. Кроме того, он не посмел сообщить правду про убийство пристава казаком. Все обстоятельства того убийства были доложены ему жандармским офицером с места происшествия. Было доложено и о том, как толпа качала казака убийцу. Так лгал растерявшийся генерал Хабалов, опять-таки, подобно Протопопову, скрывая политический характер происходящего.

В 9 ч. вечера Хабалов получил личную телеграмму от Государя: — „Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. НИКОЛАЙ". —

**

*

Хабалов окончательно растерялся. — „Меня ударило как обухом по голове" — говорил он про впечатление от Государевой телеграммы. В 10 ч. у Хабалова собрались командиры запасных батальонов и начальники участков военной охраны. Генерал прочел Государеву телеграмму и отдал приказание на предстоящий день: толпы незначительные, неагрессивные разгонять кавалерией. Толпы же агрессивные и с революционными флагами рассеивать огнем, по уставу.

Открывать огонь после тоекратного предупреждения сигналом.

Распоряжение неправильное. В каждом данном случае об огне должен решать начальник на месте. Вот почему должны быть полицейские начальники!

**

*

Поздно вечером началось заседание Совета министров в квартире князя Голицына. Впервые за время беспорядков Совет обсуждал создавшееся положение.

Вопрос сразу {101} свелся к тому — следует ли распускать Гос. Думу. Министры Покровский, Риттих, Войновский-Кригер говорили за

необходимость работы согласно с Г. Думой. Они находили, однако, что необходимо несколько изменить состав министров. Все понимали намек на уход Протопопова. Сам Протопопов весьма сбивчиво говорил о том, что происходит в столице. Он много путал, но высказывался за роспуск Думы и за подавление беспорядков вооруженною силою. За роспуск Думы высказывались также Добровольский и Раев. Вызвали генерала Хабалова. Он произвел впечатление человека растерянного, испуганного. Его доклад был сумбурный. Он даже забыл доложить о полученной от Государя телеграмме.

Для пояснения положения вызвали Директора Департамента полиции и Начальника Охр. Отделения. После доклада последнего министры стали серьезнее смотреть на происходящее в столице. Беляев, Бобринский и еще некоторые стали высказываться, за подавление волнений вооруженною силою. Был даже поднят вопрос об объявлении осадного положения, но он остался нерешенным.

Премьер старался примирить всех и поручил Покровскому и Риттиху переговорить с некоторыми думскими лидерами и столкнуться с ними. Но он также намекнул, что некоторым министрам придется пожертвовать своим положением.

Совет согласился с проектом Хабалова опубликовать с утра и расклеить по городу от его имени предупреждение, что скопища будут рассеиваться оружием. Часов около четырех утра министры разъехались, условившись собраться на совещание 26 числа в 8 ч. 30 м. вечера.

**

*

Протопопов, вернувшись домой, написал успокоительное письмо Императрице, о чем ниже. Министр Внутренних Дел настолько не отдавал себе отчета о сущности происходящего в столице, что за все те дни он не отправил ни одного Всеподданнейшего доклада Государю.

**

*

В Царском Селе, во дворце было спокойно. Императрица продолжала смотреть на происходящие события глазами {102} Протопопова. Утром Царица получила от министра письмо, которое ничего тревожного не сообщало. „Оно, правда, немногого стоит“ — так оценила его сама Государыня, но все-таки на основании этого письма высказала Государю:

— „Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающие... Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат что у них нет хлеба, просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать..."

И Императрица продолжала заниматься текущими делами. Навестила больных детей, А. А. Вырубову. Съездила в церковь и помолилась у Знамения. Приняла очередной доклад состоявшего при Ее Величестве графа Апраксина.

Встревоженный беспорядками, усматривая в них большую политическую подкладку, граф после доклада начал говорить о текущем моменте. Он высказал много отрицательного по адресу некоторых министров. Сказал, что почти у каждого министра есть в прошлом что-либо нехорошее. По ходу разговора Государыня стала терять спокойствие, наконец рассердилась настолько, что отшвырнула стул. Разговор был настолько серьезен, что вернувшийся домой граф поведал своей жене, что вряд ли ему придется продолжать службу при особе Ее Величества.

Приняла Государыня нового Таврического губернатора генерала Бойсмана. Много говорили о Крыме, а затем перешли на беспорядки. Царица высказала свой взгляд о мальчишках и девчонках и главное значение придавала продовольственному вопросу вообще и выпечке хлеба в Петрограде. Ей понравилась мысль Бойсмана о том, чтобы Хабалов стал выпекать хлеб в казенных хлебопекарнях и Государыня поручила Бойсману побывать у Протопопова и передать ему, дабы он обсудил этот вопрос с Хабаловым.

Государыня была против репрессивных мер и особенно против стрельбы. „Не надо стрельбы, не надо стрельбы" — повторяла, несколько раз Государыня, — „Нужно только поддерживать порядок".

{103} Государыня поручила Бойсману повидать меня и передать мне, дабы я не преследовал очень одного из моих подчиненных в Ялте, который в это время уже был уволен от службы. Вернувшись из Царского, Бойсман приехал ко мне, передал мне поручение Императрицы и рассказал всю их беседу о текущем моменте. Было ясно, что Царица совершенно ни понимает его.

{107}

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

— 26 февраля. Воскресенье, в Петрограде. — Волнения на улицах и подавление их войсками. — Стрельба по толпам. — Учебные команды Запасных батальонов Л. Гв. Павловского и Волынского полков. — Тот день в Царском Селе. — Во дворце. — Императрица и Ее настроение. Прием Н. Ф. Бурдукова. — Мой разговор по телефону с генералом Воейковым, который в Ставке. — В Петрограде у гр. И. И. Воронцова-Дашкова. — Бунт 4 роты Зап. Батальона Л. Гв. Павловского полка. — У Протопопова. — В Совете Министров. — Роспуск Гос. Совета и Г. Думы. — Телеграмма Голицына Государю. — Настроение рабочих и революционной интеллигенции. — Родзянко и его телеграмма ген. Алексееву и Главнокомандующим. — Телеграммы в Ставку ген. Хабалова и полк. Павленкова. — Настроения в Петрограде по результатам дня.

26 февраля, в воскресенье, в Петрограде никто с утра не работал. Праздничный день. Газеты не вышли. Это сразу показало что-то не ладное. С утра повсюду войсковые наряды. Мосты через Неву, все дороги и переходы по льду охраняются войсками. Всюду цепи, разъезды, посты. И несмотря на это, рабочие одетые по-праздничному, и всякий люд, особенно молодежь, все тянутся со всех сторон к Невскому. Все препятствия обходятся. С отдельными солдатами, постами разговаривают мирно, дружелюбно. Среди рабочих, особенно в Выборгском районе, дан лозунг — брататься с солдатами. Пешей полиции не видно. Это производит тревожное впечатление. Всюду войска.

В тот день я должен был обедать у знакомых в Царском Селе. Я предполагал воспользоваться случаем и переговорить по прямому проводу со Ставкой — с генералом Воейковым. Вот почему, чтобы быть лучше в курсе всех событий, я около 11 утра, сговорившись заранее, приехал к С. П. Белецкому. Он жил недалеко от Соляного города. Ехал по Фонтанке, пустынно, неприятно. Около дома Протопопова — наряд. Жандармы.

Белецкий был серьезно встревожен. Он понимал, что происходит нечто необычайное, но слова „революция" он избегал. Он очень одобрил мой план протелефонировать Воейкову и при мне стал спрашивать новости у директора Д. П. Васильева.

Васильев сообщил, что под утро произведена большая ликвидация: арестовано до ста человек разных партий. Арестованы все вожаки движения. Арестован „руководящий“ движением „коллектив“. Надеются, что завтра, в понедельник, все будет кончено. Тоже самое, но только в {108} других выражениях, сообщил и Протопопов. Белецкий отнесся к их успокоениям довольно сдержанно. Я понял, что он не верит в арест какого-то коллектива, руководящего, якобы, всем движением. Такого тогда не было.

Были арестованы пять человек из Петербургского Комитета большевиков, но это была капля в море. Начальник Охранного Отделения смеялся над этими арестами, произведенными по его спискам.

Белецкий понимал что в Петрограде нет фактически авторитетного военного начальника, который бы руководил подавлением беспорядков, А между тем все передано в руки военных. А главное нет Государя. Нужно, чтобы Государь немедленно вернулся из Ставки.

Я еще успел пересечь Невский и проехать обратно к себе, (Фонтанка № 54), но с полудня Невский по тротуарам уже был залит людской массой. С двух часов в разных концах начинаются демонстрации.

Толпа занимает середину улицы. Появляются красные флаги. Поют революционные песни. Особенно возбужденное состояние у Казанского Собора, у Гостиного Двора, на углу Садовой, на углу Литейного, вокруг Знаменской площади. Площадь удобна для демонстрации, но пехота не пускает народ прорваться на площадь. Конные наряды бросаются на толпу, из толпы летят камни, ледяшки.

Около трех часов в разных местах Невского начинается стрельба пехотных частей по толпам. Особенно энергично стреляет у Гостиного Двора учебная команда Зап. Б-на Павловского полка. Ею командует капитан Чистяков, Сухой, энергичный, с горящими красивыми глазами, он, как назлектризован. Рота раскинула цепи поперек Невского и поперек Садовой. По Невскому от Аничкина моста и по Садовой к Невскому, заполнивши мостовую, двигаются толпы с красными флагами, с пением революционных песен. На сигналы не обращают внимания. Цепи стреляют залпами. Кто-то стреляет с крыши по солдатам сзади. Убит в затылок ефрейтор. Солдаты обозлены. Переходят на частый огонь. Стрельбе по {109} толпе иногда мешают казаки, смешиваясь с толпой. Пехота злится. Слышна ругань по адресу казаков,

Не менее энергично работает и учебная команда Волынского полка. Ею командует капитан Квитницкий. Ее роты оберегают Знаменскую площадь. Часть стреляет вдоль Невского против напирющей толпы, другая часть вдоль Гончарной улицы, откуда напирают с флагами и песнями. В этом районе несколько десятков убитых и раненых. Появились добровольцы-санитары: молодежь с повязками на рукавах. Много молодых женщин. Им дают работать.

От действительной стрельбы толпа в панике. Начинается отлив от Невского. Когда же некоторые части дают первый залп вверх, на воздух, толпа смеется и смелеет.

Вечером распространился слух о бунте в Павловском полку, о чем ниже.

**

*

Часа в четыре я приехал в Царское Село. Под снежной пеленой город казался особенно нарядным.

Придворные кареты с кучерами в красных ливреях придавали всему праздничный вид. Сказочными выглядели покрытые снегом бульвары. Всюду тишина, спокойствие.

Сделав несколько визитов, повидав бывших подчиненных я попал в семью С. Н. Вильчковского. Там также, как и во многих других Царскосельских семьях, царил культ Их Величеств. Сам Вильчковский занимал хороший пост и, кроме того, был начальником одного из поездов Ее Величества. Его жена работала в госпитале Государыни. Она была в восторге от Государыни, как от человека, матери, семьянинки. Как она любит помогать нашим больным и раненым, чего она не делает для них. Теперь Царица вся поглощена болезнью детей.

Александровский дворец действительно походил тогда на госпиталь. В комнатах Наследника и Вел. Княжен опущены шторы, царит полумрак. У Наследника и двух старших Вел. Княжен температура выше 39. Младшие В. Княжны {110} Мария и Анастасия Николаевны ухаживают за больными и гордятся тем, что они „сестры милосердия" и помогают Царице. Царица поспевает всюду. Положение Наследника тяжелое. Самочувствие Ольги и Татьяны Николаевны очень хорошее. Они даже веселы. Присланные офицером Родионовым ландыши от Гвардейского Экипажа, доставили больным истинное удовольствие.

На другом конце дворца лежит в жару так любимая царской семьей Аня (А. А. Вырубова). У нее температура более 40. Перебывало несколько докторов. Там дежурит „Аклина". В. К. Мария и Анастасия Николаевны два раза в день ходят туда на дежурство. Туда тоже были присланы ландыши. Эти ландыши едва ли не были последней улыбкой старого режима Царским детям. В тот день этого никто не подозревал, от детей скрывали истину. В. Княжны были счастливы. Царица строго запретила говорить больным о беспорядках.

Императрица в костюме сестры милосердия то у детей, то у Ани. Она руководит всем и сама ухаживает за больными.

Царица настолько занята больными, что даже не смогла лично выслушать генерала Гротена, который ездил к Протопопову за новостями. Царица поручила выслушать генерала своей подруге Лили Ден.

Протопопов прислал письмо, что вчера положение было хуже, сегодня лучше, произведены хорошие аресты, „Главные вожаки и Лелянов привлечены к ответственности за речи в Городской Думе. Что вечером министры совещались о принятии на завтра энергичных мер и что все они надеются что завтра (т. е. в понедельник. А. С.) все будет спокойно".

Так легкомысленно лгал и успокаивал Императрицу Протопопов, а ведь Царица сообщала эти сведения Государю, принимая их за чистую монету.

После завтрака Императрица была с Марией Николаевной у Знамения. Проехали на могилу Распутина. Над ней {111} уже был довольно высокий сруб. А. А. Вырубова строила часовню. Проехали в дер. Александровку, поговорили с Месоедовым-Ивановым, с Хвощинским и другими офицерами. Вернувшись во дворец, Царица обошла больных. У всех жар увеличился. Корь в разгаре. Царица написала письмо Государю, Ее Величество сообщила все успокоительные сведения, что прислал Протопопов. Написала, как молилась у могилы Распутина и послала кусочек дерева с его могилы, где стояла на коленях.

„...Мне кажется, все будет хорошо, — писала Царица — солнце светит так ярко и я ощущала такое спокойствие и мир на его дорогой могиле. Он умер, чтобы спасти нас.“... В таком безмятежном настроении Царица приняла после отправки письма Н. Ф. Бурдукова. Он еще накануне просил срочного приема. Ему было назначено на сегодня. Хорошо осведомленный о происходящем, Бурдуков решил предостеречь Царицу. Он не был связан служебной дисциплиной. Он журналист. Писать Вырубовой нельзя — больна. Расстроенный, не переменив даже обычного серого костюма, прошел он на этот раз как-то необычно просто во дворец. У ворот даже не сделали обычного опроса. Видна растерянность. Во дворце мертвенно тихо. Неприятно.

Его провели в салон. Вышла Императрица в костюме сестры милосердия. Подала руку, предложила сесть. Царица как будто опустилась, постарела, поседела.

Волнуясь, Бурдуков изобразил положение в столице как безнадежное, катастрофическое. Царица слушала спокойно и сказала, что она ждет доклада от графа Бенкендорфа. Бурдуков упрашивал уехать с детьми куда угодно, но уехать. Царица спокойно отвечала, что она при больных. Она сейчас сестра милосердия. Она одна должна бегать от одной больной к другой. Казалось, что слезы блеснули на глазах Царицы, но она старалась быть спокойной. Бурдуков пытался продолжать, но Императрица поднялась. С гордостью она твердым голосом сказала:

— „Я верю в русский народ. Верю в его здравый смысл. В его любовь и преданность Государю. Все пройдет, и все будет хорошо“.

{112} Аудиенция окончена. Поцеловав руку Ее Величества, Бурдуков покинул дворец. Он был подавлен.

Однако, к вечеру, оптимизм Царицы был поколеблен. В полночь Царица послала первую тревожную телеграмму Государю, которую оканчивала словами: — „Очень беспокоюсь относительно города“.

**

*

Переговорить с генералом Воейковым, который был в Ставке можно было только с его квартиры, по прямому проводу, из его кабинета. Я пошел туда. Оказалось, что жена генерала в Петрограде, на квартире родителей. В Царском на квартире только дежурный жандарм Кургузкин. Кургузкин знал меня давно. Я разъяснил ему необходимость переговорить с генералом и просил допустить меня до телефона. Кургузкин, понимая, что делается, просил меня располагать телефоном. Когда я добился Могилева и вызвал к телефону ген. Воейкова, мне ответили, что генерал пьет чай с Его Величеством и по окончании вызовет меня к телефону.

Через полчаса мы уже разговаривали. Поздоровавшись, я начал с того, что просил генерала обратить внимание на то, что я, Ялтинский Градоначальник, позволил себе забраться в его кабинет в его частной квартире, что жандарм Кургузкин пропустила меня к телефону. Это одно, говорил я, показывает насколько тревожно здесь положение. Я передал генералу о положении в Петрограде и о том, что Департамент хвастается произведенными арестами. Я высказал мнение, что Департамент не знает, что в действительности происходит; что Думу надо распустить, волнения подавлять вооруженною силою, но прибавлял я, для этого нужно, чтобы ХОЗЯИН был здесь. Будет Хозяин здесь все будут делать свое дело, как следует. Без Хозяина будет плохо.

Приезжайте Ваше Превосходительство скорое, приезжайте, приезжайте. Генерал Воейков любезно поблагодарил меня за информацию и мы распрощались.

Поблагодарив Кургузкина, я вернулся к генералу В. Сели за обед. Все были в хорошем настроении. Спокойствие царило в Царском Селе.

Вернувшись около десяти часов в Петрограде, я не нашел своего автомобиля. Кругом вокзала тревога. Один генерал забрал меня и нескольких дам, за которыми тоже не выехали их моторы, и довез меня к графу И. И. Воронцову, что состоял при В. К. Михайле Александровиче. В. Князь был в Петрограде. Граф и его красавица жена были встревожены. У них было несколько офицеров. Офицеры бранили ген. Хабалова и жаловались на полный хаос в городе.

Злобой дня был бунт в 4 роте запасного батальона Л.-Гв. Павловского полка. Запасный батальон того полка, как и все, был переполнен выше предела. Солдаты спали на нарах в несколько ярусов. Офицеры были или больные эвакуированные кадровые или молодые неопытные прапорщики, только что выпущенные с курсов, не пользовавшиеся никаким авторитетом у солдат. Вообще же число офицеров не соответствовало числу солдат и о каком-либо нравственном влиянии офицеров не приходилось говорить. Переполненные помещения, спертый воздух, часто плохая пища от интендантства, все это уже давно разлагающе действовало на запасных солдат, а систематического военного воспитания им не давалось по недостатку кадровых офицеров. На этот большой дефект высшее Петроградское начальство не обращало внимания.

Отлично в полку была поставлена учебная команда Чистякова. 4-ая рота Запасного батальона состояла из выздоравливающих солдат. Многие из них были испорчены госпитальным дамским режимом. Рота помещалась в помещении придворного конюшенного ведомства. Настроение роты уже давно заставляло желать лучшего. Часов около четырех, в роту пробралось несколько рабочих агитаторов. Они жаловались, что учебная команда Павловцев стреляет по народу. Просили заступиться, помочь; ведь, братцы, мы — свои. За {114} что же. Здесь не война. Рота заволновалась. Около шести часов несколько десятков разобрали винтовки и толпой повалили на улицу. Офицеров не было. На Екатерининском Канале им загрозила путь конная полиция. Началась перестрелка. Было дано знать в казармы Преображенского полка на Миллионной улице. Появившийся взвод Преображенцев загнал Павловцев в казармы. Явились офицеры. Командир батальона полковник Экстен стал усовещивать, но его кто-то ранил в голову, говорят из толпы. Это как бы образумило солдат. Бросились на помощь полковнику. Вскоре рота выдала 19 главных зачинщиков беспорядка. Но 21 человек скрылись с винтовками. Зачинщиков арестовали и отправили в крепость.

Слух о бунте облетел все казармы. Пошли разговоры. Полиция была возмущена, что войска не только не поморгают, а сами устраивают волнения.

*

Министр Протопопов продолжал верить, что Хабалов подавит беспорядки. В тот вечер министр обедал у Дир. Деп. Полиции Васильева. К концу обеда туда был вызван с докладом Нач. О. О. генерал Глобачев. Последний, наконец, понял, что у нас началась революция. Вчера поздно вечером один из его отличных сотрудников, сообщил ему:

— „Так как воинские части не препятствовали толпе, а в некоторых случаях даже принимали меры к парализованию начинаний полиции, то масса получила уверенность в своей безнаказанности и ныне, после двух дней беспрепятственного хождения по улицам, когда революционные круги выдвинули лозунги: „Долой войну" и «Долой самодержавие", народ уверился в мысли, что началась революция, что успех за массами, что власть бессильна подавить движение в силу того, что воинские части на ее стороне, что решительная победа близка, т. к. воинские части не сегодня-завтра выступят открыто на сторону революционных сил, что начавшееся {115} движение уже не стихнет, а будет без перерыва расти до полной победы и государственного переворота"...

К этой вчерашней удивительной по верности характеристике положения сегодня прибавился такой факт как „бунт" Павловцев.

Сообщения партийных „сотрудников" понятны лишь их авторам и жандармским офицерам, их принимающих. Они „сотрудничают" и по разным причинам и побуждениям, но стремятся к одной и той же цели — помешать революции. Чтобы понять и поверить сведениям „сотрудника", Министром Внутренних дел должен быть Плеве, Столыпин. Протопопов этого не понимает. Он ухмыляется, смеется, не придает никакого значения, что волна движения вздымается. Он не видит ничего грозного в „бунте" Павловцев.

— „Я спокоен, — говорит министр, смакуя кофе, — Хабалов подавит движение, это его дело..."

И отбросив злободневную неприятную тему, Протопопов начинает обычный рассказ про Царское Село, про милостивое к нему отношение Их Величеств. Дальше следуют планы и анекдоты...

Васильев в восторге. Как гостеприимный хозяин, он занят угощением гостей, как подчиненный, он льстит начальнику.

Начальник Охранного Отделения уезжает от Министра обескураженным. Это хороший жандармский офицер, но не для боевого времени. Он не может захватить, увлечь министра, заставить его действовать, как то делал в первую революцию полковник Герасимов. Да, но тогда и министрами были Дурново и Столыпин. Они понимали все. А им помогал такой министр юстиции, как Акимов.

После ухода генерала Глобачева, Протопопов утвердил следующую телеграмму для отсылки генералу Воейкову:

— „Сегодня порядок в городе не нарушался до 4 часов дня, когда на Невском проспекте стала накапливаться толпа {116} не подчинявшаяся требованиям разойтись. Ввиду сего возле Гор. Думы войсками были произведены три залпа холостыми патронами, после чего образовавшееся там сборище рассеялось. Одновременно значительные скопища образовались на Лиговской улице, Знаменской площади, также на пересечении Невского Владимирским проспектом и Садовой улицей, причем во всех этих пунктах толпа вела себя вызывающе бросая в войска камнями, комьями скелетов на улицах льда.

Поэтому когда стрельба вверх не оказала действия на толпу, вызвав лишь насмешки над войсками, последние вынуждены были, для прекращения буйства, прибегнуть к стрельбе боевыми патронами по толпе, в результате чего оказались убитые и раненые, большую часть которых толпа, рассеиваясь, уносила с собою.

В начале пятого часа Невский был очищен, но отдельные-участники беспорядков укрываясь за угловыми домами продолжали обстреливать воинские разъезды. Войска действовали ревностно.

Исключение составляет самостоятельный выход четвертой эвакуационной роты Павловского полка. Охранным Отделением арестованы на запрещенном собрании 30 посторонних лиц в помещении Группы Ц. К. Военно Пр. Комитета и 136 партийных деятелей, а также и революционный руководящий коллектив из пяти лиц. По моему соглашению с командующим войсками контроль распределения выпеченного хлеба, также учета использования муки возложен на заведывающего продовольствием в Империи Ковалевского. Надеюсь, будет польза. Поступили сведения, что-27 февраля часть рабочих намеревается приступить к работе. В Москве спокойно. М. В. Д. Протопопов".

Про самое важное событие дня — бунт Павловцев, Протопопов не счел нужным сообщить.

Утвердив текст телеграммы в Ставку, Протопопов поехал на квартиру председателя Совета Министров Голицына, где было назначено заседание Совета.

{117}

*

Совет министров по предложению Голицына обсуждал как главный вопрос — вопрос о прекращении сессий Гос. Совета и Гос. Думы. Теперь большинство министров стояло за роспуск их. В подтверждение правильности этой меры приводили мнение некоторых Думцев, в том числе Маклакова.

Премьер согласился с большинством и, взяв оставленный ему Государем подписанный уже бланк, проставил на нем дату 25 февраля, объявляя роспуск с 26, что было сообщено Родзянке в ночь на 27 число. В 1 ч. 58 м. ночи на 27 февраля князь Голицын телеграфировал Государю: — „Долгом поставляю всеподданнейше доложить Вашему И. В., что в силу предоставленной В. Вел. мне полномочий и согласно состоявшемуся сего числа заключению Сов. Министров занятия Гос. Совета и Гос. Думы прерваны с сего числа, и срок возобновления таковых занятий преуказан не позднее апреля текущего года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Соответствующие указы, помеченные 25 февраля в Царской Ставке, будут распубликованы завтра 27 февраля Предс. С. М. кн. Голицын".

Совет министров совершенно не коснулся вопроса о мерах, которые должны быть приняты, дабы закрытие Думы не повело бы к каким-либо демонстрациям около Думы. Об этом никто не заботился. Все как бы были загипнотизированы, что все что надо сделает генерал Хабалов; он же, во-первых, не знал и не понимал, что в таких случаях надо делать, а главное он уже совершенно растерялся.

Хабалов, как и полковник Павленков донесли в Ставку о случившемся в тот день. Родзянко же, получив извещение о роспуске Думы, поторопился послать генералу Алексееву и некоторым главнокомандующим свою знаменитую телеграмму, текст которой, как и тексты телеграмм Хабалова и Павленкова, приводятся в главе о Ставке 27 числа.

Между тем, у большинства в рабочих кругах настроение было паническое. Стрельбу на улицах поняли, как {118} доказательство решимости правительства подавить беспорядки во что бы то ни стало. Раздавались даже голоса за прекращение демонстраций и даже

забастовок. Правда, более горячие большевики стояли за продолжение борьбы, но требовали оружия. Лидеры отвечали, что оружия нет, а что достать его надо от солдат; надо с ними брататься и перетянуть их на свою сторону.

Растерянность царила и среди социалистической интеллигенции. В тот вечер у Керенского было совещание разных фракций и царило преобладающее мнение, что революция еще не своевременна. Правительство берет верх. Надо еще подождать. Много позже, опираясь на это собрание, Керенский говорил: — „Что Русскую революцию сделали не революционные партии, а представители думской цензовой интеллигенции и генералы". Керенский безусловно прав. Но не только непригодность министра внутренних дел и высшего военного начальства в Петрограде помогли им сделать революцию.

Ночь на 27 февраля помогла им. Поздно той ночью я ехал домой из Охранного Отделения. Я был под впечатлением многого виденного и слышанного там.

Я видел как один из руководителей агентуры, очищал свой письменный стол и на всякий случай уничтожал всё, касающееся секретных сотрудников. Всё было понятно без слов.

На улицах было пустынно. Полиции нет. Изредка встречаются патрули или разъезды. Спокойно. Зловеще спокойно. Но не спокойно в казармах. Всюду разговоры о событиях за день. Обсуждают стрельбу по толпам. Обсуждают бунт Павловцев.

Смущены не только солдаты, но и офицеры. Офицеры видели за день на улицах полную бестолочь. Нет руководства. Нет старшего начальника. Павленков, которому пытаются телефонировать, даже не подходит к телефону. Офицеры критикуют и бранят высшее начальство.

{121}

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

— 27 февраля в Петрограде. — Бунт в Запасном батальоне Л.-Гв. Волынского полка. — Развитие солдатского бунта. — Разгром тюрем, поджог суда, баррикады. — Закрытие Гос. Думы. — Присоединение Г. Думы к движению. — Временный Комитет Гос. Думы. — Мероприятия генерала Хабалова. — Отряд полковника Кутепова и его судьба. — Планы офицеров Запасного батальона Л.-Гв. Преображенского полка. — Сбор войск на площади Зимнего Дворца. — Действия Совета министров. — В квартире князя Голицына. — Военный минигр ген. Беляев. — Генерал Хабалов. — В Градоначальстве. — В. К. Кирилл Владимирович. — Генерал Глобачев, его последний разговор с Протопоповым и конец Охранного Отделения. — Последнее собрание Совета министров в Мариинском дворце. — Устранение Протопопова — Телеграмма Кн. Голицына Государю с просьбой уволить правительство и поручить формирование новому лицу, пользующемуся доверием страны. — Совещание Голицына, Родзянко и В. К. Михаила Александровича и разговор последнего с Государем по поводу. — Ответ Государя. — Правительство перестает функционировать, министры разбегаются. — Работа отдельных министров.

В понедельник 27 февраля в беспорядках приняли участие солдаты, затем Государственная Дума и это обратило беспорядки сперва в военный бунт, а затем и в революцию. Так считают ученые.

Мы полагаем, что революция, которая в течение последних месяцев была у всех в умах, которую по-разному подготавливали очень многие, началась 23-го февраля.

27 числа она лишь приняла новую форму. Применение ружейного огня против толпы всегда производит сильное впечатление на солдат и на офицеров. Когда же стрелять приходится против невооруженной толпы, среди которой большинство просто зеваки, впечатление оказывается почти потрясающим. Вид безоружного противника, вид убитых и раненых из его рядов смущает солдата. Да правильно ли поступает начальство, приказывая стрелять? Да хорошо ли, что мы стреляем? Эти вопросы невольно приходят в голову солдата. Смущены бывают и офицеры, а отсюда и стрельба вверх и пальба холостыми залпами... И вот почему прекращение так называемых беспорядков не может быть подведено под один шаблон. Не может быть поручаемо лицу, не знакомому с общественными движениями, не знающему, что такое толпа с ее особой психологией. Это лицо должно быть специалистом в полицейско-административном деле в самом широком смысле слова. Только такой человек, имея за собою опыт службы и практики, может знать, когда и какой надо употреблять прием против демонстрантов, против толпы. Только он может решить правильно когда надо прибегнуть к крайнему средству, к огню. И он решает этот вопрос на месте, а не сидя в кабинете.

{122} В Петрограде по чьей-то несчастной инициативе был выработан знаменитый план подавления беспорядков. Его и стали приводить в исполнение прямолинейно, по-военному, отстранив высшее полицейское начальство и ничего, кроме дурного, из этого не вышло. И самое решительное средство борьбы с толпой — стрельба, вследствие запоздалого (на целых два дня) его применения послужило не к прекращению беспорядков, а к обращению их в солдатский бунт, а затем и во всеобщую революцию.

Выше уже было указано, как стрельба учебной команды Павловцев повела к бунту четвертой роты. Быстрое вмешательство офицеров прекратило его. Много хуже произошло в учебной команде Запасного батальона Л.-Гв. Волынского полка. Накануне, 26 февраля, эта учебная команда энергично действовала в районе Знаменской площади и на Николаевской улице. В районе площади команда не раз стреляла по толпе. На Николаевской улице ст. унт. офицер Кирпичников задержал студента с бомбой и передал в распоряжение полиции. Вернувшись часам к одиннадцати вечера в казармы, после целого дня столкновений с толпой, наслушавшись много агитационных фраз, словечек, просьб и увещаний и со стороны рабочих и особенно со стороны женщин, которые просто прилипали к солдатам, упрасывая не прогонять и не стрелять, солдаты были смущены.

Особенно тревожно было во второй роте команды, где был Кирпичников. Не раз в последние дни он в разговорах возбуждал сомнение солдат — да правильно ли, что они идут против своих... Тихие разговоры велись ночью по кроватям, на нарах. Около кровати Кирпичникова собрались все взводные. Кирпичников уговаривал товарищей не выступать завтра против народа. Не стрелять. Довольно. Все согласились. Решили заявить завтра о том командиру 1-ой роты Дашкевичу. То был серьезный, суровый и энергичный офицер.

Что будет дальше — того не знал и сам Кирпичников.

27 февраля учебная команда поднялась раньше обыкновенного. Взводные вели агитацию по своим взводам. Солдаты соглашались слушаться во всем команду **{123}** Кирпичникова. Он был фельдфебелем. Стали выстраиваться. Каптенармус притащил ящик с патронами.

Набили сумки, карманы. Кирпичников спросил: согласна ли команда слушать во всем его приказания. Отвечали — согласны. Стали приходить офицеры. Здоровались. Им отвечали, как всегда. Появился командир капитан Лашкевич. Поздоровался с Кирпичниковым. В ответ раздалось „ура“ всей роты. Унтер-офицер Марков крикнул: мы не будем больше стрелять... Командир бросился к Маркову, тот взял угрожающе — „на руку“. Рота замерла. Капитан выхватил из кармана копию телеграммы Государя о немедленном прекращении беспорядков и стал читать ее. Команда отвечала шумом. Кто-то кричал: — „Уходи от нас“... Все загудело, заорало... Били прикладами о пол... Кто-то выстрелил и убил капитана... Команда с шумом повалила во двор. Играли рожки горнистов... Гремело „ура“... Выбегали другие роты...

Офицеры батальона собрались у командира, полковника Висковского. Прапорщики Воронцов и Колоколов II доложили о случившемся. Командир растерялся. Не было принято никаких мер, не было отдано никаких распоряжений. К взбунтовавшимся даже никто не пошел. Вот как писал мне позже один из капитанов батальона, бывший тогда там:

„Командир батальона совещался некоторое время с адъютантом (капитаном Петрушевским). Несколько раз он выходил в комнату, где собрались гг. офицеры, но распоряжений не давал. Снова и снова он расспрашивал о случившемся. Были слышны голоса требовавших немедленных приказаний. На один из них он ответил вопросом: — что же делать?

— Вызвать пулеметную команду, вызвать Михайловское артиллерийское училище, — говорили офицеры.

„Одна деталь поражала: — все эти предложения исходили из уст младших офицеров. Уже то, что они решились советовать командиру батальона было так неестественно и ненормально для нашей тогдашней военной жизни. Командир батальона не отвечал на все эти предложения. Помню, мне на предложение вызвать Пажеский корпус он сказал: — Голубчик, далеко.

{124} „Между тем прибежавший уже в штатском костюме прапорщик Люба рассказал, что, после случившегося, команда была в беспорядке во дворе, не зная, что делать. — Это был наилучший момент для начала действий, но командир усмотрел в этом иную возможность. Он сказал, что не сомневается в верности своих солдат, что они одумаются и выдадут виновных. Время шло и ничего не предпринималось для подавления случившегося...

„Часов в 10 вбежавший в канцелярию батальона дневальный доложил, что Учебная команда выходит на улицу. Командир батальона предложил офицерам разойтись по домам. Сам он куда-то уехал.

„Офицеры собирались группами и расходились. Солдаты смотрели озадаченно. Всюду была необычайная предупредительность, но чувствовалось напряжение"... Так писал мне офицер очевидец. Опять свидетельство непригодности, растерянности старшего начальника.

Взбунтовавшиеся Волынцы, под командой Кирпичникова, направились снимать Преображенцев. Оттуда присоединилась часть 4 роты, под командой унтер-офицера Круглова. Из цейхгауза разобрали патроны, винтовки, четыре пулемета.

Подняли на штыки полковника, ведавшего нестроевыми частями полка, дослужившегося из солдат. Сняли часть Литовцев, часть 6-го Саперного батальона. Толпа росла, кричала, стреляла вверх.

К солдатам присоединялись случайные рабочие, всякий люд. Появилась музыка. Вооруженная толпа росла и становилась грозной. Кричали: „На Выборгскую, на Выборгскую, к Москвцам!" И беспорядочный поток солдатской массы направился туда. Играла музыка, громыхали патронные двуколки, скакали впереди подростки. Не видно только было офицеров. Офицеры при начале бунта участия не принимали. Они должны были прятаться от разъяренной солдатской вольницы. Некоторые из них в тот первый день уже сделались жертвами „бескровной революции". Толпой уже командовал Круглов. С горящими глазами, похожий на Распутина, он импонировал толпе.

{125} Около полудня толпа смяла наряд Москвцев, что загораживал выход с моста на Выборгскую сторону. Здесь в цитадели большевиков, произошло окончательное соединение солдатчины с рабочими. Здесь на Выборгской с утра шли митинги и обсуждались вопросы как разнести полицейские участки, как привлечь на свою сторону солдат, а солдаты сами явились к ним!

Соединенные толпы солдаты и рабочих осадили казармы Москвцев. Запасный батальон был выстроен во дворе. Часть солдат присоединилась к толпе. Офицеры отстреливались из пулеметов из военного собрания. Части удалось скрыться. Много убитых и раненых. Часть восставших атаковала бараки самокатчиков. Там велосипедисты, руководимые офицерами, блестяще и героически долго отстреливались. Толпа подожгла заборы, бараки. Погибло много там. Толпа разгромила полицейские участки. Подожгла их. Наконец, осадила знаменитую тюрьму „Кресты" и освободила всех арестованных. Преступники всех категорий увеличили революционную толпу.

С Выборгской стороны уже столь победоносная толпа направляется обратно к Литейному мосту. Освобождают арестованных из Дома Предварительного заключения, поджигают здание Окружного Суда на Литейном. Строят на всякий случай баррикаду на Литейном. Мешают прискакавшей пожарной команде тушить Окружной Суд. Но что же делать дальше? Кто-то кричит „В Думу, в Государственную Думу!". И революционный поток, бушующий уже несколько часов, беспрепятственно направляется к Таврическому Дворцу...

*

Указ о роспуске Гос. Думы был послан Родзянке поздно вечером 26 числа, а опубликован утром 27-го. Но правительство не приняло никаких мер к тому, дабы в Думу с утра никто не пропущался и чтобы не было допущено никаких около Думы манифестаций. Хабалов этого не понимал, градоначальник, по действиям, как бы не существовал, а старого и опытного полицейского генерала Вендорфа, знавшего какие принимались меры при роспуске первой и второй Думы видимо не считали нужным спросить.

{126} Благодаря такой непредусмотрительности и бездействию Высших властей, с девяти часов утра в Г. Думу стали собираться депутаты. В комнате № 11 совершалось бюро Прогрессивного Блока. В кабинете Родзянки совещался Совет старейшин. Обсуждали, как отнестись к Государеву Указу. Было решено: Указу о роспуске подчиниться, считать Думу не функционирующей, но членам Думы не разъезжаться и немедленно собраться на частное совещание.

Такое иезуитское решение облетело Дворец и вышло за его пределы. Его и поняли так, что Дума Царского указа не признает, а

потому и не расходится! Керенский дал электрический звонок для сбора депутатов в Большой зал заседаний. Крупенский, подбежав к Родзянке, советовал помешать затее Керенского. Родзянко приказал выключить звонок Большого зала. Депутаты приглашались на частное заседание в полуциркульный зал. Все взволнованы. Председательствует Родзянко. Произносили речи: Некрасов, Чхеидзе, Аджемов, Керенский, Милюков, Родичев и другие. Некоторые предлагали возглавить движение. Некрасов предлагал выбрать диктатором артиллерийского генерала Маниковского. Милюков рекомендовал осторожность и выжидать, что покажут события.

Решили: выбрать пока Временный Комитет — „для водворения порядка в столице и для сношений с общественными организациями и учреждениями". То был второй революционный шаг Г. Думы. В Комитет выбрали весь состав бюро Прогрессивного Блока, усилив его Керенским и Чхеидзе. Ими социалисты накладывали руку на буржуазию.

Во время собрания узнали, что к Думе движется вооруженная толпа. Началось смятение. Депутаты спешили скрыться; несколько человек выскочили в окна, в сад, и выбрались задними ходами за пределы Дворца. А толпа солдат, рабочих и всякого люда заполнила двор, смяла караул, убила его начальника и затопила лавой все помещения Государственной Думы...

Лишь некоторые депутаты, как Керенский, Чхеидзе и другие, казалось, были родственны этой нахлынувшей толпе.

{127} По крайней мере, только у них нашелся общий язык с ней. Только они не боялись говорить с ней.

Государственная Дума сделалась одним из первых завоеваний революции. Подготавливая революцию уже много месяцев, Г. Дума стала ее первой жертвой. Теперь в Думу шел всякий, кто считал себя на стороне революции. Вzbунтовавшийся солдат, солдат убивший своего начальника, распропагандированный партийный рабочий, интеллигент, мечтавший за рюмкой водки о революции, радикальный журналист, беспаспортный еврей, экзальтированные девицы, молодые люди всяких взглядов и возрастов, авантюристы разных марок и выпущенные из тюрем преступники — все стремились теперь в Государственную Думу. Дума стала штабом революции.

Знаменитый план охраны — Протопопова, Балка. Хабалова — провалился блестяще в то утро. Солдатский бунт не был предусмотрен планом. В нужную минуту у командующего войсками не оказалось под рукой ни войск, ни начальника для них. Уже к полудню два колоссальных городских района оказались полностью во власти революции. Кто-то подсказал Хабалову, что в Петроград приехал в отпуск энергичный полковник Преображенского полка Кутепов. Отыскав Кутепова, Хабалов поручил ему с отрядом из 2-х рот Преображенского полка, 2-х рот Кегсгольмского, 1-ой роты Стрелков, 1-го эскадрона 9-го Запасного Кавалерийского полка и 1-ой пулеметной роты, идти в район Гос. Думы, смирить бунтовщиков и восстановить порядок. *(о Кутепове см. ldn-knigi)*

После очень долгих сборов, отряд, наконец, сформировался и тронулся в путь. На углу Невского и Литейного проспектов некий полковник в Николаевской шинели дружески уговаривал Кутепова бросить это дело и вернуться с отрядом к Зимнему дворцу. Кутепов продолжал путь, дошел до казарм Литовского полка, пытался водворить там порядок, но успеха не имел. Пошли дальше. Сплошная толпа мешала движению отряда. Начались столкновения с толпой.

{128} Пришлось стрелять. Из толпы отвечали выстрелами.

У Кутепова оказались убитые и раненые. У Кирочной и Спасской отряд окончательно потонул в толпе. Толпа засосала солдат. Подобрал раненых, Кутепов распорядился перенести их в ближайший госпиталь. Солдаты братались с толпой. Отряд рассеялся. Офицерам пришлось укрываться от разъяренной толпы. Сам Кутепов укрылся в одном из госпиталей. Его искали, но сестры не выдали. Отряд исчез бесследно. Хабалов много часов ждал донесений о действиях отряда. Они не приходили. Отправленный для розыска казачий разъезд сначала принес известие, что Кутепов просит подкрепления, а затем — что отряда нет, отряд исчез...

Хабалов растерялся окончательно. Отовсюду просили войск для охраны, а войск не было. Из стоявшего поблизости, на Миллионной улице, запасного батальона Преображенского полка шли нехорошие слухи. Молодые офицеры там были под большим влиянием Гос. Думы. Один офицер приходился племянником депутату Шидловскому, стороннику отречения Государя. Вести о волнениях в других батальонах, о волнениях в ротах, что стояли на Таврической улице, смущали молодежь.

Командир батальона, полк. князь Аргутинский-Долгорукий, не пользовался должным авторитетом у молодежи. По инициативе одного капитана офицеры решили вывести еще невзбунтовавшиеся роты на площадь Зимнего Дворца и уговорить придти на площадь батальоны остальных трех полков первой дивизии. Фантазерам рисовалось, что это будет отряд, который предложит правительству требования в духе пожеланий Г. Думы. Послали делегатов к Семеновцам, Измайловцам и Егерям. Миссия успеха не имела. Командир одного из запасных батальонов, выслушав делегата, протелефонировал в Штаб запасной гвардейской бригады и, узнав, что предложенный ему проект идет вразрез с приказаниями генерала Хабалова, категорически отказался от сделанного ему предложения.

Между тем Преображенцы, одна или две роты, вышли на площадь. Вскоре туда подошли две роты Гвардейского экипажа, которые были высланы В. К. Кириллом {129} Владимировичем, думавшим, что войска собираются по приказанию генерала Хабалова. Подошел эскадрон жандармского дивизиона. Но старшего начальника не было. Никто не знал, что делать. Подъехал генерал-адъютант Безобразов. Поговорил с офицерами. Время шло. Было холодно. А какие-то темные личности в штатском шныряли между частями. Что-то разговаривали с солдатами. Замерзшие солдаты стали поворачивать. Приказаний нет. Начальства нет. Офицер-моряк, приведший роты Гвардейского экипажа, ушел. Скоро ушли и роты. Ушли в свои казармы и Преображенцы. Так кончился длившийся несколько часов этот странный эпизод фантастического плана, надуманного молодежью Запасного батальона Преображенского полка...

*

Правительство преступно бездействовало.

Около 11 часов утра, на квартиру кн. Голицына приехал возбужденный генерал Беляев и только, после его рассказа, что делается в городе, — премьер стал спешно созывать к себе Совет министров, но больше беспокоился о том, что к его квартире не присылают охраны. Собрались министры. Около 2 ч. приехал Хабалов. Он производил странное впечатление. Был перепуган. Голос дрожал. Руки тряслись. Жаловался, что войск нет. Все или бунтуют или колеблются.

Слух о приближении толпы заставил всех быстро разойтись. Решено было собраться после 3 часов в Мариинском дворце. Голицын просил Беляева помочь растерявшемуся Хабалову.

Беляев лишь теперь, благодаря военным бунтам, понявший, что происходит нечто серьезное, поехал в градоначальство, где был как бы штаб Хабалова. Там царили сутолока и растерянность. Командир всех запасных батальонов полковник Павленков объявился больным. Его должен был заменить Московского полка полковник Михайличенко. Беляев впервые увидел воочию, что нет начальника, который бы фактически командовал войсками. Только теперь военный министр увидел то, что уехавший в отпуск генерал Чебыкин не был заменен соответствующим старшим начальником!

{130} Беляев вызвал начальника генерального штаба генерала Занкевича и объявил, что назначает его командиром всех действующих в столице войск. Ниже мы увидим его работу. Хабалов обиделся. В это время приехал В. К. Кирилл Владимирович. Он напал на Хабалова, что тот не дает никаких распоряжений, что делать с гвардейским экипажем? Хабалов оправдывался, что экипаж ему не подчинен. Великий Князь отозвал в сторону Беляева и стал убеждать его принять в Совете Министров меры — убрать Протопопова. Убеждал повлиять, чтобы Совет министров что-либо делал. В. Князь доказывал, что правительство бездействует, а революция разрастается. Беляев поехал в Мариинский дворец, куда должны были съехаться министры.

Великий же князь проехал в Гвардейский экипаж. По его приказу и были собраны две роты молодых солдат. Князь сказал патристическую речь, разъяснил, что роты идут в отряд к Зимнему дворцу, пропустил их церемониальным маршем, поцеловал и перекрестил фельдфебеля Рыбалко и роты ушли. Мы уже знаем, как эти роты пришли на площадь, как мерзли там, не зная что делать, и как разошлись.

Охранное Отделение, по полному названию — „Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в столице" — помещалось на Мытницкой набережной, на Петербургской стороне, в особняке принца Ольденбургского. Там же была и квартира его начальника Глобачева.

Утром стали поступать сведения о военных бунтах. Утром же появился взвод зап. б-на Л. Гв. 3-го Стрелкового полка под начальством офицера. Офицер представился генералу и доложил, что прислан для охраны учреждения. Генерал спросил: если придется охранять от наседающей толпы, если придется стрелять, будут ли люди исполнять команду. Офицер ответил смущенно, что поручиться за исполнение такой команды он не может. Разговорились. Генерал поблагодарил офицера и отпустил взвод в казармы.

Офицеры, чиновники, канцеляристы, весь наблюдательный состав, все были наготове. Телефон работал и с разных **{131}** концов города поступали самые тревожные сведения. Всюду бунты, революция.

Прекратились телефонные сообщения с полицейскими участками. После долгих поисков, около 3 часов, удалось найти по телефону Министра Протопопова. Он был в Мариинском дворце, где собирался Совет министров. Глобачев сделал доклад, Просил указаний, приказаний. В ответ не получалось ничего.

Какие-то нечленораздельные звуки. Все кончено. Распрощались. В пятом часу сообщили о движении к Отделению толпы. Глобачев объявил личному составу, что все свободны.

Каждый может располагать собою по усмотрению. Через несколько минут особняк опустел. Глобачев с женой и со своим помощником вышел последним с парадного подъезда. Генерал замкнул выходную дверь и двое штатских с дамой удалились. Было около 5-ти часов вечера. С набережной Васильевского Острова было видно, как подошла толпа к особняку и начался разгром... Глобачев со спутниками прошел на Б. Морскую, где помещалась Охранная Команда Отделения, на обязанности которой лежала охрана министров. Решено было пробраться в Ц. Село. Там Государева семья, Наследник.

**

*

Около 4-х часов все министры, за исключением больного Григоровича и Риттиха, собрались в Мариинском Дворце. Все считали дело совершенно проигранным и лишь ожидали своего ареста.

Был там и умнейший из бюрократов статс-секретарь Гос. Совета С. Е. Крыжановский. Приехал возбужденный генерал Беляев и передал Голицыну мнение В. К. Кирилла Владимировича уволить для успокоения населения Протопопова. Голицын отвечал, что это не в его власти, но соглашался на его отстранение. Началось заседание. Голицын высказал Протопопову необходимость его ухода из состава правительства. Сконфуженный, убитый Протопопов сказал лишь: — ну что же, я подчиняюсь, и удалился.

Он сказал кому-то, что ему остается лишь застрелиться, но пока укрылся у кого-то из младших служащих дворца.

{132} Но положение правительства в такой момент без Министра Внутренних дел было парадоксально. Кто-то предложил быть министром Крыжановскому, кто-то выдвинул судейского генерала Макаренко, но всё это было несерьёзно, и остановились на том, что министерство примет пока старший из товарищей министра. Составили приказ, но все понимали, что всё это ни к чему. Правительство уже знало, что оно ничем не управляет. В шесть часов, с общего согласия, Голицын послал Государю телеграмму о том, что Совет министров объявляет город на осадном положении, просит Государя назначить в Петроград для командования войсками популярного генерала, что Совет министров не может справиться с беспорядками и просит Государя его уволить и поручить лицу, пользующемуся общим доверием, составить новое правительство.

Так ликвидировало себя правительство князя Голицына, не обратив внимания, что в двух шагах от Мариинского дворца отряд верных Государю войск готов поддержать законное правительство и лишь ждет соответствующих распоряжений.

Около 8 часов вечера в Мариинский дворец приехали В. К. Михаил Александрович и Родзянко. Великий Князь находился в последнее время под большим влиянием Родзянки. Уже 25 числа Родзянко по телефону приглашал В. Князя немедленно приехать в Петроград. По приезде В. К. 27 числа с ним состоялось совещание, в составе: Родзянко, Некрасов, Савич и секретарь Думы Дмитриуков. Его убеждали принять на себя диктатуру над городом, уволить правительство и просить у Государя манифеста о даровании ответственного министерства. Великий Князь на такой шаг не согласился.

Теперь в Мариинском дворце Родзянко и кн. Голицын упрашивали В. Князя, ввиду исключительно важных катастрофических обстоятельств, объявить себя регентом, за отсутствием Государя; принять командование

над всеми войсками и поручить князю Львову составить министерство. Верный своему брату, В. Князь на регентство не мог согласиться. Принять же на себя высшее командование всеми {133} войсками столицы, объединить вокруг себя всех верных Государю людей и обрушиться на революцию — на такой смелый подвиг Великий Князь, по своему характеру, был неспособен. Это не пришло тогда в голову даже и самому старшему из бывших в столице Великих Князей — В. К. Павлу Александровичу, которому по новой его должности подчинялись как раз те самые войска гвардии, которые теперь бунтовали. Опять-таки на лицо была бездеятельность высшего начальства.

Но помочь Государю и общему делу В. К. Михаил Александрович хотел и потому он согласился переговорить с Государем по прямому проводу. При участии Голицына, Родзянки, Беляева и Крыжановского был составлен текст разговора. В. Князь и Беляев поехали в Генеральный Штаб, вызвали к проводу генерала Алексеева и в 10 с половиной часов начался разговор.

Великий Князь просил передать Государю: — „что для немедленного успокоения принявшего крупные размеры движения — необходимо уволить весь совет министров и поручить образование нового министерства князю Львову, как лицу пользующемуся уважением в широких кругах". Великий Князь просил уполномочить его, В. Князя, „безотлагательно объявить об этом от имени Его Величества. Он просит также Государя отложить на несколько дней приезд в Царское Село".

Через полчаса генерал Алексеев передал В. Князю от имени Его Величества: что Государь благодарит за сообщение. Не считает возможным отложить свой отъезд и выезжает 28 числа в 2 ч. 30 м. дня. Что все мероприятия по перемене личного состава Государь откладывает до своего возвращения в Царское Село. Что завтра в Петроград отправляется ген.-адъютант Иванов в качестве главнокомандующего Петроградским округом и что завтра же направляются с фронта четыре пехотных и четыре кавалерийских полка.

Со своей стороны генерал Алексеев выразил полное сочувствие проекту В. Князя, но боится, что время будет {134} упущено и завтра (28) утром обещался еще раз доложить просьбу В. Князя Его Величеству.

Ответ Государя обескуражил всех. Когда Беляев привез и прочел его в Совете министров, все были подавлены, а Голицын лишь спрашивал растерянно: — Что же делать, что делать?

В это время сообщили, что ко дворцу идет толпа. Скоро ворвутся. Произошло смятение. Казалось — все погибло, всему конец. Решили разойтись. Потухло электричество. Почти все успели покинуть дворец. Двое укрылись у курьеров. Вскоре действительно во дворец нахлынула вооруженная толпа солдат и всякой черни. Начался разгром...

Так окончил свое существование последнее Царское правительство. Оно ушло, испугавшись революции, не сумев использовать против нее бывшую в его распоряжении воинскую силу. Лишь один Военный министр генерал Беляев еще продолжал в течение полусуток бороться, пока не был арестован, да министр Иностранных Дел Покровский продолжал работать, пока его не сменил Милюков.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

— 27 февраля в Петрограде. (Продолжение). Растерянность высших военных властей. — Генерал Занкевич. — Сбор верных войск. — Отсутствие плана. — Уход Преображенцев и Павловцев. — Переход верных из Зимнего Дворца в Адмиралтейство. — Состав и настроение отряда. — Ожидание подкреплений. — Беспорядки в районе Измайловского проспекта. — Движение отряда полковника Данильченко. — Задача, данная полковнику Фомину. — Генерал Хабалов и его план. — Тщетное приглашение министров. — План Фомина. — В. К. Кирилл Владимирович. — Генерал-адъютант Безобразов. — Переход верных снова в Зимний дворец. — Уход гвардейского запасного кавалерийского полка. — Требование В. К. Михаила Александровича вывести войска из дворца. — Снова переход верных в Адмиралтейство. — Развитие революции в течение дня. — Стремление толпы и солдат в Думу. — Поведение депутатов. — Колебание председателя Думы Родзянко. — Переход офицеров Запасного батальона Преображенского полка на сторону революции. — Влияние этого фактора на Родзянко. — Временный Комитет Гос. Думы объявляет себя возглавителем революции. — Телеграммы на фронт. — Измена Государю. — Полковник Энгельгардт и Преображенцы. — Образование Совета рабочих и солдатских депутатов. — Выборы Исполнительного Комитета. — Его работа — Керенский. — Военная работа Комитета. — 27 февраля в Царском Селе. — Телеграммы Императрицы. — Совет генерала Беляева уехать. — Переговоры гр. Бенкендорфа с Могилевым. — Указания Государя. — Просьба Хабалова дать войскам его продовольствие.

Высшая военная власть растерялась в тот день не меньше гражданской и также не сумела найти правильную линию поведения, чем и помогла успеху революции.

Генерал Занкевич, которому ген. Беляев передал фактическое командование войсками Петрограда, считался боевым генералом. Он командовал на войне Л.-Гв. Павловским полком. Беляев думал, что он справится с бунтовщиками. Революцию, как таковую, Беляев стал понемногу понимать только с сегодняшнего дня. Занкевич, по просьбе Беляева, переоделся в зимнюю форму Павловского полка и приехал в здание Градоначальства. Там он нашел полнейшую растерянность военных и незнание что делать. Собрав толпившихся офицеров разных частей, в том числе и Преображенцев, Занкевич старался узнать истинное настроение солдат и офицеров в частях. Офицеры не надеялись, чтобы солдаты пошли против Думы. Да и сами офицеры далеко не казались сторонниками правительства и видимо их симпатии склонялись на сторону Гос. Думы. Генерал Занкевич приказал собраться во дворе Зимнего Дворца тем частям, которые еще не ушли с дворцовой площади или находятся поблизости. Вскоре во дворе собрались: 2 роты запасного б-на Преображенского полка, запасный батальон Павловского полка, подошедший с музыкой и в особенно приподнятом настроении из-за назначения начальником всех их однополчанина, рота зап. б-на 3-го Гв. Стрелкового полка и рота зап. б-на Кексгольмского полка.

Генерал Занкевич вышел к отряду. Поздоровался. Ему ответили отлично. Генерал сказал речь о том, что происходит. Говорил он, что если революция победит, то от этого выиграют только немцы. Значит войскам надо подавить {138} революцию. Надо послужить Царю и доказать ему верность гвардии.

Занкевич отдельно обратился к Павловцам.

— Будем же, братцы, стоять несокрушимой горой за Царя и Родину.

— Мы вместе проливали кровь на фронте, послужим же и здесь

вместе Государю верой и правдой...

— Так, точно, ваше превосходительство... Постараемся, ваше превосходительство! — несло из рядов Павловцев и несло восторженно. Казалось, все обстоит как нельзя лучше. Генерал Беляев, наблюдавший всё происходившее из дворца, поздравил затем Занкевича с успехом. Начало блестяще. На людей можно надеяться. Отряд расположили во дворце. Выставили часовых. Выслали патрули. Но о каком-либо наступлении на бунтовщиков, на революцию высшее начальство не думало. Не было никакого плана что делать.

Занкевич ждал приказаний от высшего начальства; ни Хабалов, ни Беляев никаких приказаний не давали. И потянулись унылые часы. Часы ожидания чего-то. Изредка по телефону сообщали, что такая-то часть, которую поджидали, не придет. Это поднимало разговоры. Настроение солдат и офицеров было странное. Стало смеркаться. Подошло время ужинать. Роты Преображенцев ушли ужинать в казармы, что на Миллионной и больше уже не вернулись... Пошли ужинать с музыкой в свои казармы и Павловцы и тоже не вернулись.... У Мраморного дворца, у Марсова поля, Павловцев встретила огромная толпа народа и солдат. С криками — „Ура, Павловцы, ура, в Думу, в Думу“, — толпа облепила роты со всех сторон... Женщины брали солдат под руки... ласкали... Вы с нами, Павловцы, с нами... Ура, ура... И Павловцы не выдержали. Часть с музыкой пошла с толпой. Учебная команда твердо прошла в свои помещения, но ее скоро изолировали солдаты других рот. Не давали пищи. Ее офицеров арестовали...

Нехорошо было настроение и у оставшихся в распоряжении Занкевича частей. Часов около 2-х генералы решили, {139} что отряд надо перевести в здание Адмиралтейства. Там будет ближе к Градоначальству. Туда подойдут еще какие-то части. Двинулись туда. Было уже совсем темно. Горели фонари. Из-за Невы доносилась трескотня выстрелов.

В Адмиралтействе.

Колоссальное здание Адмиралтейства занимает целый квартал и четырьмя фасадами выходит на все четыре части света. Здание имеет семь ворот и семь подъездов с огромными тамбурами.

Войска вошли в ворота Южного фасада, что выходили к Гороховой улице. В то крыло здания, кроме генералов Беляева и Занкевича, перешло и все высшее военно-административное начальство: генерал Хабалов со своим начальником Штаба, градоначальник Балк с помощниками ген. Вендорфом и Лысогорским и начальник Жандармского дивизиона генерал Казаков. Начальства было очень много, но оно не знало и не понимало, что надо делать. Уже почти в продолжение полсуток высшее военное начальство демонстрировало свою непригодность. Между тем настроение так называемых верных ухудшалось. Кексгольмцы были деморализованы. Еще утром они имели столкновение с толпой на углу Литейного и Невского. Несколько офицеров были убиты. Пришла рота полиции. Но полиция вообще не верила в своего градоначальника. Он был для нее чужой. Пришли эскадроны Запасного гвардейско-кавалерийского полка, квартировавшего в Новгородской губернии. Их направили в манеж Конной Гвардии. Там уже стояли два Донских казачьих полка. Их командиры были с генералитетом.

На одном из дворцов Адмиралтейства стояло сорок вьючных

пулеметов 1-го пулеметного полка, о которых как будто забыли. Вышние начальники были растеряны. Ни Хабалов, ни Беляев, ни Занкевич не действовали. Теперь все волновались, что не идет отряд Измайловцев, с которым должны прибыть две батареи и один эскадрон. Также должны прибыть и пулеметы. Привести отряд должен был полковник Данильченко. Отряд был {140} расквартирован в районе Троицкого собора.

Его надо было собрать. К вечеру в тот район докатилась волна восстания. Толпы вооруженных рабочих и солдат осадили казармы Семеновского полка, сняли часть солдат. Толпа направилась затем к Егерям, сняла и их часть. Теперь море голов двигалось к Измайловским казармам, как раз когда оттуда выходил отряд Данильченко. В темноте можно было различить огромную черную толпу против собора. Ярко горел почему-то электричеством крест на куполе. Толпа смотрела, снимала шапки, многие крестились, что-то кричали. К Измайловцам, к Измайловцам — орали в толпе. А три роты Измайловцев, под командой полковника Фомина, спешно двигались в это время к Фонтанке. Их нагнали две батареи запасной гвардейской артиллерийской бригады. Артиллерия пришла из Стрельны. Ею командует твердый характером полковник Потехин. Пулеметную команду напрасно ждали. Ее не выпустили взбунтовавшиеся солдаты. Не пришел и эскадрон. Когда эскадрон стал садиться на коней, в манеж ворвалась толпа, овладела лошадьми, увлекла солдат, началось братанье. Офицерам пришлось спастись от самосуда.

Отряд спешил к Адмиралтейству. На площади Мариинского театра было видно, как эскадрон жандармского дивизиона отбивался саблями от окружавшей его толпы. Он разогнал ее. Встретились с революционным отрядом. По-военному шли навстречу с винтовками рабочие. Увидя войска, прижались к панели и на ходу взяли на изготовку. Противники разошлись, не тронув друг друга. Подойдя к Адмиралтейству, отряд встретился с толпой выходивших из ворот в беспорядке Кексгольмцев. Начальник прибывших частей представился генералам. Полковнику Фомину подчинили все пехотные части.

Полковнику Фомину приказано принять меры к охране Адмиралтейства, как здания. Стоял мороз градусов 10. Солдаты были одеты налегке, не было взято даже наушников. Говорить серьезно о наружной охране здания не приходилось. Роты были разведены по четырем главным подъездам. Забаррикадировали ворота, выходившие на {141} Черноморский переулок. Артиллерию поставили во дворе здания. Пулеметы расставили у некоторых окон второго этажа и по подъездам.

Распоряжался этой обороной Занкевич. Начальник штаба Хабалова, генерал Тяжельников, проявлял ко всему полное равнодушие и нерадение. Генерал Хабалов пояснял, что отряду надо продержаться до вечера 28 числа, т. е. до того времени, как с фронта придет целая дивизия. Хабалов был уверен, что в городе восстало до сорока тысяч человек и справиться с этой силой может только целая дивизия. Кто распространял эти вздорные сведения, почему приводили в состояние обороны именно адмиралтейство, о нападении на которое тот день никто не помышлял, — остается загадкой.

На вопрос одного из начальников, почему не вызываются военные училища, Хабалов ответил, что они получили особое назначение. То была неправда. Их просто не использовали. Хабалов пояснил Фомину, что он охраняет правительство и просил его оповестить министров и просить их

приехать в Адмиралтейство. Никого из министров Фомин не мог по телефонам разыскать, адмирал же Григорович заявил, что он отказывается принимать какое-либо участие в каких-либо приготовлениях. На том вопрос о министрах и правительстве и закончился.

Полковник Фомин высказал начальству мнение: не лучше ли отряду выйти за город, занять хотя бы Пулковскую высоту и там подождатьдвигающиеся к Петрограду войска и уже вместе с ними обрушиться на бунтующий Петроград. Хабалов заявил, что он не считает возможным оставить Петроград и о выходе отряда не может быть и речи. Около 11 часов приехал В. К. Кирилл Владимирович. Он все искал те две свои роты, которые он еще днем выслал на площадь, но которые куда-то исчезли. Он только что был в офицерском собрании Преображенцев и там ему сказали, что Преображенцы признали власть Комитета Гос. Думы. В. Князь с горечью говорил Занкевичу об упущенном времени и находил положение безнадежным. Приезжал и генерал-адъютант Безобразов. Он дружески советовал {142} генералу Занкевичу не заниматься обороной адмиралтейства, на которое никто и не думает наступать, а самим быстро перейти в наступление. — „Если вы не перейдете в наступление, все пропало. Вот вам мой совет: переходите в наступление". С Безобразовым не соглашались. В какое наступление, против кого, ведь правительства нет, никто ничего не говорит, что надо делать... Безобразов уехал.

Около полуночи генерал Занкевич обходил посты отряда. Настроение солдат ему казалось ненадежным. Ему казалось, что если кто-нибудь начнет наступать, солдаты откажутся сопротивляться. Дело проиграно. Надо думать, как с честью окончить безнадежное дело. Занкевич стал убеждать Беляева, что погибать с честью лучше всего, обороняя Зимний Дворец, как эмблему Царской Власти. Надо уйти с отрядом обратно в Зимний Дворец. Беляев согласился. Переговорили с Хабаловым. Тот согласился. Отдали спешно приказания. Все встрепенулось. Началось шествие в Зимний дворец. Впереди шли генералы. За ними начальники отдельных частей, старшие офицеры. Затем двигалась пехота, гремела артиллерия, пулеметы и всё замыкали эскадроны Запасного полка. Странное то было шествие. Точно похороны — говорил один из участников. Стояла тихая морозная ночь. Мерцали звезды. Впереди далеко, над Выборгской стороной, виднелось зарево.

Снова в Зимнем Дворце.

Войска вошли во двор дворца. Дворец приподнял настроение. Занкевич распределил отряд. Отряд усилился двумя ротами Петроградского полка, которые занимали караул дворца. В главных воротах поставили два орудия. В коридорах у окон расставили пехоту. Эскадроны и казаков расположили на западном дворе. Смотрителя дворца просили распечатать утром окна по фасаду, которые были закрыты на зиму. Установили посты в угловых окнах. В одной из гостиных расположились генералы и штаб, рядом старшие офицеры, в третьей гостиной обер-офицеры. Потянулось скучное в ожидании чего-то время. Оно было перебито {143} известием, что эскадроны Запасного Гвардейского Кавалерийского полка уходят. К командиру полка явились „делегаты" и заявили, что эскадрон без пищи и без фуража. Что они не хотят офицерам смерти и зла, но и себе не хотят того же. А потому они и решили идти походным порядком обратно в Новгород. Эскадроны ушли.

Они квартировали в Кричевицких казармах Новгородской губернии. Командовавший полком и несколько офицеров остались при Хабалове. Остро заболел полковник Данильченко. Его поместили в дворцовый госпиталь. Его место заместил полковник Фомин. Фомин беседовал с Беляевым, который все больше и больше терял равновесие и становился очень нервным. Он вдруг стал говорить, что Г. Дума без всякого основания относится к нему плохо. Сказал, что правительство разошлось. Что уже начались аресты. Что его, наверно, скоро тоже арестуют. Но на соображение Фомина о том, что не следует ли переговорить по телефону с Родзянко, чтобы получить правильные сведения о том, что делается, Беляев ответил: — „Я с бунтовщиками переговоров не веду". Фомин высказал мнение о посылке телеграммы Его Величеству. Беляев возразил, что нельзя беспокоить Государя.

Около трех часов во дворец приехал В. К. Михаил Александрович. Ему не удалось уехать в Гатчину и он приехал переночевать во дворец. Вскоре В. Князь пригласил к себе генералов Беляева и Хабалова. В. Князь просил генералов увести войска из дворца, заявив: — „что он не желает, чтобы войска стреляли в народ из дома Романовых". Генералы ушли и Беляев отдал распоряжение Занкевичу: очистить Дворец от войск и снова перейти в Адмиралтейство. Изумленному Занкевичу Беляев не раз повторил странную фразу Великого Князя. Генералы стали совещаться, что же делать. Кто-то предложил занять Петропавловскую Крепость. Хабалов вызвал к телефону помощника коменданта барона Сталя и начал переговоры. Сталь предупредил, что площадь перед крепостью занята толпой. Там есть и броневики. Кажется занят и Троицкий мост. Придется пробиваться. Занкевич находил, что рисковать пробиваться в крепость невозможно. Решили уходить обратно в Адмиралтейство. Отдали {144} приказания. Стали уходить. Оставление дворца, по приказанию брата Государя, произвело удручающее впечатление. Особенно на офицеров. Никто, ни правительство, ни брат Государя, никто не поддерживал горсточку верных долгу и присяге людей. Никто не поддерживал, а каждый мешал им выполнить свой долг.

Успех в тот день Революции.

Благодаря бездействию правительства, к вечеру 27 февраля почти весь Петроград был во власти революционной толпы. По улицам ходили толпы солдат и вооруженных рабочих. Шла повсюду непрерывная, беспорядочная стрельба, которой занимались, главным образом, подростки. То и дело проносились с грохотом грузовые автомобили, облепленные солдатами, с красными флагами, с торчащими во все стороны штыками. Особенно неприятное, страшное впечатление производили лежавшие на их крыльях солдаты с вытянутыми вперед винтовками. Это было глупо, но страшно. Солдаты орали с камионов, стреляли вверх. Над городом стояло зарево. В Литейной части горело Жандармское Управление, Александр-Невская часть, догорал Окружный суд. Что-то пылало на Выборгской, горела тюрьма Литовский Замок. Кое-где на улицах жгли бумаги и вещи полицейских участков. Выискивали и избивали городских. Была пущена легенда, что полиция стреляет из пулеметов с крыш и с чердаков.

Под покровом темноты, в разных концах города, толпы разнузданных солдат и всякого люда осаждали казармы, где еще находились не присоединившиеся к революции части.

Толпа разбивала ворота, громила, что могла. Расхватывала винтовки, увлекала слабовольных, выгоняла сопротивляющихся, нападала на офицеров. Некоторые части пытались было сопротивляться, но бесполезно. Сила солому ломит. Офицерство в большинстве разбежалось. В этот день оно продолжало быть с массой против революции. Солдаты, присоединившиеся к толпе, шли с ней „снимать“ еще не присоединившихся. Какие-то странные молодые люди, {145} переодетые в офицерскую форму, часто руководили толпой и набрасывались на офицеров.

К ночи были сняты и вовлечены в бунт солдаты почти всех запасных частей. Дольше других держался на Васильевском Острове Запасный батальон Финляндского полка. Целый день он стойко мешал революции овладеть той частью города. В конце концов, и он уступил толпе. На Выборгской стороне, до утра 28, отстреливалась от толпы группа самокатчиков с офицерами. С некоторых домов, с крыш трещали по толпам пулеметы. Кто были эти безымянные герои дольше других сражавшиеся за Царский режим, остается тайною. Легенда приписала их полиции. Это неверно. У полиции пулеметов не было.

Правительство и обыватель всегда считали, что революцию произведет Госуд. Дума. 27 февраля все поняли, что то, что происходит в Петрограде, это и есть революция. Вот почему, когда 27 числа одни делали революцию на улице (снимали и разоружали солдат, раскрывали тюрьмы, громили правительственные учреждения и т. д.), — другие, сочувствуя ей, шли в Думу, полагая, что там и есть центр, штаб революции. Шли за информацией, за директивами, за приказами.

В Таврический дворец несли оружие, патроны, снаряжение. Туда мчались ошетинившиеся штыками камионы, шли солдаты, рабочие. Туда, к вечеру, разные лица телефонировали разные полезные для революции сведения, просили помощи, поддержки. Толпа всякого люда к вечеру заполняла все помещения дворца, особенно растрепанные, расхлыстанные по одежде солдаты. Все считали себя там у себя, в безопасности. Среди самих думских депутатов буржуазии видна была растерянность. Некоторые из правых пикировались с левыми. — „Ну что, дождались. Ну что же, командуйте...“

В одном все сходились — в ненависти к Царскому правительству и к Государю Императору. Не слушались, не шли {146} на уступки, ну и достукались. Вот и дожили... Выходило так, точно на революцию никто не работал, точно ее никто не подготовлял, каждый на свой манер... И неприязненное чувство к Государю росло и воздымалось.

В кабинете Родзянки, где чуть не все члены избранного Временного Комитета, — растерянность и недоумение. Что делать? Родзянко только что вернулся после переговоров с кн. Голицыным, с В. К. Михаилом Александровичем. Он посвятил во всё Комитет. Его попытка устроить В. Князя регентом не удалась. Государь не идет ни на какие уступки. В столицу направлены войска с фронта. Идет с отрядом генерал Иванов. Все взволнованы. Депутаты убеждают Родзянко, чтобы Временный Комитет объявил себя революционной правительственной властью. Легальная власть ушла. В городе анархия. Другого выхода нет. Надо принимать власть. Родзянко колеблется. Он уже сделал много революционных шагов, но он продолжает повторять: — Я не желаю бунтовать.. Я никаких революций не делал и делать не желаю.

Милюков и другие уговаривают его, доказывая, что раз правительство само себя упразднило, то Дума должна принять власть и

тем спасти положение, предупредить анархию, которая уже началась — офицеров уже начали избивать. Их ловят, бьют, убивают.

Поколебленный горячими доводами, усталый, разнервничавшийся, Родзянко просил дать ему „четверть часа" спокойно подумать. Он ушел в отдельную комнату. Какая борьба должна была происходить в душе бывшего камер-пажа Императора Александра II, бывшего кавалергарда, камергера Двора Его Величества...

„Тяжкие четверть часа, — писал позже Милуков, — от решения Родзянки зависит слишком многое: быть может зависит весь успех начатого дела. Вожди армии с НИМ в сговоре и через НЕГО с Государственной Думой. („Первый день" — „Посл. Нов.).

А в то время, как Родзянко „думал", изменять или не изменять Государю, из казарм запасного батальона {147} Преображенского полка офицер Нелидов, племянник депутата Шидловского, решительного сторонника отречения Государя, протелефонировал своему дяде, что офицеры и солдаты батальона предоставляют себя в распоряжение Гос. Думы. Шидловский, решительный сторонник революции и отречения Государя, нарушил одиночество Родзянки и передал ему полученное заявление.

Надо знать, сколь велик был до революции престиж имени Преображенского полка, полковником которого был сам Государь, чтобы понять, какое огромное впечатление произвело на всех, а на Родзянко в особенности, полученное заявление, хотя он и знал, что это лишь жонглирование именем славного полка. Л. Гв. Преображенский полк находился на фронте. В Петрограде был лишь его запасный батальон. Правда, там были и кадровые офицеры, во главе с полковником Аргутинским-Долгоруким. Но, все-таки это не полк. И, все-таки, одно имя Преображенцев импонировало так сильно, что известие — „Преображенцы присоединились к нам" — радостно передавалось из уст в уста и послужило последним толчком для колебавшегося Родзянки.

Выйдя из кабинета и заняв председательское место, Родзянко заявил, что он „согласен". Временный Комитет объявляет себя правительственной властью. Родзянко требует от всех полного себе подчинения. Революционное правительство начало действовать. Родзянко поручил Шидловскому съездить и поблагодарить офицеров Преображенского полка. Комендантом Петрограда был назначен член Думы, отставной полковник Генерального Штаба Б. Энгельгардт. Энергичный, юркий комендант передал Преображенцам поручение Комитета: атаковать отряд Хабалова и арестовать правительство, что, однако, выполнено не было.

Около 3 часов ночи Энгельгардт приехал в офицерское собрание Преображенцев. Он передал благодарность Комитета.

„Энгельгардт подчеркнул офицерам решающую, положительную роль Преображенского полка в борьбе Госуд. Думы и народа со старым правительством. — Знайте, {148} господа, ваше геройское решение первыми придти к нам на помощь, прекратило все колебания Родзянки встать во главе Исполнительного Комитета Думы. Теперь можно сказать, что мы уже победили." (Лукаш: Преображенцы, „Дни" 10. I. 1926)

В 6 ч. утра 28-го Родзянко послал генералу Алексею всем командующим фронтами и начальникам флота следующую телеграмму:

„Временный Комитет членов Госуд. Думы сообщает Вашему В-ву, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров, правительственная власть перешла в настоящее время к

Временному Комитету Государственной Думы."

Немного позже Родзянко послал им вторую телеграмму, которой приглашал армию и флот „сохранять полное спокойствие и питать полную уверенность, что общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено... Временный Комитет, при содействии столичных войск и частей и при сочувствии населения, в ближайшее время водворит спокойствие в тылу и восстановит правильную деятельность правительственных установлений".

Новая власть совершенно игнорировала Монарха. В ту ночь, без официального, по-видимому, обсуждения. Временный Комитет уже решил низвергнуть Государя и возвести на престол Цесаревича при регенте Вел. Кн. Михаиле Александровиче.

*

Почти одновременно с Временным Комитетом родился под одной с ним кровлей второй революционный орган — Совет Раб. и Солд. Депутатов. Когда толпа раскрыла тюрьмы, в числе освобожденных оказалась и рабочая группа при Центральном Комитете Военно-Пром. Комитета во главе с Гвоздевым. Руководители ее направились в Таврический дворец, где они с несколькими интеллигентами и левыми депутатами образовали „Временный Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов". В него вошли: Керенский, Чхеидзе, Скобелев, Гвоздев, Соколов, Стеклов-Нахамкес и еще {149} несколько человек. Они выпустили воззвание, приглашая присылать делегатов по одному от роты и от каждой тысячи рабочих. В 10 ч. вечера уже началось заседание Совета, который стал именоваться Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Делегаты, конечно, были самочинно выбранные. Утвердили Исп. Комитет, в который, кроме уже названных, вошло много человек и в том числе представители от революционных партий. Председателем оказался социал-демократ Чхеидзе, товарищем председателя — Керенский.

Исполком назначил комиссаров во все городские районы, приказал формировать красную гвардию, делегировал Чхеидзе и Керенского во Временный Комитет Гос. Думы, назначил Продовольственную комиссию, дабы наладить питание солдат, отбившихся от своих частей, сформировал небольшую группу, которой дали громкое название „штаба", которая, однако, первая стала принимать меры по обороне дворца на случай нападения правительственных войск. В ней, в ту первую ночь, главную роль играл военный чиновник, помощник библиотекаря Николаевской Военной Академии, Масловский (партийный соц.-рев. Мстиславский) и лейтенант Филипповский. С ними и вошел в связь комендант Энгельгардт.

Этот „штаб" обосновался в комнате № 41. Никаких войск в ту первую ночь в распоряжении этого „штаба" не было. Хабалов напрасно боялся каких-то сорока пяти тысяч восставших. Но они, эти революционеры, были сильны революционным порывом, революционной инициативой. А главная их сила заключалась в позорном бездействии царского правительства, и, главным образом, Протопопова и Хабалова с его штабом.

Около 11 часов вечера какие-то молодые люди, по приказанию Керенского, арестовали Председателя Государственного Совета Щегловитова. Керенский лично принял арестованного, лично замкнул в комнату и ключ держал в кармане.

В Царскосельском дворце 27 число было первым днем, когда Императрица поняла, наконец, всю серьёзность {150} происходящих в Петрограде событий. Стараясь казаться спокойной, Царица очень волновалась. Наследнику было хуже. Новости о военных бунтах поразили Царицу. Верность войск казалась ей всегда вне сомнений. И вдруг, бунты. В 11 ч. 12 м. утра Царица отправила первую тревожную в тот день телеграмму: „Революция вчера приняла ужасающие размеры. Знаю, что присоединились и другие части. Известия хуже, чем когда бы то ни было. Алис". В 1 ч. 5 м. телеграфировала: „Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войск перешло на сторону революции. Алис". В 9 ч. 50 м. вечера телеграфировала: „Лили провела у нас день и ночь, не было ни колясок, ни моторов. Окружный суд горит. Алис". Окружающие были в большой тревоге. Телефонные новости были ужасны. Но Императрицу старались не беспокоить. Приближающуюся катастрофу все-таки никто из бывших при Её Величестве не предвидел.

В 10 часов вечера генерал Гротен был вызван к телефону военным министром Беляевым. Беляев, по совету Родзянко, советовал немедленно увозить Императрицу с детьми куда-либо из Царского Села. Завтра, может быть, будет уже поздно. На Царское Село может быть произведено нападение толп из Петрограда.

Гротен доложил о разговоре обер-гофмаршалу графу Бенкендорфу. Последний немедленно вызвал к телефону Могилев, генерала Воейкова, передал ему это известие и просил доложить Его Величеству и испросить указания. В ответ было получено повеление Государя приготовить немедленно поезд для отъезда Её Величества с детьми, но до утра Императрице об этом не докладывать. Было передано и то, что Государь предполагает выехать в Царское Село и прибудет рано утром 1 марта. Гофмаршальская часть стала готовиться к отъезду. Генерал Гротен сделал все надлежащие распоряжения относительно поезда.

Под утро графа Бенкендорфа вызвал к телефону генерал Хабалов. Хабалов доложил, что он, с остатками верных Государю войск находится в Зимнем дворце. Но войска {151} голодны. Нет пищи. Хабалов просил дать что-либо войскам из запасов дворца. Граф Бенкендорф сделал соответствующее распоряжение. Паника, растерянность и безнадежность Хабалова были настолько очевидны по его разговору, что спокойный, уравновешенный Бенкендорф понял, что положение Хабалова катастрофическое и что его сопротивление скоро кончится.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

С 23 по 26 февраля в Царской Ставке. — Лица, сопровождавшие Государя. — Приезд в Ставку. — Два первых дня. — 25 февраля. — Первая телеграмма генерала Хабалова о беспорядках. — Телеграмма Протопопова о беспорядках. — Доклады обеих телеграмм Государю и личная телеграмма Государя генералу Хабалову. — Отношение к известиям Алексева и Воейкова. 26 февраля. — Письмо Государю от Императрицы. — Дополнительная телеграмма от Хабалова. — День Государя. — Беспокойство в Ставке. — Уклонение полковника Герарди. — Генерал Воейков и доклад ему по телефону из Царского генерала Спиридовича — Взаимоотношения старших чинов свиты и Ставки. — Телеграмма Государю от Родзянки. Решение Государя вернуться в Царское Село. — Мысль Дубенского использовать генерала Иванова для прекращения беспорядков. — Телеграмма Родзянки Алексеву политического характера. — Телеграмма ген. Хабалова.

23 февраля, в 3 часа дня Государь прибыл в Ставку в Могилев. В этой поездке Государя сопровождали: в поезде Литера А: Министр Имп. Двора, ген.-адъютант граф Фредерикс, флаг-капитан ген.-адъютант Нилов, Дворцовый комендант, Св. Е. В. ген.-м. Воейков, в должности гофмаршала, Св. Е. В. ген.-м. князь Долгорукий (В. А.), начальник Военно-походной канцелярии Св. Е. В. ген.-м. Нарышкин, командир Конвоя Е. В. Св. Е. В. ген.-м. Граббе, лейб-хирург С. П. Федоров, флигель-адъютанты Е. В. — полковник герцог Н. Н. Лейхтенбергский и полковник Мордвинов, инспектор императорских поездов Ежов.

В поезде Литера Б: за начальника Канцелярии министра Двора, церемониймейстер барон Р. А. Штакельберг, командир Собственного железнодорожного пойка г.-м. Цабель, прикомандированный к Канцелярии м-ра Двора для описания поездок Государя, отставной ген.-майор Дубенский, заведующий охранной агентурой полковник Невдахов, завед. службой прессы чиновник Канц. м-ра Двора А. В. Суслов, офицеры Конвоя железнодорожн. полка, фельдъегерского корпуса, шоферы, прислуга.

Комендантом поезда Лит. А был начальник дворцовой полиции полковник Герарди, комендантом поезда Лит. Б — полковник Ратко, а при обратном пути — подполковник фон Таль.

В Могилеве Государь был встречен начальником Штаба ген.-адъютантом Алексеевым, ген.-адъют. Ивановым и высшими чинами Ставки. Проехав во дворец, Государь принял небольшой доклад Алексева. Последний казался усталым. Сам Государь чувствовал себя простуженным. Первым {156} разговором с Алексеевым Государь остался очень доволен. Перед обедом Государь получил телеграмму от Царицы о болезни детей и сообщил о том за обедом военным иностранным представителям, которые особенно сочувственно спрашивались о Наследнике.

С 24 числа жизнь пошла обычным порядком. С 10 с половиной до 12 с половиной Государь работал с Алексеевым. Вернувшись, принял Бельгийского генерала Рикеля, который вручил Его Величеству от Бельгийского Короля ордена для Его Величества, Царицы и Наследника. Рикель очень жалел, что не мог лично передать орден Наследнику, с которым был очень дружен. Ордена в тот же день были отправлены в Царское Село.

К Высочайшему завтраку были приглашены: Вел. Кн. Сергей Михайлович, ген.-адъют. Иванов, иностранцы военных миссий.

Государь был, как всегда, спокоен, приветлив. Некоторые уже знали, что в Петрограде какие-то беспорядки. Но официально еще ничего не было известно. День был холодный. Крутила метель. И потому Государь гулял в садике, около дворца.

Из полученного вечером письма от Царицы Государь узнал, что у Ольги Николаевны корь, также у Наследника. Это очень обеспокоило Государя, он вызвал Федорова, беседовал с ним и даже говорил о поездке детей в Крым.

Уже поздно вечером из разговора с Императрицей по телефону Государь узнал кое-что „о голодных беспорядках". Узнали о них к вечеру и в свите, но серьезного значения им не придали.

25 февраля в Ставке уже с утра все говорят о петроградских беспорядках. Государь был на обычном докладе. За завтраком некоторые по лицу Государя старались что-либо заметить, но напрасно. Государь ровен и спокоен, как всегда.

После завтрака, несмотря на сильный мороз и ветер, Государь поехал в автомобиле на прогулку. Сперва Государь заехал в монастырь и приложился к иконе Божией Матери.

{157} Об этом его просила Царица. Затем сделали хорошую прогулку по шоссе.

Вернувшись с прогулки в 5 часов, Государь получил письмо от Царицы от 24 февраля, в котором были такие строки: „Вчера были беспорядки на В. Острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разнесли Филиппова и против них вызвали казаков". Казалось, ничего важного. Государь, знавший хорошо, что Петроград в изобилии обеспечен хлебом, мог объяснить случившееся каким-то недоразумением.

В 6 ч. Государь пошел ко всенощной. Его Величество был в пластунской черкеске, без пальто. После службы, старушка, мать архиерея, благодарила Государя за пожертвование Их Величеств на церковь и просила передать благодарность Царице.

В этот день (25 числа), с запозданием на два дня, Ставка начинает, наконец, получать официальные сведения о том, что делается в Петрограде. Сведения поступают двумя путями: начальнику Штаба доносят военный министр Беляев и командующий войсками Хабалов. Дворцовому же коменданту сообщает заведующий Особым отделом его Канцелярии полковник Ратко и министр Внутр. дел Протопопов

Генерал Беляев сообщил в первой телеграмме о забастовках и о том, что на почве недостатка продуктов начались беспорядки, но **ничего серьезного нет** и меры приняты. Во второй же телеграмме Беляев сообщал о демонстрациях с революционными песнями и красными флагами, но успокаивал, что „к **26 февраля** беспорядки будут прекращены", Обе эти телеграммы Алексеев доложил Государю и, благодаря успокоительному тону Беляева, они не возбудили беспокойства.

Но перед обедом Государю была представлена Алексеевым следующая телеграмма, полученная от генерала Хабалова в 18 ч. 8 м., 25 февр. и отправленная из Петрограда в 17 ч. 40 м.

„Доношу, что 23 и 24 февраля, вследствие недостатка хлеба, на многих заводах возникла забастовка. 24 февраля {158} бастовало около 200 тысяч рабочих, которые насильственно снимали работавших. Движение трамвая рабочими было прекращено. В середине дня 23 и 24 часть рабочих прорвалась к Невскому, откуда была разогнана.

Насильственные действия выразились разбитием стекол в нескольких лавках и трамваях. Оружие войсками не употреблялось. Четыре чина полиции получили неопасные поранения. Сегодня, 25 февраля, попытка рабочих проникнуть на Невский успешно парализуется. Прорвавшаяся часть разгоняется казаками. Утром полицмейстеру Выборгского района сломали руку и нанесли в голову рану тупым орудием.

Около трех часов дня на Знаменской площади убит при рассеянии толпы пристав Крылов. Толпа рассеяна. В подавлении беспорядков, кроме Петроградского гарнизона, принимают участие пять эскадронов Девятого запасного кавалерийского полка из Красного Селау сотня Л.-Гв. сводно-казацкого полка из Павловска и вызвано в Петроград пять эскадронов Гвардейского запасного кавалерийского полка. № 486. Сек. Хабалов."

Воейков же доложил Государю следующую телеграмму, полученную им от Протопопова:

„Ставка. Дворцовому коменданту. Внезапно распространившиеся в Петрограде слухи о предстоящем, якобы, ограничении суточного отпуска выпекаемого хлеба взрослым по фунту, малолетним в половинном размере, вызвали усиленную закупку публикой хлеба, очевидно, в запас, почему части населения хлеба не хватило. На этой почве 23 февраля вспыхнула в столице забастовка, сопровождавшаяся уличными беспорядками. Первый день бастовало около 90 тысяч рабочих, второй — до 160 тысяч, сегодня — около 200 тысяч. Уличные беспорядки выражаются в демонстративных шествиях, частью с красными флагами, разгроме некоторых пунктов лавок, частичном прекращении забастовщиками трамвайного движения, столкновениях с полицией. 23 февраля ранены два помощника пристава. Сегодня утром на Выборгской стороне толпой снят с лошади, избит полицмейстер полковник Шалфеев, ввиду чего полицией произведено несколько выстрелов в направлении толпы, откуда последовали ответные **{159} выстрелы**. Сегодня днем более серьезные беспорядки происходили около памятника Императора Александра III на Знаменской площади, где убит пристав Крылов. Движение носит неорганизованный стихийный характер. Наряду с эксцессами противоправительственного свойства, буйствующие местами **приветствуют войска**. К прекращению дальнейших беспорядков принимаются энергичные меры военным начальством. В Москве спокойно. МВД Протопопов. № 179. 25 февраля 1917 г."

Прочитав обе телеграммы, Государь, не советуясь ни с кем, написал Хабалову телеграмму: „Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. НИКОЛАЙ."

Так энергично и отчетливо реагировал Государь на первое же официальное донесение о беспорядках в столице. Будь Государь в Царском Селе, беспорядки были бы превращены немедленно по их проявлении.

Обед прошел, как всегда, спокойно. Но некоторые, видимо, были озабочены. Государь вскоре ушел после обеда к себе. Он долго занимался в кабинете.

Среди лиц, сопровождавших Государя, в тот вечер уж шли оживленные разговоры о беспорядках. Особенно волновался Дубенский. Он то и дело переходил от барона Штакельберга к Федорову. Он вернее других схватил всю важность происходящего.

Он находил, что ни Алексеев, ни Воейков (два человека, которые могли говорить с Государем) не обращают на случившееся должного внимания. Он был прав. Но Алексеева успокаивал Беляев, Воейкова же Протопопов. Ведь прощаясь в последний раз в Царском Селе с Воейковым, Протопопов „клялся“, что никаких осложнений не предвидится.

**

*

26-го февраля. Воскресенье. В Могилеве ясный морозный день. Государь, бодрый, в сопровождении Фредерикса и дежурного флигель-адъютанта, отправился пешком в церковь. Много народу стояло на пути следования. Кланялись. {160} Некоторые женщины кланялись в ноги. Некоторые, глядя вслед, крестили Государя. Какое-то странное настроение.

Церковь полна молящихся. Свита, генералы, офицеры, солдаты, публика. Особенно горячо молятся казаки, генерал Алексеев. Государь впереди, на левом клиросе, скрытый иконами. В эту службу с Государем случился первый припадок. Государь почувствовал мучительную боль в середине груди. Она продолжалась с четверть часа. — Я едва выстоял, — сообщал о том Государь Царице, — и лоб мой покрылся каплями пота. Я не помню, что это было, потому что сердцебиения у меня не было, но потом оно появилось и прошло сразу, когда я встал на колени перед образом Пречистой Девы.

После обедни Государь прошел в Штаб и принял доклад от Алексеева. За завтраком приглашенных было больше, чем всегда. С тревогой вглядывались многие в Государя. Его Величество казался спокойным. Государь только что получил вчера написанное письмо от Царицы, в котором Царица со слов Протопопова описывала все движение, „как хулиганское движение мальчишек и девчонок“.

В 1 ч. 40 м. Алексеев получил от Хабалова дополнительную к вчерашней телеграмму, отправленную 26 февраля в 13 ч, 5 м. следующего содержания:

„К № 486. Доношу, что в течение второй половины 25 февраля толпы рабочих, собиравшихся на Знаменской площади и у Казанского собора, были неоднократно разгоняемы полицией и воинскими чинами. Около 17 ч., у Гостиного двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги с надписью „Долой войну“. На предупреждение, что против них будет применено оружие, из толпы раздалось несколько револьверных выстрелов, одним из коих был ранен и голову рядовой 9-го Зап. кав полка. Взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, при чем убито 3 и ранено 10 человек. Толпа мгновенно рассеялась. Около 18 час. в наряд конных жандармов была брошена граната, которой ранен один жандарм и лошадь. Вечер прошел относительно {161} спокойно. 25 февраля бастовали двести сорок тысяч рабочих. Мною выпущено объявление, воспреещающее скопление народа на улицах и подтверждающее населению, что всякое проявление беспорядков будет подавлено силою оружия. Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно. № 3703. Хабалов“.

Телеграмма была направлена Государю. После завтрака Государь поехал на автомобиле на прогулку по Бобруйскому шоссе, к часовне в память боев 1812 г. Государя сопровождали: Воейков, Граббе, Федоров и герцог Лейхтенбертский. У часовни вышли. Пошли пешком. Государь казался озабоченным. Задумчивый, Он почти не разговаривал.

Чай прошел обычно.

В 6 ч. с половиной Государь поблагодарил Царицу телеграммой за письмо и написал ей коротенькое письмо, в котором были такие строки: „Я надеюсь, что Хабалов сумеет быстро остановить эти уличные беспорядки. Протопопов должен дать ему ясные и определенные инструкции. Только бы старый Голицын не потерял голову”.

Видимо, Государь совершенно неправильно, ошибочно представлял себе взаимоотношение высших властей теперь в столице, если считал, что Протопопов может давать какие-то инструкции Хабалову. Видимо, Государь все еще верил во всезнание, энергию и распорядительность Протопопова. Протопопов же, как мы видели, ровно ничего не делал полезного, сообщал Императрице неправильные, успокоительные сведения, радовался, что свалил всё на Хабалова и затем, перетрусивши, совсем исчез.

*

Однако, в Ставке далеко не все были так спокойны. С утра все только и говорили, что о столичных событиях. Всеми путями из Петрограда приходили самые тревожные сведения. Начальник Дворцовой полиции, полковник Герарди настолько потерял равновесие, что, придя в тот день к Дворцовому коменданту, просил разрешения уехать в Царское Село к семье.

{162} „Увидя, что Герарди совершенно потерял голову, — писал позже Воейков, — я счел за лучшее отстранить его от исполнения ответственных обязанностей, на которые он в подобном состоянии был уже неспособен”. Воейков разрешил Герарди уехать и заменил его чиновником Дворцовой полиции Гомзиным, когда-то служившим в гвардии.

Воейков был взволнован тем более, что в этот день он не получил от полковника Ратко никакой информации из Царского Села. Его попытки переговорить по телефону с кем-либо из старших чинов его канцелярии оказались безрезультатными. Их в канцелярии не было. Как иронизировал позже генерал, они были заняты составлением конституции у Вел. Кн. Павла Александровича.

Вызванный в 5 ч. к телефону из Царского Села генералом Спиридовичем, о чем сказано выше, ген. Воейков, видимо, не принял должного значения тому разговору, хотя позже, наговорив в своей книге комплиментов Спиридовичу, писал так о том разговоре:

„То обстоятельство, что, передавая мне эти сведения, полученные от Департамента полиции, генерал Спиридович не сказал мне ничего утешительного от себя лично, еще более утвердило меня **в убеждении, что положение безвыходно**”.

Сам генерал Воейков заявляет: „В этот день это был единственный мой разговор с Царским Селом”. Раз это так, то приходится признать, что в тот важный исторический момент осведомленность единственного, чисто политического органа около Его Величества, осведомленность Дворцового коменданта была неудовлетворительна. Даже 26 февраля, вечером, Дворцовый комендант еще не знал, что, как и почему происходит в Петрограде.

*

После пятичасового чая, Государь получил следующую телеграмму от председателя Гос. Думы Родзянко:

„Положение серьезное. В столице анархия.

Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топливо {163} пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы этот час ответственности не пал на Венценосца."

Телеграмма эта вполне отражала всю растерянность, царившую в Петрограде, растерянность самого Родзянки, но в Ставке этого не понимали. Государь показал телеграмму графу Фредериксу и Воейкову, причем сказал графу: — „Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать".

Однако, телеграмма Родзянки не могла не произвести тревожного впечатления. К тому же Воейков доложил про разговор со Спиридовичем. Обед прошел, как обычно. Но, после обеда Государь, несмотря на кажущееся спокойствие, решил возвращаться в Царское Село.

В 9 ч. 20 м. вечера Государь послал Императрице телеграмму, в которой писал между прочим: „Выезжаю послезавтра". Около 10 ч., вышедший от Государя Воейков, объявил заведывающему своей канцелярией, что отъезд назначен на 2 ч. 30 м. 28 февраля и стал отдавать предварительные распоряжения.

Государь же, выйдя в столовую, сыграл несколько партий в домино с Ниловым, Граббе и Мордвиновым. Государь казался озабоченным и скоро распрощался с партнерами. Об отъезде Государь им, однако, не сказал.

В этот вечер, у горячившегося генерала Дубенского зародилась несчастная мысль прекратить беспорядки в Петрограде, послав туда с войсками генерал-адъютанта Иванова. „Ведь вот, в первую революцию Иванов блестяще усмирив какой-то бунт, а затем был отличным генерал-губернатором в Кронштадте". Дубенский отправился к лейб-хирургу Федорову и красноречиво убеждал его подсказать эту мысль Государю. До позднего вечера сидели несколько человек у {164} Федорова и слушали горячую речь Дубенского. Прощаясь, Федоров обещал начать с утра хлопотать за посылку Иванова.

*

В 22 ч. 22 м., 26 февраля с аппарата Ставки приняли из Петрограда следующую телеграмму Председателя Государственной Думы Родзянко по адресу: Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего Алексееву:

„Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Основы их — недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но главным образом, полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения. На этой почве, несомненно, разовьются события, сдержать которые можно временно путем пролития крови мирных граждан, но которых, при повторении, сдержать будет невозможно. Движение может переброситься на железные дороги и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту. Заводы, работающие на оборону в Петрограде, останавливаются за недостатком топлива и сырого материала. Рабочие остаются без дела и голодная безработная толпа вступает на путь анархии стихийной и неуправляемой. Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве.

На Юге, из 63 доменных печей работают только 28, ввиду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 доменных печей остановилось 44 и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов. Население, опасаясь неумелых распоряжений властей, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением. Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок. России грозит унижение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю необходимым и единственным выходом из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено {165} составить правительство, пользующееся доверием всего населения. За таким правительством пойдет вся Россия воодушевившись вновь верою в себя и своих руководителей.

В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода нет на светлый путь, и я ходатайствую перед вашим Высокопревосходительством поддержать это мое глубокое убеждение перед Его Величеством, дабы предотвратить возможную катастрофу. Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно. В ваших руках, ваше выс-ство, судьба славы и победы России. Не может быть таковой, если не будет принято безотлагательно указанное мною решение. Помогите вашим представительством спасти Россию от катастрофы. Молю вас о том от всей души. Председатель Государственной Думы Родзянко".

Тождественные же телеграммы Родзянко послал командующим армиями, прося их поддержать его перед Государем. Так впервые, официально втягивались командующие в политику. Родзянко заканчивал официально ту тайную работу представителей общественности, которые ездили с визитами по генералам, стараясь привлечь их к широкому общественному движению в целях переворота, о чем говорилось выше.

Были эти представители общественности и у генерала Алексеева, когда он болел в Севастополе. Генерал Деникин утверждал позже, что, будто бы, Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость каких-либо государственных потрясений во время войны.

Данной телеграммой Родзянко делал снова уже официально сильный нажим на высшее командование армией.

Было уже очень поздно, когда Алексеев прочел эту телеграмму. Он решил доложить ее Государю на ближайшем докладе, утром 27 числа.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

27 февраля, понедельник, в Ставке. Утренний доклад ген. Воейкова телеграммы Протопопова. — Утренний доклад ген. Алексеева телеграмм: премьера кн. Голицына, полк. Павленкова, предс. Г. Думы Родзянко и ген. Брусилова. — Две телеграммы от Императрицы. — Запоздавший завтрак. — Тревожная телеграмма ген. Хабалова и успокоительная ген. Беляева. — Телеграммы ген. Эверта и Рузского. — Паническая телеграмма Родзянко. — Прогулка Государя. — Чай. — Тревога среди свиты. — Агитация за командировку в Петроград ген.-адъют. Иванова. — Письмо Императрицы. — Телеграмма и письмо Государя Императрице. — Перемена в настроении высшего командования. — Экстренный доклад ген. Алексеева. — Решение о командировании ген. Иванова и о посылке в Петроград войск с фронта. — Обед и разговор Государя с ген.-адъют. Ивановым. — Передача ген. Алексеевым ген.-адъют. Иванову Высочайшего повеления. — Тревога в 10 часов вечера. — Доклад обер-гофмаршала гр. Бенкендорфа по телефону из Ц. Села и ответ ему Государя. — Распоряжение об отъезде в Ц. Село. — Третья тревожная телеграмма Императрицы. — Разговор ген. Воейкова с ген. Беляевым по телефону. — Столкновение ген. Воейкова с ген. Алексеевым. — Телеграмма ген. Рузского с поддержкой ходатайства Родзянко. — Доклад ген. Алексеева с просьбой уступок. — Вызов ген. Алексеева по прямому проводу из Петрограда Вел. Кн. Михаилом Александровичем и разговор для передачи Государю. — Ответ Государя брату. — Телеграмма премьера Голицына и ответ Государя. — Тщетная просьба ген. Алексеева уступить. — Телеграмма ген. Хабалова о катастрофическом положении и последний доклад генерала Алексеева. — Во дворце перед отъездом на вокзал. — Отъезд Государя на вокзал. Прием Государем ген. Иванова. — Отъезд Государя из Могилева под утро 28 февраля.

Царская Ставка, успокаиваемая до 27 февраля относительно происходивших в Петрограде событий Императрицей Александрой Федоровной через Государя и военным министром Беляевым через ген. Алексеева, не обладавшая к тому же правильной информацией ни со стороны Дворцового коменданта, ни со стороны военных властей, Царская Ставка, в эти роковые для России дни, обладая всею полнотой верховной и военной власти и силами многомиллионной армии, опоздала в действиях относительно подавления революции на несколько дней. Царская Ставка начала принимать соответствующие меры только с позднего вечера 27-го февраля, когда законное правительство уже самоупразднилось в Петрограде

27 февраля, понедельник, было первым действительно тревожным днем в Ставке. Утром Воейков доложил Государю полученную им ночью телеграмму Протопопова, приведенную в гл. 32-ой. Она описывала беспорядки 25 и 26 числа, но и успокаивала, что арестован „революционный руководящий коллектив" и, что 27 февраля часть рабочих намеревается приступить к работам. То, что министр лжет, уменьшая серьезность происходящего, не улавливали.

На утреннем докладе в Штабе Алексеев доложил сначала сведения по фронту, затем перешел к Петрограду и представил полученные за ночь телеграммы: 1) председателя Совета министров Голицына, поданную 26 февр. в 1 ч. 58 м. ночи, которая сообщала, что указ о роспуске Г. Думы и Г. Совета публикуется утром 27 числа (см. гл. 32) и 2) и. д. начальника Гвардейских запасных частей полковника Павленкова, поданную в 1 ч. 40 м. ночи, который доносил Государю, что „26 февраля из толпы тяжело ранен командир зап. бат. Л.-гв. Павловского полка полковник Экстен и ранен того же {170} полка прапорщик Редигер. Телеграмма, по лаконичности, являлась шарадой.

Затем Алексеев доложил телеграмму, полученную им от Родзянки, приведенную в предыдущей главе. Трескучий пафос и агитационный характер телеграммы обесценивали ее верные мысли. Государю могло казаться, что Родзянко преувеличивает опасность и, как всегда, шумит и шумит. Алексеев доложил и то, что такую же телеграмму получили главнокомандующие: Брусилов, Рузский, Эверт и что Брусилов уже прислал Алексею телеграмму, в которой просил доложить Его Величеству: „По верноподданнейшему долгу и моей присяге Государю Императору считаю себя обязанным доложить, что при наступившем грозном часе другого выхода не вижу”.

Факт втягивания высшего командования в политику, о чем не раз предупреждали Государя, был налицо. Государь никогда не позволявший Алексею касаться внутренней политики, на этот раз долго беседовал с Алексеевым. На ответственное министерство Государь категорически не соглашался. Но с мыслью, что необходимо назначить особое лицо для урегулирования продовольственного и транспортного дела Государь был согласен. Однако, никакого окончательного решения относительно Петрограда принято не было. Доклад затянулся. Государь опоздал к завтраку и это встревожило всех знавших аккуратность Государя.

Кругом уже только и говорили о беспорядках, о стрельбе в Петрограде, о бунте в Павловском полку. За завтраком Государь казался озабоченным.

После завтрака, перед прогулкой, Государю были принесены от Алексеева телеграммы от Хабалова и от Беляева.

Хабалов телеграммой, поданной в 12 ч. 10 м., доносил Государю о бунте в запасных батальонах Павловского, Волынского, Литовского и Преображенского полков. — „Принимаю все меры, которые мне доступны для подавления бунта. Полагаю необходимым прислать немедленно надежные части с фронта”. — Так тревожно заканчивал свою телеграмму Хабалов.

{171} Беляев же в телеграмме, поданной в 13 ч. 15 м., № 196, сообщал:

„Начавшиеся с утра в нескольких войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие. 196. Беляев.”

Это была легкомысленная, преступная по лживости и по желанию успокоить Ставку телеграмма. Но она была подписана Военным министром и ей нельзя было не верить.

Принесли и характерную телеграмму Главнокомандующего Эверта. Донося о получении им телеграммы от Родзянки, Эверт просил доложить ее Государю. — „Я — солдат, в политику не мешался и не мешаюсь. По отрывочным, доходящим до меня слухам, насколько справедливо все изложенное в телеграмме по отношению внутреннего положения страны, судить не могу, но не могу не видеть крайнего расстройства транспорта и, как результат сего, постоянного и значительного недовоза продуктов продовольствия... я считал бы необходимым немедленное принятие необходимых военных мер для обеспечения железнодорожного движения и подвоза продовольствия к армиям. 6081. Эверт.”

Принесли и телеграмму Родзянки Государю, поданную в 12 ч. 40 м., которая гласила:

„Занятия Государственной Думы указом Вашего Величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому министерства Внутренних дел и Государственной Думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме. Повелите, в {172} отмену Вашего высочайшего указа, вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно эти меры высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец и крушение России, а с ней и династии неминуемо. От имени всей России прошу Ваше Величество об исполнении изложенного. Завтра, может быть уже поздно. Пред. Гос. Думы Родзянко".

Только что прочитав успокоительную телеграмму Военного министра № 196, как мог отнестись Государь к телеграмме Родзянко? Он не поверил ей.

Государь выехал с несколькими лицами свиты за город на автомобиле. Сделал прогулку по Оршанскому шоссе. Погода стояла солнечная. Говорили об обычных вещах. Происходивших в Петрограде событий не касались. Обычно спокойно прошел и чай. Никаких распоряжений Ставка не сделала. А кругом все были встревожены. Все на все лады обсуждали Петроградские события. Одни высказывались за беспощадное подавление бунта. Удивлялись, что Хабалов не привлек к подавлению бунта военные училища. Ругали бывшего военного министра Поливанова, по докладу которого был отменен закон о предельном числе запасных на роту. Благодаря Поливанову численность запасных батальонов превзошла всякие разумные нормы.

Батальоны обратились в толпы распущенных мужиков и рабочих в военных шинелях. Вот и бунтуют. За всё это бранили Поливанова. Бранили Генеральный штаб. „Черное войско" — все они — с апломбом сказал один из собеседников, пустив клуб дыма от сигары. „Погубили гвардию, погубят и Государя. Вот увидите". Некоторые в свите были уверены, что всё это было сделано умышленно, как помощь либералам на случай переворота.

Лейб-хирург Федоров и генерал Дубенский ходили от одного к другому из тех, кто мог говорить с Государем и агитировали за посылку в Петроград генерал-адъютанта Иванова. На то, что это был очень старый, уставший человек, не обращали внимания. Все вспоминали, как десять лет тому назад он блестяще действовал. Как он умеет говорить с солдатом. Как солдаты его понимают.

{173} Федоров и Дубенский съездили к Иванову в его вагон и советовали ему поговорить с Государем за обедом. Гофмаршала уже предупредили, чтобы устроил место Иванову около Государя. Иванову, видимо, льстило получить проектируемую командировку. И, не понимая, что в сущности происходит в Петрограде, Иванов соглашался с собеседниками о приемлемости для него такого поручения.

Перед самым чаем Государь получил длинное успокоительное письмо от Императрицы, полное домашних житейских подробностей. О нем сказано выше.

С письмом был прислан кусочек дерева с могилы Распутина. „Он умер, чтобы спасти нас", — писала Царица про Старца.

Чай прошел без каких-либо разговоров о Петроградских событиях. После чаю, в 19 ч. 6 м-, Государь послал Царице такую телеграмму:

„Сердечно благодарю за письмо. Выезжаю завтра в 2 ч. 30 м. Конная гвардия получила приказание немедленно выступить из Новгорода. Бог даст, беспорядки в войсках скоро будут прекращены."

Конной гвардией, в данном случае, Государь называл запасные эскадроны всех гвардейских полков, которые были расположены в Кричевских и Муравьевских казармах Новгородской губернии. Ясно, что телеграмма базировалась на данных телеграммы Хабалова. Словами конная гвардия Государь успокаивал Царицу.

Тогда же Государь написал Царице коротенькое письмо, объяснив, что оно будет последним. В нем было, между прочим, сказано:

„После вчерашних известий из города, я видел здесь много испуганных лиц. К счастью Алексеев спокоен. Но полагает, что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов продовольственного, железнодорожного, угольного и т. д. Это, конечно, совершенно справедливо. Беспорядки в войсках происходят от роты выздоравливающих, как я {174} слышал. Удивляюсь, что делает Павел. Он должен был бы держать их в руках..."

Видимо в Ставке и теперь еще не понимали происходящих в Петрограде событий. Позже генерал Лукомский писал:

„Насколько не придавалось серьезного значения происходившему в Петрограде, показывает то, что с отправкою войск с Северного и Западного фронтов не торопились." Не торопились — Алексеев, его помощник ген. Клембовский и генерал Квартирмейстер Лукомский. Было ли это с их стороны уже началом содействия революции, или только преступным бездействием — сказать трудно.

*

Но около 8 часов вечера картина в Ставке резко изменилась. Перед обедом Алексеев получил две весьма тревожные телеграммы от Беляева, который еще утром прислал самую успокоительную телеграмму. В телеграмме, поданной в 19 ч. 22 м., значилось: „Положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими, оставшимися верными долгу частями, погасить пока не удастся. Напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с ними нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города. 197. Беляев".

В другой же телеграмме, поданной в 19 ч. 29 м., сообщалось: „Совет министров признал необходимым объявить Петроград на осадном положении. Ввиду проявленной генералом Хабаловым растерянности, назначил на помощь ему генерала Занкевича, так как генерал Чебыкин отсутствует. 198. Беляев."

Только теперь генерал Алексеев и его помощники поверили, наконец, в серьезность положения в Петрограде. Алексеев, несмотря на сильное недомогание, пошел к Государю с докладом. Было решено:

1) Командировать в Петроград для прекращения бунта и беспорядков генерал-адъютанта Иванова с назначением его {175} командующим Петроградским Военным округом, которому и выехать 28

числа с 3 ротами Георгиевского батальона, который находился в охране Ставки.

2) Выслать в Петроград от Северного и Западного фронтов по бригаде пехоты и по бригаде кавалерии и по одной кольтовой пулеметной команде.

О таком высочайшем повелении Алексеев лично передал по прямому проводу Начальнику Штаба Северного фронта Данилову. Было сделано распоряжение по Западному фронту и в 22 ч. 25 м. послана телеграмма Беляеву. Выходя с доклада от Государя, Алексеев встретился с приехавшим на высочайший обед генералом Ивановым и просил его после обеда зайти к нему в Штаб.

За обедом ген.-адъютант Иванов сидел сбоку от Государя. Его Величество все время разговаривал с ним. Государь казался бледнее обычного. После обеда, поговорив немного с некоторыми из приглашенных, Государь сделал общий поклон и ушел в свой кабинет, куда был приглашен Иванов. Государь отдал ему повеление относительно Петрограда. Через несколько минут Иванов входил в кабинет Алексеева. Среднего роста, с седой головой и бородой лопатой, он был в ремнях, при шашке. На шее и груди белели Георгиевские кресты. Блестел золотой эфес шашки „За храбрость“ с георгиевским темляком.

Старик генерал-адъютант, взявший от жизни и службы всё возможное, пришел за приказанием к своему бывшему подчиненному, тоже генерал-адъютанту и тоже украшенному двумя Георгиями, но обогнавшему его по служебному положению. Поздоровались. И Алексеев, по словам присутствовавшего там генерала Тихменева, „не садясь, как-то весь выпрямившись, подобрался и внушительным официальным тоном сказал Иванову: — Ваше высокопревосходительство, Государь Император повелел Вам, во главе Георгиевского батальона и частей кавалерии, о движении коих одновременно сделаны распоряжения, отправиться в Петроград для подавления бунта, вспыхнувшего в частях Петроградского {176} гарнизона“.

Иванов ответил, что „воля Государя Императора для него священна и что он постарается выполнить повеление Государя“. Тихменев вышел. Алексеев и Иванов остались наедине. Иванов, конечно, совсем не подходил к данной ему роли. Он совсем не походил на того энергичного боевого генерала, который ринулся бы на революционный Петроград и водворил в столице порядок. Алексеев, долго служивший с Ивановым, знал это лучше, чем кто-либо. И почему он провел это чисто военное назначение — является вопросом.

*

В 10 ч. вечера, когда Государь пил чай со свитой, к Его Величеству пришли встревоженные Фредерикс и Воейков. Государь ушел с ними в соседнюю комнату. Воейков доложил о том тревожном сообщении, которое сделал из Царского Села для доклада Его Величеству граф Бенкендорф, о чем сказано выше. Государь был против выезда Царицы с больными детьми, но приказал передать Бенкендорфу, чтобы поезд для семьи приготовили, но до утра Государыне ничего не докладывали, а что сам Государь ночью выедет в Царское Село.

Сообщение Бенкендорфа как бы дополняло три тревожных сообщения, полученные Государем от Императрицы в телеграммах того дня.

В 11 ч. 12 м. Царица телеграфировала: „Революция вчера приняла ужасающие размеры. Знаю, что присоединились и другие части. Известия хуже, чем когда бы то ни было. Аликс."

В 1 ч. 5 м. телеграфировала: „Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войск перешло на сторону революции. Аликс."

И, наконец, в 9 ч. 50 м. телеграфировала: „Лили провела у нас день и ночь. Не было ни колясок, ни моторов. Окружный суд горит. Аликс."

Всё вместе давало полную картину катастрофы, а фраза „уступки необходимы" указывала на революционное значение происходящего.

{177}

*

Воейков передал Бенкендорфу повеление Государя, сделал соответствующие распоряжения о снаряжении императорских поездов и доложил Алексееву о предстоящем отъезде Его Величества. Тут у него произошло недоразумение, о котором генерал Воейков пишет: „Затем я прошел к генералу Алексееву предупредить о предстоящем отъезде Его Величества. Я его застал уже в кровати. Как только я сообщил ему о решении Государя безотлагательно ехать в Царское Село, его хитрое лицо приняло еще более хитрое выражение и он, с ехидной улыбкой, слащавым голосом, спросил меня:

— А как же он поедет? Разве впереди поезда будет следовать целый батальон, чтобы очищать путь?

Хотя я никогда не считал генерала Алексеева образцом преданности Государю, но был ошеломлен как сутью, так и тоном данного в такую минуту ответа. На мои слова:

—Если вы считаете опасным ехать, ваш прямой долг мне об этом заявить, — генерал Алексеев ответил: — Нет, я ничего не знаю, это я так говорю.

Я его вторично спросил: — После того, что я от вас только что слышал, вы должны мне ясно и определенно сказать, считаете ли вы опасным Государю ехать, или нет, — на что генерал Алексеев дал поразивший меня ответ: — Отчего же. Пускай Государь едет... Ничего... — После этих слов я сказал генералу Алексееву, что он должен немедленно сам, лично пойти и выяснить Государю положение дел. Я думал, что, если Алексеев кривит душою передо мною, то у него проснется совесть и не хватит сил слукавить перед лицом самого Царя, от которого он видел так много добра.

От генерала Алексеева я прямо пошел к Государю, чистосердечно передал ему весь загадочный разговор с Алексеевым и старался разубедить Его Величество ехать при таких обстоятельствах. Но встретил со стороны Государя непоколебимое решение во что бы то ни стало вернуться в Царское Село.

При первых словах моего рассказа лицо Его Величества выразило удивление, а затем сделалось бесконечно грустным.

{178} Через несколько минут к Государю явился генерал Алексеев и был принят в кабинете." (В. Н. Воейков. С Царем и без Царя)

Алексеев советовал Государю не уезжать, но безуспешно. После ухода Алексеева Государь поручил Воейкову переговорить по проводу с Беляевым и узнать, что делается в Петрограде. Воейков пошел в аппаратную, вызвал Беляева и узнал от него, что все власти растерялись, положение катастрофическое и, если не будет вмешательства войск со

стороны, революция одолеет. Что касается нападения толпы на Царское Село, то эти сведения идут от Родзянко.

Полученные сведения Воейков доложил Его Величеству. Сам Воейков был очень взволнован и нервничал. От своего особого отдела, от полковника Ратко он не получил в этот день никакой информации. Из разговора с Беляевым он понял причину такого молчания. Ратко получал сведения от Охранного отделения. Но последнее окончило свое существование и его начальник исчез со служебного горизонта. За ним исчез и министр Внутренних дел. Исчезли источники информации Дворцового коменданта.

*

Свита, служебный персонал, все волновались, готовясь к отъезду. Увозили вещи в поезда. Многие переехали в поезда. Государь не торопился. Оказалось, что, по техническим условиям, императорские поезда могут отправиться только часов через пять-шесть.

Около 10 часов Государю была доложена полученная от генерала Рузского и поданная в 21 ч. 15 м. телеграмма. Представляя Государю известную уже агитационную телеграмму Родзянко, Рузский поддерживал его ходатайство. Он писал, между прочим: „Дерзаю всеподданнейше доложить Вашему Величеству соображения о крайней необходимости принятия срочных мер, которые могли бы успокоить население и вселить в него доверие и бодрость духа, веру в себя и свое будущее. Эти меры, принятые теперь, накануне предстоящего оживления боевой деятельности на фронтах, {179} волеют новые силы в армию и народ для продления дальнейшего упорства в борьбе с врагом. Позволяю себе думать, что, при существующих условиях, меры репрессии могут скорее обострить положение, чем дать необходимое длительное удовлетворение". 27 февр. № 1147. Б. ген. ад. Рузский".

Было ясно, что этот Главнокомандующий, совращенный общественниками не только играет в политику, но и заигрывает с революцией. Беспринципный генерал, он, в свое время, не стеснялся просить Распутина помолиться, чтобы его назначили на его теперешний пост. Государь знал, как молился тогда за Рузского Распутин...

*

В 10 часов с половиной генерала Алексеева вызвал к проводу из Петрограда Вел. Кн. Михаил Александрович и произошел следующий разговор: „У аппарата Вел. Кн. Михаил Александрович. Прошу вас доложить от моего имени Государю Императору нижеследующее:

«Для немедленного успокоения принявшего крупные размеры движения, по моему глубокому убеждению, необходимо увольнение всего состава Совета министров, что подтвердил мне и князь Голицын. В случае увольнения кабинета, необходимо одновременно назначить заместителей. При теперешних условиях полагаю единственно остановить выбор на лице, облеченном доверием Вашего Императорского Величества и пользующемся уважением в широких слоях, возложив на такое лицо обязанности председателя Совета министров, ответственного единственно перед Вашим Императорским Величеством. Необходимо поручить ему составить кабинет по его усмотрению. Ввиду чрезвычайно серьезного положения, не угодно ли будет Вашему Императорскому Величеству уполномочить меня безотлагательно объявить об этом от высочайшего Вашего Императорского Величества имени, при чем со

своей стороны полагаю, что таким лицом в настоящий момент мог бы быть князь Львов. Генерал-адъютант Михаил..»"

На это Алексеев ответил: „Сейчас доложу Его Императорскому Величеству телеграмму Вашего Императорского {180} Высочества. Завтра Государь выезжает в Царское Село. Генерал Алексеев."

„Позволяю себе доложить, что если последует сейчас какое-либо повеление Государя Императора, то я немедленно телеграфирую его Вашему Императорскому Высочеству. Генерал Алексеев".

„Я буду ожидать ваш ответ в доме военного министра и прошу вас передать его по прямому проводу. Вместе с тем прошу доложить Его Императорскому Величеству, что, по моему убеждению, приезд Государя Императора в Царское Село, может быть, желательно отложить на несколько дней. Ген.-адъют. Михаил".

Генерал Алексеев доложил Государю представленный на бланке разговор. Государь, подумав, продиктовал Алексееву ответ и вот, каково было продолжение разговора с Великим Князем:

"У аппарата Его И. В. В. К. Михаил Александрович. Алексеев: „Государь Император повелел мне от его имени благодарить В. И. В. и доложить вам следующее: Первое. Ввиду чрезвычайных обстоятельств Государь Император не считает возможным отложить свой отъезд и выезжает завтра в два с половиной часа дня. Второе. Все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе Его И. В., отлагает до времени своего приезда в Царское Село. Третье. Завтра отправляется в Петроград ген.-адъют. Иванов, в качестве главнокомандующего Петроградским округом, имея с собой надежный батальон. Четвертое. С завтрашнего числа, с Северного и Западного фронтов начнут отправляться в Петроград из наиболее надежных частей четыре пехотных и четыре кавалерийских полка. Позвольте закончить личную просьбою о том, чтобы высказанные В. И. В. мысли в предшествовавшем сообщении вы изволили настойчиво поддержать при личных докладах Е. И. В-ву, как относительно замены современных деятелей Совета министров, так и относительно способа выбора нового Совета и да поможет В. И. В. Господь Бог в этом важном деле. Генерал Алексеев".

{181} В. Князь: „Со своей стороны сообщая лично вам, что я опасаюсь, как бы не было упущено время до возвращения Е. В., так как при настоящих условиях дорог буквально каждый час. Благодарю вас, Михаил Васильевич, за принятый на себя труд. Желаю вам полного успеха. Генерал-адъютант Михаил."

Алексеев: „Завтра, при утреннем докладе, еще раз доложу Е. И. В-ву желательность теперь же принять некоторые меры, так как вполне сознаю, что в таких положениях упущенное время бывает невознаградимо. Желаю здоровья В. И. В-ву и успеха в той помощи, которую вы желаете оказать Государю Императору в переживаемые нами решительные минуты, от которых зависит судьба и дальнейший ход войны и жизни государства. Генерал Алексеев".

Вскоре затем Алексееву принесли телеграмму для Государя от князя Голицына. Премьер доносил, что правительство не может справиться с происходящими волнениями, просил уволить и его, и всех министров, назначить премьером лицо пользующееся доверием общества, поручить ему составление министерства и назначить для командования войсками в Петроград популярного генерала.

Алексеев хотел было отправить телеграмму Государю с дежурным офицером, но, по совету Лукомского, понес сам.

Вернувшись, он сказал, что Государь остался недоволен телеграммой и хотел сам написать ответ. В 11 ч. 20 м. Государь пришел в штаб. Узнав от Лукомского, что Алексеев по нездоровью прилег отдохнуть, Государь передал телеграмму на имя Голицына и сказал: „Сейчас же передайте генералу Алексею эту телеграмму и скажите, что я прошу немедленно передать ее по прямому проводу. При этом скажите, что это мое окончательное решение, которое я не изменю, а потому бесполезно мне докладывать еще что-либо по этому вопросу". Государь ушел.

На синем телеграфном бланке было написано: „Председателю Совета министров. Петроград. О главном военном начальнике для Петрограда мною дано повеление {182} начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. Тоже и относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе, при данных обстоятельствах, считаю их недопустимыми. НИКОЛАЙ".

Лукомский передал телеграмму и повеление Алексею и стал упрашивать пойти к Государю и умолять Его изменить решение и согласиться на просьбу премьера. Ведь просьба премьера одинакова с просьбой Вел. Кн. Михаила Александровича, Родзянко, Брусилова и Рузского. Алексеев колебался. Лукомский настаивал. Наконец, Алексеев, который сам был на стороне этой широкой „реформы", решился и пошел. Он вернулся убитым... — На коленях умолял Его Величество, — сказал он, грустно качая головой, — не согласен.

Телеграмма эта была отправлена из Ставки в 23 ч. 25 м. В Петрограде она уже не могла быть вручена премьеру. Правительства уже не существовало. Оно уже разошлось. Только некоторым прежним министрам ее содержание было передано по телефону.

*

Во дворце шли последние приготовления к отъезду. С 12 часов свита готова, все одеты. В час ночи к Государю явился Алексеев. Его попросили в кабинет Его Величества. Алексеев представил Государю только что полученную телеграмму от генерала Хабалова. Телеграмма была подана в 8 ч. 10 м., но получена в 12 ч. 55 м. Она гласила:

„Прошу доложить Его Императорскому Величеству, что исполнить повеление о восстановлении порядка в столице не мог. Большинство частей, одни за другими, изменили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников. Другие части побратались с мятежниками и обратили свое оружие против верных Его Величеству войск. Оставшиеся верными долгу весь день боролись против мятежников, понеся большие потери. К вечеру мятежники овладели большей частью столицы. Верными присяге остаются небольшие части разных полков, стянутые у Зимнего дворца под начальством {183} генерала Занкевича, с коими буду продолжать борьбу. Ген.-лейт. Хабалов".

После довольно продолжительного времени Алексеев вышел из кабинета Государя. В полутемном, почему-то, зале стояли одетыми в дорогу Фредерикс, Воейков и дежурный Мордвинов.

Алексеев стал прощаться. Желал счастливого пути. Став около Мордвинова, он сказал: „Напрасно все-таки Государь уезжает из Ставки. В такое время лучше оставаться здесь. Я пытался Его отговорить, но Его Величество очень беспокоится за Императрицу и за детей и я не решился очень уж настаивать".

На тревожный вопрос Мордвинова: „Что же делать?, Алексей апатично ответил: „Я только что говорил Государю, что теперь остается одно: собрать порядочный отряд где-нибудь, примерно, около Царского Села и наступать на бунтующий Петроград. Все распоряжения мною уже сделаны, но, конечно, нужно время... Пройдет не менее пяти, шести дней, пока части смогут собраться. До этого с малыми силами ничего не стоит и предпринимать".

В 2 часа ночи вышел Государь. В походной солдатской шинели. В папаше. Направились к выходу. Пожав руку генералу Алексееву, Государь сел в автомобиль. С Государем сел Фредерикс. Автомобиль тронулся. За ним следовал автомобиль с Воейковым и дежурным Мордвиновым. Воейков ругал Родзянко, всех, кто делает революцию и верил в успех миссии генерала Иванова.

Автомобили мчались по темным улицам, бросая вперед снопы света. На пути лишь чины полиции и охрана. Город спит. Третий час ночи.

**

*

Приехав в поезд, Государь принял генерал-адъютанта Иванова. Иванов просил повеления, чтобы все министры исполняли его приказания. Государь согласился и просил передать о том Алексееву. Иванов доложил, что, во избежание кровопролития, он предполагает не вводить сразу отряд в {184} Петроград, а остановиться где-либо около. Что он постарается всё уладить миролюбиво. Государь сказал: „Да, конечно." Иванов даже решился просить Государя согласиться на „реформы" Государь ответил, что он уже переговорил об этом с Алексеевым. Прощаясь, Государь сказал Иванову:

„До свиданья, вероятно, в Царском Селе завтра увидимся."

Воейкову в поезд принесли телеграмму от генерала Беляева, который сообщал, что „мятежники заняли Мариинский дворец... там теперь члены революционного правительства. Министры, кроме Покровского и Кригер-Войновского, заблаговременно ушли из дворца". От Протопопова никаких известий не приходило. Граф Фредерикс острил, что Протопопов умер.

В 4 ч. утра 28 февраля отбыл поезд Литера Б, а в 5 ч. утра отправился из Могилева и поезд Литера А, в котором ехал Государь.

**

*

Императорские поезда ушли. На путях станции Могилев спокойно оставались вагоны с генерал-адъютантом Ивановым и с его отрядом Георгиевского батальона. Этот поезд двинулся по назначению лишь в час дня 28 февраля.

Через семнадцать часов после того, как Государь отдал свое повеление. Ставка „не торопилась".

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

28 февраля в Петрограде. — Отряд „верных“ вновь в Адмиралтействе. — Колебания. — Телеграмма Хабалова в Ставку. — Тревожные симптомы. — Генерал Каменский. — Требование адмирала Григоровича очистить Адмиралтейство. — Совещание генералов и решение разойтись. — Уход войск по казармам. — Телеграмма в Ставку. — Занятие толпой Адмиралтейства. — Арест генералов. — Неизвестные герои. — В Таврическом дворце. — Действия Временного комитета. — Приход в Думу войск. — Работа полковника Энгельгардта. — Аресты. — Меры обороны. — Комиссар инженер Бубликов. — Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов. — Меры по овладению гарнизоном. 28 февраля в Царском Селе, — Тревога во дворце. Вопрос об отъезде Царской семьи. — Охрана дворца. — Волнения в Царском Селе. — Прибытие в Царское верных из Петрограда. — Оптимизм полковника Герарди. — Перемена настроения. — Паника. — Новость о расстреле камергера Валуева. — Тревожный вечер. — Бунт в Царском Селе. — Тревога во дворце. — Генерал Гротен и охрана. — Приближение толпы. — Переговоры. — Посылка делегатов в Думу. — Временное соглашение с бунтующим гарнизоном. — Войсковая охрана перед дворцом. — Телеграмма о возвращении Государя. — Выход Императрицы к войскам. — Ночь во дворце. — Вопрос об удалении А. А. Вырубовой. — Успокоение. — Уход войск. — Мечты о приезде Государя. В Петрограде. — В Таврическом дворце. — Решение Временного комитета об отречении Государя. — Согласие на то генерала Алексева. — Приготовление к поездке делегатов к Государю с просьбой отречения. — Ночь на первое марта.

Ночь на 28 февраля. Отряд „верных“ вновь в здании Адмиралтейства. Вновь расставлены посты и пулеметы. Вновь два орудия у главных ворот. Стало светать. Из окон видна накапливающаяся толпа. Генерал Беляев, не уясняя себе, что Родзянко на стороне революции, говорит с ним по телефону как с „верноподданным“.

Родзянко, играя на неосведомленности Беляева, предупреждает его, что в городе анархия, что он не отвечает за то, что толпа сделает с отрядом. Он советует прекратить „сопротивление“ и распустить войска. Тон у Родзянки революционно-повелительный. Беляев в панике. Разведка полковника Фомина сообщила, что Петропавловская крепость перешла на сторону революции, подчинилась Временному комитету Родзянко. А из Преображенских казарм сообщают, что там получено приказание штурмовать отряд. Фомин доложил эти сведения Беляеву. Беляев развел руками. Всё потеряно...

Откуда-то стали стрелять одиночными выстрелами по артиллерии, что стояла в одном из дворов здания. Ранено несколько лошадей. Это произвело нехорошее впечатление на прислугу. Солдаты ворчат. Из верхних окон соседнего Панаевского театра также стали стрелять по солдатам. Настроение во всем отряде понижалось. Генерал Занкевич вновь собрал всех офицеров. Вновь говорил о долге перед Государем и Родиной, говорил о присяге, говорил горячо... Выступил один из офицеров.

— Ваше превосходительство, разрешите...

— Говорите.

— Ваше превосходительство, не найдете ли вы возможным войти в контакт с Временным комитетом Гос. Думы. Ведь вот, офицеры Преображенского батальона уж вошли.

{188} Не ожидавший такого оборота, генерал Занкевич не дал офицеру продолжать. Он лишь решительно ответил: „Нет“ и, взяв под козырек, скомандовал: „Господа офицеры по местам!“

Один из молодежи напал на сторонника Преображенцев. — Нашли кому подражать. Преображенцы опозорили гвардию. Опозорили, как в 1906 году. Их делегаты утром объезжали первую дивизию, уговаривая примкнуть к революции. Никто не согласился. На Миллионной ведут себя позорно. Все равно солдаты им не верят...

В 8 ч. 25 м. Хабалов послал Алексееву такую телеграмму:

„Число оставшихся верных долгу уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 чел. всадников при 13 пулеметах и 12 орудиях с 80 патронами всего. Положение до чрезвычайности трудное". (№ 615).

Спустя полчаса Хабалов был вызван к прямому проводу генералом Ивановым из Могилева. Иванов сообщил ему о своем назначении и поставил десять вопросов о положении в Петрограде, на которые и просил дать ответы. Ответы эти были сообщены телеграммой, поданной 28 февраля в 11 ч. 30 м. на имя генерала Алексеева.

„1) В моем распоряжении, в здании Главн. адмиралтейства, четыре гвардейских роты, пять эскадронов и сотен, две батареи. Прочие войска перешли на сторону революционеров или остаются, по соглашению с ними нейтральными. Отдельные солдаты и шайки бродят по городу, стреляя в прохожих, обезоруживая офицеров.

2) Все вокзалы во власти революционеров, строго ими охраняются.

3) Весь город во власти революционеров, телефон не действует, связи с частями города нет.

4) Ответить не могу.

5) Министры арестованы революционерами.

6) Не находятся вовсе.

7) Не имею.

8) Продовольствия в моем распоряжении нет. В городе, к 25 февраля было 5.600.000 пудов запаса муки.

9) Все артиллерийские заведения во власти революционеров.

10) В моем распоряжении лично начальник штаба Округа. С прочими окружными управлениями связи не имею. Ген. Хабалов".

{189} Ответ 4 следовал на вопрос: „Какие власти правят этими частями города?" Ответ 6 — на вопрос: „Какие полицейские власти находятся в данное время в вашем распоряжении?" Ответ 7 — на вопрос: „Какие технические и хозяйственные учреждения военного ведомства ныне в вашем распоряжении?" Телеграмма давала верное изображение тогдашней обстановки.

Настроение Хабалова, как и Беляева, было удрученное. Иванов еще и не выезжал из Могилева. Здесь революционное правительство. Удручен и Занкевич. Упало настроение и младших чинов отряда. Один из ротных командиров, хороший и храбрый офицер, георгиевский кавалер явился к полковнику Фомину и просил отпустить его домой... по болезни. Посыпались вопросы — что, как, почему? Стали говорить откровенно. Правительство сбежало. Бесцельные, противоречивые распоряжения высшего начальства. Бездна положения. Агония какая-то... Так разяснял просивший. Не отпустишь — все равно уйду... За мной уйдет и следующий... всё пропало.

Удерживать не хватало духу. Горькая правда была на его стороне. Ушел. Рота сдана следующему по старшинству. А через несколько минут кто-то крикнул, что артиллерия уходит. Началось волнение в ротах Петроградского полка, стоявших в вестибюле. Их удалось временно урезонить, успокоить.

Артиллерийский полковник Потехин стал говорить солдатам. Вышла целая речь. Солдаты сгруппировались на большой лестнице. Что-то вроде митинга. Горячая патриотическая речь Потехина сперва захватила. Затем в задних рядах стали возражать, подсмеиваться. Генерал Беляев отозвал Потехина. Сам Беляев как бы осел. В это время к нему пришел из штаба генерал Каменский. Маленького роста, юркий, умный, энергичный, он умел уживаться и приспосабливаться при всех обстоятельствах. Каменский стал доказывать бесполезность какого-то, якобы, кому-то сопротивления. Советовал распустить войска по казармам. Беляев соглашался с целесообразностью этого плана, но отдать приказание колебался. Занкевич горячился и стоял за продолжение сопротивления.

{190} В 12 часов к генералу Хабалову явился офицер от Морского министра Григоровича с требованием последнего: во избежание разрушения здания Адмиралтейства Петропавловскою крепостью, чем угрожают с крепости, очистить здание от войск.

Генералы стали совещаться. Все склонялись к роспуску войск. Занкевич просил у Беляева формального на то приказания, что тот и отдал. Возник вопрос, как уходить: с оружием, или без оружия? Кто-то предложил сложить оружие в здании Адмиралтейства и разойтись, как частным лицам. Командир стрелков просил разрешения выйти с оружием. Беляев разрешил уходить, кто как хочет. Смотритель здания показал комнату, в которую и стали спешно складывать оружие. Не прошло и четверти часа, как войска стали покидать Адмиралтейство.

Сплошная толпа вооруженных рабочих, солдат, молодежи ждала на улице, у подъездов, у ворот. Выехавшая батарея была сразу же облеплена публикой. На передках, рядом с артиллеристами, появились молодые люди и девицы. К орудиям, зарядным ящикам и хомутам привязывали красные лоскутья. Толпа восторженно орала ура! Ура!

Стрелки вышли с винтовками. С песней „Взвейтесь соколы орлами“ выходили Измайловцы. За ними ушли Петроградцы.

В 1 ч. 30 м. Беляев телеграфировал Алексееву:

„Около 12 часов дня 28 февраля остатки, оставшихся еще верными частей, в числе 4 рот, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты, по требованию Морского министра, были выведены из Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому здание. Перевод всех этих войск в другое место не признан соответственным ввиду неполной их надежности. Части разведены по казармам, причем, во избежание отнятия оружия по пути следования, ружья и пулеметы, а также замки орудий сданы Морскому министерству. 9157. Беляев“.

Все было кончено. Отныне в Петрограде лишь революционная власть и признавшие ее войска ... Последний оплот **{191}** царской власти пал. Где-то еще отстреливаются осажденные офицеры Егерского, Финляндского, Московского полков... Лишь два министра: Беляев и Покровский продолжают упрямо что-то делать в своих канцеляриях, не изменяя Государю. Другие уже арестованы.

В 4 ч. дня вооруженная толпа нахлынула в Адмиралтейство и арестовала находившихся там генералов: Хабалова, Беляева, Балка, Вендорфа, Казакова. Их отвезли в Таврический дворец. Хабалов настолько был растерян, что назвался чужим именем, как начальник какой-то дивизии. Его и отпустили, но хитрость скоро была обнаружена и генерал с конфузом был изобличен и вновь арестован.

В то утро некоторые офицеры и солдаты, одиночным порядком, отправились в Царское Село, надеясь во дворце найти центр для сбора

верных Государю войск. Туда направилась и одна из рот Л.-гв. Петроградского полка. А на Выборгской стороне, по слухам, горсть офицеров и солдат самокатчиков геройски сражалась и умирала под напором революционных банд... Там толпа осаждала казармы самокатчиков. Осажденные отстреливались из пулеметов. Толпа раздобыла бомбометы и подожгла казармы. Имена героев неизвестны.

Таких героев, готовых погибнуть, тогда было много в Петрограде, но высшая военная власть, растерявшись, не сумела их использовать против революции и сама погибла бесславно.

**

*

В Таврическом дворце известие о конце сопротивления Хабалова встречено восторженно. Незадолго до того узнали о присоединении к революции гарнизона Петропавловской крепости. В самом Петрограде уже нечего бояться. Здесь с царским правительством покончено.

Временный комитет начинает организационную работу. Во все министерства назначены комиссары. Они заменяют министров. В Думе с утра толчея. Наплыв всякой публики увеличивается. Большинство — солдаты. Утром Родзянко приказал вынуть в главном зале из великолепной золоченой рамы с регалиями царский портрет. Несколько солдат штыками сорвали его. Смотревшие {192} на эту картину острили. Вместо портрета, зияет пустота. То, что произошло, красноречиво говорит, что у Временного комитета с Государем в уме уже покончено. Это понятно без слов. Это самое главное уже сделанное революцией завоевание. Его надо только оформить.

С утра в Думу приходят войсковые части, сперва в большинстве без офицеров. Одним из первых явился запасный батальон Преображенского полка. Его офицеры так помпезно заявили революционному правительству, что они становятся на его сторону, а солдаты не признали их достойными революции, не пожелали идти с ними и пришли без них. Характерный курьёз того времени, объясненный позже членом Временного комитета Шидловским в его воспоминаниях.

Пока Государь не отрекся, офицеры в массе не стали на сторону революции. Столь пламенно проявленный порыв к „свободе" Преображенцев явился исключением. Всюду солдаты поняли, что офицеры за Государя. Что они контрреволюционеры. Всяческие агитаторы натравливали солдат на офицеров. Начались нападения на офицеров. Их разоружают. Кое-где бьют. Их арестовывают и привозят в Думу. Временный комитет встревожен. Депутаты встречают пришедшие части, разъясняют необходимость воинской дисциплины, уговаривают слушаться офицеров. Начинается поездка депутатов по казармам. Однако, демагогия солдат растет. Настоящие революционеры разжигают солдат против офицеров. Офицер — дворянин и царист, а революция против царя.

Особенную энергию проявляет Военная комиссия, во главе которой становится Гучков. К ней неохотно, но присоединяется и тот, действительно, революционный „штаб", та небольшая революционная группа с Масловским, Филипповским и другими, которая первой начала вчера что-то делать. Но настоящий штаб формирует одевшийся в военную форму отставной полковник Энгельгардт.

В комнате № 41 уже расставлены столы и там уже суетятся настоящие офицеры генерального Штаба: Туган-Барановский, Якубович, князь Туманов, Половцев.

Последний (начальник Штаба „дикой“ {193} дивизии) лишь два дня тому назад обедал в Ставке за высочайшим столом, говорил с Государем, целовался с тем самым генералом Ивановым, против которого обдумывает теперь меры. Привлечены к штабной работе 20 офицеров из учащихся в Академии. Половцев и инженер Пальчинский, его сотоварищ по Горному Институту, главные помощники Энгельгарда.

Штаб уже знает, конечно, что на Петроград „движется“ Иванов... Штаб делает распоряжения о занятии революционными войсками вокзалов, дворцов и иных важных пунктов. О прекращении грабежей и разгромов, об аресте стреляющих с крыш из пулеметов. Последняя легенда была самой популярной тогда.

Но особенно тревожит штаб оборона вокзалов и самого Таврического дворца. Кто знает как будут действовать части, которые двинутся на столицу с фронта...

С утра в Думу приводят и привозят арестованных видных деятелей царского режима Их арестовывает каждый, кто хочет. Но есть и список кого нужно взять, санкционированный, будто бы, Комитетом.

Привозят арестованного, якобы, за измену престарелого Штюрмера и как бы для курьеза, чтобы скрыть все следы настоящих изменников и шпионов военного времени, Энгельгардт утром отдает приказ некоему „Наезднику Сергею Архипову“, с нарядом в 50 человек, арестовать в д. № 41 по Знаменской улице Контрразведывательное Отделение Штаба Округа, с его начальником полковником Якубовым. Арестовали генерала Курлова, митрополита Питирима, председателя Союза Русского народа Дубровина, сенатора Владимира Трепова, всех офицеров Губернского Жандармского Управления, кроме начальника. Начальник Управления генерал Волков убит толпой. А управление подожжено. Корпус жандармов может гордиться. Их старший представитель в столице погиб на службе за Царя и Родину одним из первых.

Вечером явился добровольно жалкий и униженный Протопопов. Керенский спас его от самосуда толпы. Родзянко {194} по-барски хотел оказать протекцию некоторым из арестованных бюрократов, но Керенский властно пресек эти попытки „именем революционного народа“. Керенский рос. Разыгрывая в глаза толпы вождя, он многих спас тогда от смерти. Он много сделал тогда, чтобы в Думе не было кровопролития.

Бесконечно ведут арестованных чинов полиции и жандармов. Многие избиты. Толпа зверски расправляется с полицией на улице. Солдаты приводят арестованных своих офицеров. Обвиняют в контрреволюции. Родзянко важно, по-начальнически, принимает арестованных офицеров от солдат, благодарит за усердие, а когда солдаты уходят, отпускает офицеров.

Скоро весь министерский павильон и хоры главного зала обратились в тюрьму, даже и подвалы. Команда Преображенцев с унтер-офицером Кругловым несет караул. Вскоре его заменил прапорщик Знаменский.

*

Но, празднуя победу, все в Думе нервничают и боятся. Боятся возвращения Государя, боятся прихода войск с фронта. Вот почему овладеть всей сетью железных дорог, помешать движению Императорских поездов делается очередной задачей революции. За выполнение ее, по собственной инициативе, хотя и с согласия Родзянко,

взялся член Думы инженер Бубликов. Высокий красивый брюнет, смелый и энергичный, готовый на всякую революционную авантюру, отлично подходил к выпавшей на него задаче. Заняв с помощью двух офицеров и команды солдат здание Министерства путей сообщения, Бубликов объявил министра Кригер-Войновского арестованным и стал распоряжаться по-революционному.

По всем станциям Российских железных дорог была дана следующая телеграмма.

— „Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась {195} бессильной. Комитет Государственной Думы, взяв в свои руки оборудование новой власти, обращается к вам от имени отечества: от вас теперь зависит спасение родины. Движение поездов должно поддерживаться непрерывно с удвоенной энергией. Страна ждет от вас больше чем исполнения долга — она ждет подвига. Слабость и недостаточность техники на русской сети должны быть покрыты вашей беззаветной энергией, любовью к родине и сознанием своей роли транспорта для войны и благоустройства тыла". Телеграмма была подписана председателем Времени. Комитета Родзянко и комиссаром Бубликовым. Из этой телеграммы вся Россия как бы официально узнала, что в Петрограде произошел переворот, что старая **власть пала** и ее заменил Временный Комитет. Телеграмма опережала события, т. к. Царская власть еще существовала, но своим авторитетным, начальническим, серьезным тоном телеграмма казалась, бесспорно, правдивой и ей верили.

Вторая телеграмма Бубликова начальнически воспрещала движение каких-либо воинских поездов в районе 250 верст кругом Петрограда. Этим революция была защищена от напора Царских войск с фронта. Вызвав затем из Царского инженера Ломоносова, служащего в Мин. Путей Сообщения, Бубликов предложил ему служить революционному правительству. Ломоносов согласился и Бубликов поручил ему установить место нахождения Императорских поездов и взять их движение в свои руки, чтобы поступить с ними, как прикажет Временный Комитет. Это было около 11 часов вечера. Не прошло и часу как Ломоносов вошел в связь с начальством Николаевской, Северо-Западной и Московско-Виндавской железных дорог, по которым должны были следовать Императорские поезда. Он отдавал приказания. Все слушались.

*

Под одной кровлей с представителями революционной буржуазии еще с большей энергией работал на революцию Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Делая вместе с буржуазией революцию, заправили Исполкома не забывали, что буржуазия их враг, {196} что они лишь временные попутчики, что цели их различны. Утром 28 февраля появился № 1 „Известий" Петроградского Сов. Раб. Деп. А затем и прибавление к нему. В этом последнем был помещен составленный большевиками Манифест Р. С-Дем. Р. Партии — „Ко всем Гражданам России". В нем говорилось между прочим:

— „Задача рабочего класса и революционной армии создать Временное Революционное Правительство, которое должно стать во главе нового нарождающегося республиканского строя"...

Это правительство должно войти в сношения с пролетариатом

воюющих стран — «для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и... для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам».

Манифест распространялся повсюду и нравился солдатам и рабочим. Соц.-революционеры и соц.-дем.-меньшевики тоже выпустили прокламации с призывом солдат к революции. Каждая фракция старалась захватить солдат в свои руки. Все хотели иметь их как сильное оружие против буржуазии. Энергичнее всего об этом стараются заправили Исполкома. Им не нравятся попытки буржуазии помирить солдата с офицерами. В их глазах офицеры — контрреволюционеры, враги пролетариата и все их старания направлены к разжиганию вражды солдат против офицеров.

Присяжный поверенный Соколов и журналисты Суханов-Гиммер и Стеклов-Нахамкес играют в том первую роль.

28 февраля в Царском Селе.

В Царскосельском дворце с утра беспокойство. Положение больного Наследника ухудшилось. Царица была в нерешительности — ехать ли с детьми в Гатчину или навстречу Государю или оставаться в Царском.

В 9 ч. 30 м. утра Государыня склонялась к отъезду и потому просила Г. Жильяра приготовить все к отъезду {197} Наследника. Однако, получасом позже, когда граф Бенкендорф при генерале Гротене доложил о необходимости уехать, Царица ответила категорическим отказом. Ее Величество боялась, что поездка отзовется губительно на здоровье детей и особенно на Наследнике. Государыня поручила дать знать о серьезности положения Наследника Родзянко и, по словам Жильяра, Родзянко ответил: — „Когда горит дом, прежде всего, выносят больных“.

Приехавший из Петрограда граф Апраксин доложил Ее Величеству обо всем, что происходит в Петрограде и уговаривал Царицу выехать немедленно в Новгород и создать там центр для сбора верных Государю людей. Графу рисовалось, что Новгород, где так недавно восторженно принимали Государыню, может сыграть роль Троице-Сергиевской Лавры в далеком прошлом. Государыня не соглашалась. Мелькнула было мысль создать центр сопротивления около Красного Села, но была откинута. Около полудня с железной дороги генерала Гротена предупредили, что через два часа движение будет прекращено. Друзья советовали уезжать. Беспокойство росло. Во дворец явился старик комендант Царского Села генерал Осипов. Он обменялся со старшими чинами дворца взглядом на положение гарнизона. На случай перехода гарнизона на сторону революции, генерал успокаивал, что у артиллерии нет снарядов. Бояться нечего. Но старый генерал волновался и это передавалось чинам двора. Готовились ко всяким неожиданностям.

В казармах Собственного пехотного полка и Конвоя Его Величества люди были наготове к выходу. Офицеры ожидали приказаний в собрании. Генерал Ресин обошел все роты, подбадривал солдат, говорил, что наступил момент доказать на деле свою верность Государю и защитить грудью, если понадобится, Царскую семью. Дружное — „Постараемся, ваше превосходительство“, — было ответом генералу во всех ротах.

В казармах полка находилась и та часть Петроградского полка, которая ушла из Петрограда, не желая бунтовать и думая, что Царское с

дворцом соберет около себя все {198} верное Государю и Наследнику. Их вскоре направили в Гатчину...

В самом Царском было очень беспокойно. Слухи из Петрограда волновали всех. С утра в городе появились офицеры и солдаты, бежавшие из революционного Петрограда и не желавшие бунтовать. Появилась целая рота Волынцев. Офицеров гостеприимно приняли офицеры Зап. б-на 4 Им-перат. Фамилии стрелкового полка. Но стрелки стали волноваться и офицерам Волынцам пришлось уйти. Волынцев же солдат направила администрация в Гатчину.

Так здесь высшая военная власть отталкивала от себя самых надежных, самых верных и крепких, самых преданных Государю людей.

Везде пасовало высшее начальство. Оно сдавало революции позиции.

Около полудня в Царское пробрался окружным путем из Петрограда начальник Охранного Отделения Глобачев. Последний его отдел — Охранная команда (на Б. Морской) была разгромлена утром и он с начальником ее решил окончить службу Его Величеству в Царском Селе. Глобачев рассказал Герарди, что делается в Петрограде. Ему не верили. Герарди острил: — Ну, что ж, не будет Николая, будет Михаил... Все казалось просто... Но часов с трех настроение быстро меняется и переходит в панику. Прервано сообщение. В городе говорят, что вечером взорвут здание Дворцовой полиции.

Жена начальника Герарди, одна из первых, оставила свою квартиру и упросила в одном госпитале приютить ее двух детей. В панике дама бранит открыто Императрицу. Бранят Вырубову. Пущен слух, что Протопопов прячется или во дворце, или у Вырубовой. Идут панические слухи, что Колпинские рабочие двигаются на Царское, будет погром. Разнесут дворец. Слухи дошли во дворец. Прислуга волнуется. Из Петрограда сообщили о расстреле камергера, начальника Северо-Западных железных дорог — Валуева, который должен был ехать навстречу Государю. Валуев хороший человек, был не только предан Государю, но и действительно любил Его. Предчувствуя, что Государю придется возвращаться его дорогою, Валуев приехал на {199} Варшавский вокзал. Там бушевала толпа. Дважды Валуев садился на приготовленный для него локомотив и дважды толпа ссаживала его. —

„Не пускать его — вопила толпа — он хочет увести Царя к немцам". Третий раз Валуев пытается попасть в свой вагон. Толпа овладевает им. Готовится самосуд. Жена и дочь, работавшие в железнодорожном госпитале, бросаются за помощью к священнику. Отец Митрофан, в облачении, с крестом в руках, спешит к толпе. Ему удается уговорить рабочих отправить Валуева, как арестованного в Гос. Думу. Посадили в автомобиль. Дали охрану. У Измайловского моста кто-то с крыши обстрелял автомобиль. Остановились. Охрана решила, что Валуева пытаются освободить. Надо помешать. Надо расстрелять. Несчастного поставили к стене. Из проходивших солдат нашлись охотники. Составили шеренгу. Готовь...

Валуев снял шапку, сказал, что умирает за Государя Императора и перекрестился... Раздались выстрелы. Все было кончено. Кто-то обшарил карманы убитого, снял часы...

Валуев умел красиво жить, красиво сумел и умереть. Весть об его убийстве произвела во дворце тяжелое впечатление.

Вечером, около 8 часов, солдаты различных частей Царскосельского гарнизона высыпали на улицу с ружьями. Музыка

играла Марсельезу. Кричали ура, стреляли в воздух.

Начался военный бунт. При полной на улицах темноте, вследствие прекращения электрического света, все происходившее казалось особенно зловещим. Вооруженная толпа освободила арестантов из тюрьмы, разгромила несколько магазинов с музыкой и песнями, с криками и со стрельбой, направилась ко дворцу.

Но ко дворцу, при первом слухе о бунте, были уже вызваны по тревоге: Собственный полк, Конвой Его Величества, рота Железнодорожного полка и батарея воздушной охраны. Отряд уже был выстроен в ограде дворца; раскинута цепь по ограде и против главных ворот внушительно смотрели два орудия. Подошли две роты Гвардейского экипажа, вызванные из Александровки. Отряд, которым {200} командовал генерал Гротен был готов к какому угодно нападению. Настроение солдат и офицеров было великолепное. А шумевшие толпы то приближались к дворцу, то удалялись, не смея, конечно, начать нападение.

Вдали слышалась беспорядочная стрельба. Со стороны Софии виднелось зарево.

Во дворце тревога и переполох. При первых же слухах о начавшихся в городе беспорядках во дворец приехал обер-гофмаршал граф Бенкендорф, с супругой кавалерственной дамой. Приехал начальник дворцового управления князь Путятин с помощником генералом Добровольским. Кроме обычно живших во дворце лиц, там находились: состоящий при Ее Величестве граф Апраксин, фрейлина баронесса Буксгевден и флигель-адъютант граф Замойский. Последний находился случайно в те дни в Царском Селе и, увидав опасность для Царской семьи, счел своим долгом, как флигель-адъютант Его Величества, явиться в распоряжение Императрицы. Жест удивительный по красоте. Единственный в те дни.

Военное начальство дворца, понимая, что всякое столкновение сторон опасно для жизни Царской семьи, вошло в переговоры с мятежниками. Мятежники заявили, что, если войска охраны начнут стрелять, они тяжелой артиллерией разнесут дворец. Мятежникам отвечено, что войска охраны первыми не начнут стрелять, но если гарнизон попытается сделать нападение — он получит решительный отпор. Из гарнизона предложили, чтобы Дворцовая охрана отправила в Гос. Думу парламентаров, а до их возвращения установить нейтральную между сторонами зону.

В целях безопасности Царской семьи, начальство решило послать делегатов — парламентаров в Думу. Быстро назначены представители от всех частей. Разорвана скатерть и сделаны для всех делегатов белые на рукава повязки. Поданы камионы и депутация под крики ура выехала в Петроград. Отъезд депутации подействовал на бунтовщиков успокоительно. Лица, ответственные за охрану Царской {201} семьи, вздохнули свободнее. Еще накануне Государыня отправила в Петроград для переговоров с Родзянко флигель-адъютанта Линевича, но где он и что он сделал неизвестно. Царица волновалась и за болезнь детей и за их безопасность от столкновения сторон. Царица упрашивала предупредить столкновение.

А на дворе уже спустилась ночь. Мороз все крепнул. Солдатам становилось холодно. Офицеры подбадривали их. Особенно хорошо и удачно говорил тогда адъютант Собственного полка, обнадеживая солдат скорым возвращением Государя. Все сразу переменится.

В 10 вечера Государыня действительно получила телеграмму от Государя с сообщением: — „Завтра утром надеюсь быть дома“.

Царица сообщила свите. Все приободрились. Солдаты радовались.

Из дворца дали знать, что Императрица выйдет к войскам. Все встрепенулось. По приказанию Гротена офицеры предупредили солдат не отвечать громко, на приветствие Ее Величества. Все смотрят на высокое крыльцо подъезд номер первый. Вдруг распахнулись широкие двери. Два нарядных лакея, держа высоко серебряные канделябры со свечами, встали по сторонам. Появилась Императрица с В. К. Марией Николаевной. Раздалась негромкая команда войскам.

Спокойная и величественная Императрица тихо спускалась по мраморным ступеням, держа дочь за руку. За Ее Величеством шли: граф Бенкендорф, граф Апраксин, граф Замойский и еще несколько лиц. Было что-то сказочное в этом необычайном выходе Русской Императрицы к войскам, ночью, при мерцающем свете канделябров, в покрытый снежной пеленою парк.... Тишина полная. Лишь снег скрипит под ногами. Издали доносится стрельба. Со стороны же Петрограда и Софии зарево.

Императрица медленно обходила ряды за рядами, кивая с улыбкой солдатам. Солдаты молча восторженно провожали Царицу глазами. Многим из офицеров Государыня тихо говорила что-нибудь: — „Как {202} холодно, какой мороз“.... Великая княжна, настоящая русская красавица, которую пощадила болезнь, улыбается офицерам, особенно морякам.

По возвращении Императрицы во дворец, частям по очереди разрешено уходить греться в подвальный этаж дворца. Там какое-то странное настроение. Строгие распорядки дворца нарушены. Появились откуда-то какие-то странные личности. Они подходили к солдатам, шептались. Невольная тревога закрадывалась в душу офицеров.

Тревожно было и в царских покоях. Государыня в ту ночь не раздевалась. Ее Величество разрешила графине Бенкендорф и баронессе Буксгевден устроиться на ночь в своем салоне и сама лично принесла им подушки. Граф Бенкендорф и Апраксин устроились в комнате камердинера Его Величества. Все были начеку сделать всё возможное для защиты Царской семьи.

В левом крыле дворца, около больной А. А. Вырубовой, ее родители и Лили Ден, не считая сестры милосердия. Присутствие во дворце Вырубовой и ее семьи нервировало придворных и вызывало в этот день особый ропот и воркотню прислуги и даже солдат. Больше чем когда-либо в этот день солдаты недобрым словом поминали Анну Александровну за все, что она, по их мнению, принесла во дворец.

Придворные считали, что ее присутствие навлекает опасность на Царскую семью. Граф Апраксин долго беседовал о том с Бенкендорфом и, наконец, было решено, чтобы Апраксин испросил разрешение Императрицы перевести Анну Александровну куда-либо, но вне дворца. Императрица горячо вступилась за свою подругу. Оттолкнуть подругу в такой момент, как бы выдать ее толпе на поруганье — ни за что. „Я не предаю своих друзей“, — закончила Царица горячий разговор и не могла удержаться от душивших ее рыданий.

Часов около трех ночи тревога улеглась. В городе водворилась тишина. Бродившие толпами солдаты вернулись по казармам. На время все успокоилось. Генерал Гротен {203} разрешил развести отряд по казармам. Остались лишь усиленные караулы, да часовые. Вокруг дворцовой ограды, как обычно, разъезжают казаки Конвоя Его

Величества.

*

В эту самую роковую ночь, под 1 марта 1917 года, в Таврическом дворце представители Временного Комитета, представители Думской цензовой интеллигенции, решали судьбу Императора Николая II-го, ставшей судьбой всего монархического строя в России. Мысль об отречении Государя уже давно в умах многих. В эту ночь многим казалось, что столь жданный момент пришел. Одни считали, что пора „кончать“, другие думали, что отречение поведет к успокоению от разрастающейся анархии, а многие, по-житейски, боялись возвращения Государя, боялись арестов и кар. Каждый хотел, чтобы отречение произошло поскорее. Преобладало мнение, что отречение должно совершиться в пользу Наследника, при регенте Михаиле Александровиче. Родзянко сносился по этому поводу с генералом Алексеевым и тот, по его словам, примкнул к этому мнению.

В. Шульгин позже подтвердил это в своей книге „Дни“.

А в то время, когда шло это обсуждение, комиссар Бубликов протелефонировал из Министерства Путей Сообщения, около **3 часов ночи**, что Императорский поезд, направляясь к Царскому, пришел на станцию Вишера. Бубликов спрашивал как поступить с поездом. Ему ответили, что вопрос этот еще не решен. В 4 ч. 50 м. утра 1-го марта Бубликов телефонирует Родзянко, что Императорский поезд повернул обратно на Бологое и вновь спрашивал указания, как поступить с ним. И вновь отвечено, что вопрос еще не решен.

Наконец, представители Временного Комитета постановили потребовать у Государя отречения от престола в пользу Наследника Алексея Николаевича. Был составлен проект акта отречения. Для предъявления Государю требования об отречении навстречу ему должен поехать председатель Комитета Родзянко и член С. Шидловский.

{204} Около 7 часов утра Родзянко сообщил об этом решении Комитета Сергею Шидловскому и они стали собираться. Был заказан поезд.

В 9 ч. утра Бубликов протелефонировал, что Императорский поезд пришел в Бологое. Родзянко приказал: Императорский поезд задержать, испросить телеграммой аудиенцию для него и приготовить поезд.

Позже С. Шидловский писал об этом эпизоде так:

— „Вопрос о поездке был решен поздно ночью в мое отсутствие и разработан был весьма мало. Не была предусмотрена возможность нашего ареста, возможность вооруженного сопротивления верных Государю войск и, с другой стороны, предусматривалась возможность ареста нами Государя, причем, в последнем случае, не было решено куда его отвезти, что с ним делать и т. д.“

Вообще предприятие было весьма легкомысленное, но делать было нечего и... я стал ожидать часа отъезда“.

Однако, поездка эта Родзянки и Шидловского, как увидим ниже, не состоялась, по обстоятельству от них независившим.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

— 1 марта в Петрограде. — Утро в Таврическом дворце. — Приход войск. — Жены офицеров. — Насилия над офицерами. — Слухи о терроре. — Позорный приказ полковника Энгельгардта. — Исполком, его заправилы и их тактика. — Совет Рабочих Депутатов перестраивается в Совет Солдатских и Рабочих Депутатов. — Выборы солдат в Исполком. — Важные постановления. — Приказ номер первый. — Исполком и судьба Государя. — Вопрос о поездке Родзянко к Государю. — Роль Керенского. — Постановление Исполкома об аресте Государя с семьей. — Приход В. К. Кирилла Владимировича с Гвардейским Экипажем. — А. И. Гучков у В. Князя и его предложение. — 1 марта в Царском Селе. — Ожидание приезда Государя. — Слухи о задержании Царского поезда. — Генерал Гротен обращается к Родзянко. — Взгляд на Родзянко во дворце. — Возвращение делегатов парламентеров из Гос. Думы. — Прекращение телефонного сообщения. — Приезд депутатов Демидова и Степанова. — Взаимоотношение охраны дворца и гарнизона. — В. К. Павел Александрович у Императрицы. — Проект конституции. — Приезд Генерал-Адъютанта Иванова. — Его планы. Генерал у Ее Величества. — Перемена планов генерала. — Телеграмма Алексева. — Телеграмма Государя. — Отъезд Иванова из Царского Села. Напрасная тревога Петрограда.

С утра 1 марта во всех воинских частях Петрограда волнение. Солдаты требуют, чтобы офицеры вели их в Государственную Думу. Все желают выразить подчинение новой власти. Озлобление на офицеров растет. Многих из них уже разоружили. Некоторых избили за то, что вчера и позавчера они скрылись из казарм, не стали сразу на сторону революции. И теперь, когда офицеры возвращаются в казармы и хотят водворить там порядок, им не верят, их боятся. В них видят сторонников Царской власти, врагов революции.

Офицеры, повинувшись, с одной стороны, призыву Родзянко, с другой, требованию солдат, решают идти с частями в Г. Думу. Некоторые, в большинстве не кадровые, стали как будто искренно на сторону революции. Многие украсились красными бантами.

И войсковые части идут по направлению к Государственной Думе с красными флагами, со взятыми из полковых церквей старыми боевыми знаменами, к которым привязаны красные банты и ленты. Одним из первых явился рано утром 180 запасный пехотный полк, что привело в восторг настоящих революционеров. Явилась команда Конвоя Его Величества из нестроевых чинов. При ней не было ни одного офицера. Храбрый депутат Думы, казак, называвший себя есаулом, Караулов, бывший в те дни часто под давлением винных паров, приветствовал казаков и приказал арестовать офицеров Конвоя, раз они не хотят становиться на сторону революции.

С оркестром, игравшим марсельезу, явился эскадрон жандармского дивизиона. Революционеры радовались, думая, что то были жандармы политической полиции. {208} Подходили запасные батальоны гвардейских полков, при них много офицеров. Забыт девиз Андреевской звезды „За веру и верность“. Некоторые полковые дамы плачут, видя своих мужей под красными знаменами. Со слезами на глазах, молится одна юная такая патриотка, чтобы батальон с ее мужем не дошел до Думы. Женщины в такие острые моменты лучше и искреннее мужчин.

Пришло Павловское Военное училище. Батальон училища

собирался идти походным порядком „туда, где Государь". В училище поехал Караулов с одним еще думцем и убедил офицеров, что Государь уже отрекся, что ждут только оформления.

На сторону Г. Думы перешла Петропавловская крепость. Депутат Шульгин был послан для переговоров с комендантом. Комендант, генерал-адъютант Никитин, георгиевский кавалер, признал новую власть, в лице Г. Думы; просил выдать ему о том письменное удостоверение; освободил 11 арестованных за беспорядки Павловцев. Ни одного политического в крепости не оказалось. Шульгин произнес гарнизону патристическую речь. Гарнизон кричал восторженно ура.

А толпа требует, чтобы крепостной флаг был заменен Красным.

В Г. Думе с утра кишит толпа солдат и всякого люда, заполнившая все помещения. В главном подъезде навалены груды съестных продуктов. Висят две туши мяса. Около, как бы для декорации, два конвойца в красных парадных „мундирах". Им и в голову не приходит, что они позорят Конвой Его Величества, который до отречения Государя честно нес свою службу Государю.

В Екатерининском зале появились прилавки с брошюрами и прокламациями разных революционных партий; девицы выкрикивают их. Как в 1905 году, подполье вышло на свет Божий. И заявляет свои права.

В комнате номер 13 собирается Исполком. Здесь царство присяжного поверенного Соколова, Суханова-Гиммера и {209} Стеклова-Нахамкеса. Представители русской демократии. Рядом в зале гудит тысячная толпа рабочих и солдат. Это знаменитый Совет пока только рабочих депутатов. Во главе его Чхеидзе, а заправляют им все тот же Соколов, Скобелев и Исполком.

В двух дальних задних комнатах устроился вытесненный туда Временный Комитет Г. Думы, с грозным по виду Родзянко. Комитет это кажущийся возглавитель и руководитель революции. Его председатель и члены то и дело выходят на улицу встречать пришедшие на поклон войсковые части. Произносят патристические речи, призывают к защите родины, к порядку и дисциплине. Но всем им ясно уже, что настоящими господами положения все более и более становятся совет с исполкомом.

В комитете растерянность и боязнь революции, в исполкоме горячая организационная работа на углубление революции.

Родзянко горячей других воспринимает это и энергичные эпитеты „мерзавцы", „негодяи", „собачьи депутаты", то и дело срываются у него.

Нервно настроенная толпа жадно хватается каждый интересный слух. С утра в Думе передают, что Царский поезд задержан. Что и как — никто не знает. Шушукуются, что будет с Государем. Радостно встречено известие, что Петропавловская крепость „взята". Лихой офицер в кавказской черкеске, с заломленной назад папашой, героически рассказывает, как он „взял" со своими крепость и как красиво доложил о том по телефону Родзянко. Несколько времени он был комендантом Трубецкого бастиона. Передают, кто с ужасом, кто со злорадством о бунте в Кронштадте. Замучен и убит главный начальник адмирал Вирен, несколько десятков офицеров, адмирал Бутаков, генерал Стронский.

Временный комитет встревожен. Надо защитить офицеров. Через них надо водворить порядок среди солдат, взять в руки гарнизон, а через него восстановить порядок...

Но, прежде всего надо овладеть гарнизоном и встретить идущие с фронта войска. Этим занимается Военная комиссия, {210} которую,

вместо Энгельгардта, возглавил Гучков.

Энгельгардт же назначен комендантом Таврического дворца. Он должен организовать его оборону. Этот юркий полковник, из желания ли поддаться под настроение толпы или по растерянности, успел отдать по гарнизону приказ, воспрещавший офицерам отбирать у солдат оружие, причем грозили виновным строгими наказаниями до расстрела включительно.

Такой приказ настраивал солдат на офицеров. Он был как раз на руку Исполкому и его главному идеологу Суханову-Гиммеру. — „Гиммер — худой, тщедушный, бритый с холодной жестокостью в лице до того злобном... У дьявола мог бы быть такой секретарь“, — так охарактеризовал Гиммера депутат Шульгин.

**

*

В Исполком с утра приходят солдаты с жалобами на офицеров. Офицеры возвращаются в казармы, восстанавливают прежний порядок. Они контрреволюционеры. Они за Царя, хотят покончить с революцией, заступитесь. Руководители Исполкома отлично понимают, как важно иметь в своих руках солдатскую массу гарнизона. Надо обезвредить офицеров. И Исполком принимает гениальную по революционности меру. По его инициативе совет рабочих депутатов постановил пополнить состав совета делегатами от воинских частей, по одному от каждой роты и подобной ей воинской единицы.

Таким образом Совет рабочих депутатов перестроился и переименовался в Совет рабочих и солдатских депутатов. Совет немедленно же выбрал 10 представителей от солдат в исполком.

С. Р. и С. Д. постановил, дабы все воинские части гарнизона в своих политических выступлениях подчинялись бы только Совету. Дабы распоряжения Военной комиссии Временного комитета Г. Думы исполнялись только при условии, если они не противоречат распоряжениям Совета.

Наконец, Совет принял самое главное решение, которым разрушал армию, как таковую. Совет постановил перевести {211} армию на „гражданское положение“. То есть, чтобы солдатам были даны все гражданские права не считаясь с требованиями военной службы, ее духом и существом.

По подсказу Совет принял постановление, которым поручал Исполкому оформить все его постановления в особом приказе и представить его на утверждение Совета. Исполком выбрал комиссию, которая, под председательством Соколова, и составила приказ, принятый Исполкомом и утвержденный Советом. То был знаменитый приказ номер первый.

ПРИКАЗ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского Округа всем солдатам гвардии, армии артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать КОМИТЕТЫ из выборных

представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы Военной комиссии Государственной Думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякого рода оружие, как-то, винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в {212} распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ВЫДАВАТЬСЯ ОФИЦЕРАМ, даже по их требованию.

6. В строю и при исполнении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни, солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ОТДАНИЕ ЧЕСТИ ВНЕ СЛУЖБЫ ОТМЕНЯЕТСЯ.

7. Равным образом отменяется и титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

8. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на ты воспрещается и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий ПРИКАЗ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах".

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Таков был преступный приказ номер первый, которым наносился могучий предательский удар с тылу по Русской армии. Ответственными за него пред родиной являются: его главные составители и вдохновители присяжный поверенный Соколов, циммервальдовец-пораженец Суханов-Гиммер, считавшийся большевиком Стеклов-Нахамкес и, как главные, начальнические персонажи Совета и Исполкома, — председатель соц. демократ Чхеидзе и товарищ председателя Керенский. Керенский, считавшийся социалистом-революционером был в те дни первым по значению, по силе, по влиянию человеком, человеком, владевшим тогдашней толпой.

Об его политических взглядах в то время известный революционер журналист В. Л. Бурцев говорит следующее:

{213} — „В 1914-1916 гг. и в начале 1917 года, во время войны Керенский был в России представителем партии социалистов-революционеров, во главе которой за границей тогда стояли такие махровые пораженцы — циммервальдовцы, как члены Ц. К. — Чернов и Натансон. (о них см. на нашей стр., ldn-knigi) Керенский тогда был в рядах активных пораженцев и вел борьбу с оборонцами, с теми, кто отстаивал борьбу с немцами до конца. В 1916 году, над Керенским висели тяжкие обвинения в сношениях с пораженцами. Несмотря на то, что он был

членом Г. Думы, он был накануне ареста и предания суду по обвинению в государственной измене и в сношениях с теми, кто был заинтересован в сепаратном мире и в поражении русской армии, а не по обвинению в участии в общереволюционном движении.

Фактически это обвинение Керенского было верно. Да он был пораженец. Если же, тем не менее, Керенский не был тогда арестован, ни предан суду, то это произошло только потому, что тогдашнее оппозиционное настроение общества делало его арест очень трудным и правительство на него не решалось.

Но, в конце концов, от ареста Керенского спасла все-таки только революция. („Общее Дело" 29 янв. 1921 г. „Суд идет"). Таков был товарищ председателя Совета, а председатель — профессиональный революционер, социал-демократ. Отсюда понятно, почему самые вредные для родины и для армии постановления так блестяще проходили через Совет и его Исполком. Приобщившись к власти, сделавшись через два дня министром юстиции, а позже и верховным главнокомандующим, Керенский перестал быть пораженцем, он даже сделался патриотом, но зло и зло непоправимое уже было сделано.

*

В тот день, вернувшись после завтрака домой, я нашел в квартире разгром. Вещи были перерыты, унесена пара высоких военных сапог. В столовой на столе остатки закуски, две опорожненных бутылки вина, три стакана. На мой запрос в домовую контору объяснили, что так как квартира записана на Дворцовую охрану, то какие-то солдаты {214} приходили ее осматривать. Старший дворник, явившись, советовал лучше уезжать и уже, во всяком случае, не ночевать дома. — „Все может быть, ваше превосходительство, по нынешним временам", — резонно сказал он, — „нехорошо говорят про Государя Императора, все может быть". Я поблагодарил за предупреждение, дал на чай, принял к сведению.

Переговорив по телефону где бы можно было переночевать, протелефонировал Белецкому. Тонем убитого, расстроенного человека, иногда всхлипывая, видимо от душивших его слез, Белецкий сообщил, что он только что узнал, что в Думе решено отречение Государя. Все кончено. Бедный Государь. Отречение дело часов. Поезд Государя уже задержан. Белецкого пока не трогали, но он уже приготовился к аресту.

Советовал и мне сделать то же. Распрощались.

В Г. Думе, как сообщили мне и из другого надежного источника действительно на очереди был поставлен вопрос об отречении.

*

В Исполкоме, еще до начала обсуждения солдатского вопроса, уже знали, что Императорский поезд где-то задержан. Это приподняло настроение. Затем дошли слухи, что временный комитет принял относительно „Николая II" какое-то решение. Но вот с вокзала дали знать, что Родзянко требует приготовить для него экстренный поезд для поездки навстречу Государю. Железнодорожники спрашивают как прикажет поступить Исполком. Давать или не давать поезд. От Родзянки же в то же время явился офицер и жаловался Исполкому, что председателю не дают поезда, ссылаясь на распоряжение Исполкома.

Исполком всполошился. Стали обсуждать вопрос „об Николае II". Суханов-Гиммер злобно и горячо доказывал „что Родзянко пускать к Царю нельзя". Что через Родзянко буржуазия сговорится с Царем,

образуется контрреволюционная сила, под видом объединения Царя с народом, в лице думского народного представительства.

Что их поддержит армия и на Петроград будут двинуты воинские части, которые и водворят порядок „в Петрограде {215} не только революционном, но и распыленном и беззащитном". „Кто может ручаться — горячился Суханов — что от разрешения дать поезд Родзянко не зависит судьба революции. Надо благодарить железнодорожников за правильное понимание и доблестное выполнение ими долга перед революцией и в поезде Родзянко — отказать".

Мнение Суханова-Гиммера было поддержано большинством Исполкома и вынесено постановление — в поезде Родзянко отказать, что и было передано приведенному от Родзянко офицеру.

После ухода офицера, Исполком продолжал обсуждать вопрос о судьбе Государя и членов Династии. Большевики высказывались за „изоляция всего Дома Романовых, за смещение с военных и прочих постов великих и просто князей. Исполком решил, однако, арестовать пока лишь Государя и Его семью, что и было поручено группе, во главе с Чхеидзе. Не прошло и получаса как Чхеидзе попросили во Временный Комитет, а в комнату Исполкома вбежал Керенский.

Он набросился с упреками на Исполком за отказ в поезде, доказывая, что Исполком губит тем революцию, играет на руку монархии, Романовым... Керенский от усталости упал в обморок. Бросились приводить его в чувство. Придя в себя и оправившись, Керенский произнес речь, доказывая необходимость разрешить поездку Родзянко. Исполком пересмотрел вопрос и большинством всех голосов против трех (Суханов и б-ки Залуцкий и Красиков) Постановил: разрешить дать Родзянке поезд.

Но с поездом, должна была поехать группа с Чхеидзе. Родзянко, узнав, что навстречу Государю поедет и „батальон" какой-то красной гвардии с Чхеидзе, боясь подвергнуть жизнь Государя опасности, от поездки отказался. Государю на станцию Дно была послана телеграмма, что Родзянко выехать не может, но телеграмма эта застала Государя уже во Пскове.

Вопрос об отречении как бы повис в воздухе, но о нем говорили и в Думе, и в городе, и особенно в казармах.

{216}

**

*

А в Думу все подходили новые и новые части. Пришло Михайловское Артиллерийское Училище, другие училища. Депутаты произносили речи. И если представители Временного Комитета призывали к порядку и дисциплине и повиновению офицерам, то представители Исполкома агитировали и призывали к углублению революции. Цели Комитета и Исполкома расходились.

Около 4 часов Думу облетел слух о приходе Гвардейского Экипажа, с В. К. Кириллом Владимировичем.

В Гвардейском экипаже, которым командовал В. Князь, с утра было беспокойно. Матросы арестовали некоторых офицеров. Намечены были офицеры, с которыми предполагалось расправиться. Слухи из Кронштадта возбуждали матросов. Недобрым огнем горели глаза некоторых.

Таково было настроение, когда в экипаж явился В. К. Кирилл

Владимирович. Ему доложили, что матросы желают идти в Думу, строем с офицерами. В. Князь знал, что правительства уже в Петрограде нет. Что власть в руках Думы. А батальон уже построился по собственной инициативе, ждут офицеров, командира... И В. Князь соглашается на просьбу и ведет Экипаж в Г. Думу.

На Невском Проспекте с какой-то крыши Экипаж обстреляли из пулемета. Произошел переполох. Строй нарушен. Часть матросов разбежалась. Придя в порядок, матросы продолжают путь. Великий же Князь, по приглашению какого-то студента, сел с двумя матросами в его автомобиль и приехал в Г. Думу раньше прихода туда Экипажа.

В. Князь просил провести его к Родзянко. Председатель встретил его в Екатерининском зале. Великий Князь доложил, что через несколько минут придет Экипаж, который он и предоставляет в распоряжение Г. Думы. Родзянко благодарил и сказал несколько патриотических фраз матросам. В. Князя провели в одну из комнат Временного Комитета, барышни предложили чаю. У дверей, как парные часовые, встали матросы — великаны. Когда пришел батальон Экипажа, к нему вышел начальник военной комиссии Гучков. Он {217} призывал матросов к порядку и исполнению долга перед родиной. Батальон ушел. Великого Князя обступили журналисты.

Появление в Г. Думе В. Князя произвело тогда большое на всех впечатление. Многие видели в этом поступке присоединение В. Князя к революции, другие смеялись, что он выставил свою кандидатуру на престол, в чем видели продолжение того, что называли „заговор в князей". И если одни радовались этому поступку, видя в нем одно из доказательств успеха революции, то другие были огорчены, считая поступок изменой Государю и недостойным для члена династии.

Часов около 8, усталый физически и морально, В. Князь вернулся к себе во дворец. Там его ожидал Гучков. Он был занят обороной Петрограда. По слухам к столице идут эшелоны генерала Иванова. Гучков просил В. Князя занять с Гвардейским Экипажем главный вокзал, что, по его словам, предотвратит кровопролитие.

В. Князь ответил категорическим отказом. Гучков уехал. В. Князь бросился на кровать и заснул, как убитый.

Многие утверждали, что В. Князь был украшен красным бантом. Офицер Павловского училища, следовавшего в Думу, на одном перекрестке столкнулся с Экипажем и уступил ему дорогу, категорически утверждал автору этих строк, что банта не было. Павлоны, как замечательные строевики, заметили, что В. Князь был одет не по форме — палаш у него был под пальто.

**

*

К вечеру настроение в Думе стало еще более тревожным. Из города сообщали об усиливающихся эксцессах с офицерами. Офицерство металось, не зная, что делать. Во всех частях уже прошел слух, что вышел приказ со свободами для солдат. Положение офицеров становилось критическим. Поздно вечером в громадном зале Армии и Флота состоялся митинг офицеров в несколько тысяч человек. Митинг постановил:

„Признать власть Исполнительного Комитета Г. Думы впредь до созыва Учредительного собрания".

{218} Кто подсунул эту нелепую резолюцию осталось невыясненным. Ясно было, что только революционный психоз и страх перед

разнузданной солдатчиной продиктовали тогда эту резолюцию. Она, конечно, не является верным отражением тогдашнего политического настроения офицерства. Революционные демагоги, конечно, не верили этой резолюции и она не спасла офицеров от насилий. Члены Исполкома Александрович и Юренев составили погромную против офицеров прокламацию, которую и стали распространять по городу. Несколько тюков ее, по распоряжению Керенского, были задержаны, конфискованы в Г. Думе Исполкомом же. Наступившая ночь лишь усилила тревогу. Руководители Временного комитета, составлявшие список Правительства, волновались из-за незнания, что сделает Государь, из-за слухов о генерале Иванове и, наконец, **приказ номер первый**, явившийся разорвавшейся бомбой для комитета. Было ясно, что вся воинская сила уходила в руки Исполкома.

— Мерзавцы, негодяи, губят Россию, — гремел Родзянко. Разводили руками растерявшиеся прогрессисты. Революция шла своим путем.

В Царском Селе.

Тревожно протекало 1 марта и в Царском Селе и особенно во дворце. Всю ночь в Царском Павильоне волновались, в ожидании приезда Государя. Ловили жадно каждый новый слух, приходящий по железнодорожному телеграфу. А слухи были нехорошие. Около 4 часов утра охрана выставила посты на путь проезда Государя. В Павильон приехали начальствующие лица. Говорили о Петрограде. Все надеялись, что с приездом Государя все изменится. И ждали, и ждали. В 5 часов пришла первая страшная весть: поезд Государя задержан, Государя в Царское не пропустят. Где, что и как — неизвестно. Все приуныли. Страшная весть проникла во дворец, дошла до Царицы. Её Величество не хотела верить. Как, задержали Государя. Но кто же посмел это сделать, как могли это допустить. Что же делала железнодорожная охрана, Воейков, Ставка, Алексеев...

Не хотелось {219} верить. Теперь можно было ожидать всяких нападений со стороны города. Вот почему генерал Гортен, вернувшись из Павильона, вызвал по телефону Родзянко и просил принять меры, чтобы не было кровопролития. Родзянко обещался прислать в Царское членов Временного Комитета для переговоров с гарнизоном. В этот день на Родзянко уже смотрели, как на единственного человека, который может многое сделать.

Часов около 9 утра из Петрограда вернулась посланная туда депутация от частей охраны. Депутация была хорошо принята Гучковым. Гучков просил продолжать охрану порученных им лиц и имущества. Выдал на то удостоверения. „Мы — говорили вернувшиеся солдаты, — умрем, как один, за царскую семью. Мы не будем действовать против гарнизона, но и они не должны выступать против нас. Мы исполняем поручение Г. Думы". Такое разрешение вопроса внесло успокоение.

Часов около 11 сообщили, что, по приказанию полковника Энгельгардта, прерывается телефонное сообщение и радио Царского Села со ставкою. Вскоре сообщили о приезде депутатов Вр. комитета — Демидова и Степанова.

Они проехали с вокзала в ратушу, беседовали с офицерами, объехали все казармы и беседовали с солдатами. Их встречали восторженно, играли марсельезу, кричали ура. Подчинение Гос. Думе

было и заявлено, и принято.

Генерал Гротен съездил к депутатам в ратушу. Просил их содействия, чтобы гарнизон не нападал, т. к. в противном случае охрана выполнит свой долг до конца и произойдет кровопролитие. Государыня же умоляет не доводить до него. Депутаты отлично понимали всю деликатность и сложность вопроса и обещали содействие.

В 5 часов к Государыне приехал В. К. Павел Александрович. Он был очень взволнован и, увидя выстроенные около дворца части, сказал им какую-то несуразную речь, про которую спокойный и уравновешенный Бенкендорф выразился так: — „Его слова произвели на нас всех печальное (пенибл) впечатление“.

{220} Государыня встретила Великого Князя очень сурово и резко упрекала его за бездействие, за недостаточный надзор за запасными батальонами гвардии, которые произвели бунт. Он старший из великих князей генерал-адъютантов в столице ничем не проявил себя.

Вернувшись домой В. Князь приступил к составлению некоего акта, который от имени Императрицы и находящихся в столице членов династии давал заверение Г. Думе, что Государь даст конституцию. В составлении акта принимал участие князь М. С. Путятин и управляющий канцелярией Дворцового коменданта Бирюков. Акт был вручен графу Бенкендорфу для представления на подпись Её Величеству.

Около полуночи стало известно, что на вокзал прибыл в вагоне генерал-адъютант Иванов, а что эшелоны с его войсками где-то задержаны. Явилась надежда узнать что-либо про Государя. Императрица просила генерала приехать во дворец.

Генерал Иванов, приехав на вокзал, принял кого-то из представителей города и гарнизона и принял представившегося ему, прибывшего из Петрограда полковника Доманевского, назначенного к нему начальником штаба.

Доманевский доложил о том, что делается в Петрограде и высказал — «что вооруженная борьба только осложнит положение».

На вокзале же была вручена Иванову следующая наивная, легкомысленная телеграмма от начальника штаба Алексеева:

— „Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие. Войска, примкнув к Временному правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное правительство, под председательством Родзянко, заседаая в Государственной Думе, пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по **{221}** поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное временным правительством, говорит о незыблемости монархического начала в России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства.“

Ждут с нетерпением приезда Его Величества, чтобы представить ему все изложенное и просьбу **принять это пожелание народа**.

Если эти сведения верны, то изменяется способ ваших действий. Переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работы.

Воззвание нового министра путей сообщения Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт.

Доложите Его Величеству все это и убеждение, что дело можно провести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию. 28 февраля

1917 г. № 1833. Алексеев".

По этой идиллической телеграмме было ясно, что Ставка весьма благожелательно настроена по отношению революционного правительства и признает даже его министров. Иванов, сообразив обстановку, решил: опубликовать приказ о своем прибытии, сделать Царское Село местом своего штаба и призвать всех оставшихся еще верными Государю офицеров и солдат собираться к нему, задержанные же (по приказанию Бубликова, распоряжения которого так нравятся генералу Алексееву) эшелоны привести в Царское походным порядком.

С таким планом в голове и с заготовленным в кармане приказом Иванов приехал во дворец.

В ожидании приема Иванов посвятил в свой план генералов Гортена и Ресина и церемониймейстера Апраксина, графа Бенкендорфа. Он даже показал им проект заготовленного приказа. Идиллическая телеграмма Алексеева свите {222} была известна, т. к. она передавалась Иванову через дворцовую телеграфную станцию. Иванов сообщил свите, что отдаст приказ после аудиенции у Государыни.

Аудиенция у Её Величества продолжалась с часу до двух с половиной ночи. Государыня была рада узнать новости про Государя. Она хотела переслать через Иванова письмо Государю. Хитрый старик отказался его взять, объяснив, что у него нет человека для пересылки письма.

Выйдя от Императрицы, Иванов сообщил свите, что никакого приказа он издавать не будет. Сбирать войска в Царском также не будет. Императрица против этого.

Распрощавшись, генерал уехал на вокзал. Там ему вручили телеграмму от Государя следующего содержания:

— „Царское Село. Надеюсь прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать. НИКОЛАЙ. 2 марта 1917 г. О ч. 20 м."

Эта высочайшая телеграмма разрешала все сомнения „диктатора". Он поспешил вернуться к своему эшелону в Вырицу.

А в Петрограде дрожали, что к столице приближается генерал Иванов, и Гучков метался по вокзалам, готовя оборону.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

— 28 февраля и 1 марта. — Следование Императорских поездов из Могилева в Царское Село. — Маршрут следования. — Литерные поезда А и Б. — В царском поезде. — Овация солдат на станции. — Телеграмма Государю от выборных членов Гос. Совета. — Телеграмма Военного министра Беляева Алексею, переданная Воейкову. — Станция Вязьма. — Телеграмма Военного министра о капитуляции. — Телеграмма Государя Царице. — На станции Ржев. — На станции Лихославль. — Тревожные сведения. — Телеграмма комиссара Бубликова. — Телеграмма Государя Царице. — Прибытие поезда Лит. Б в Вышний Волочек. — Телеграмма коменданта Николаевского вокзала поручика Грекова. — Донесение подполковника Талья генералу Воейкову и его ответ. — Прибытие поезда Лит. Б в Бологое. — Письмо генерала Дубенского С. П. Федорову. — На станции Малая Вишера. — Повеление повернуть обратно и идти на Псков. — Утром 1 марта в Бологом. — Меры комиссара Бубликова против Императорских поездов. — Телеграмма Родзянко. — Царский поезд продолжает путь на Псков. — Государь на станции Дно. — Рассказы про генерала Иванова. — Повеление продолжать путь на Псков и вызов туда Родзянко. — Беседа Государя с Воейковым. — Прибытие во Псков вечером 1 марта. — Наглость генерала Рузского. — Приглашение Рузского к Государю. — Взгляд генерала Данилова (черного) на происходящие события.

Прямое, кратчайшее расстояние от Могилева до Царского Села по Московско-Виндаво-Рыбинской дороге 759 верст. Но соглашением Инспектора Императорских поездов Ежова и Дворцовым комендантом для Государя был установлен маршрут: Могилев-Орша-Вязьма-Лихославль-Тосно-Гатчина-Царское Село, протяжением около 950 верст, захватывавший пять различных дорог. Почему выбрали более длинный маршрут когда, казалось бы, надо было спешить добраться до Царского, — неизвестно.

Императорский поезд Литера А, в котором находился Государь, вышел из Могилева в 5 часов утра 28 февраля. Государя сопровождали все те лица, которые с ним приехали, но комендантом поезда был помощник начальника Дворцовой полиции Гомзин.

На час вперед шел Императорский поезд Литера Б, ничем по наружности не отличавшийся от Лит. А. В этом служебном поезде ехали тоже все лица, приехавшие в Ставку с Государем несколько дней тому назад. Комендантом этого поезда был назначен подполковник Таль. Ввиду тревожного времени, Дворцовый комендант приказал усилить поездной караул от Железнодорожного полка на 10 человек, а на паровозе были помещены 3 нижних чина того же полка. Казалось, что движению поездов ничто угрожать не может. Всюду охрана, а в Ставке товарищ министра путей сообщения генерал Кисляков, пост которого был установлен на случай беспорядков. Так казалось и так верилось.

28 февраля утром солнце весело смотрело в окна нарядного Царского поезда. Государь аккуратно вышел к утреннему чаю. Собрались некоторые из лиц свиты. Государь, {226} как всегда, спокоен и приветлив. Но был бледен и как бы утомлен. Некоторая утомленность и даже апатия замечались довольно часто за последние полгода у Государя. Ее замечал и состоявший при Ставке В. К. Сергей Михайлович и говорил о том с беспокойством своему брату Александру Михайловичу.

Бывало так, по его словам, что, слушая интересный доклад, Государь как-то особенно спокойно воспринимал его, как будто за всем тем, что он слышит, есть нечто, к чему он, Государь, прислушивается. Люди близкие, знавшие веру Государя в Волю Божию, в судьбу, которая

предначертана каждому свыше, с беспокойством смотрели на это особенное, иногда совсем не соответствующее обстановке спокойствие Государя. В свите то могли бы замечать Федоров да Воейков. Плавнo проходил Императорский поезд станции. Отдавали честь железнодорожное начальство, жандармы, охрана. На одной из станций выстроился шедший на фронт эшелон. Государь подошел к окну. Раздалось оглушительное ура. Дивные звуки „Боже Царя Храни“ понеслись от оркестра навстречу Монарху и долго провожали затем удалявшийся царский поезд... После Орши Государю вручили телеграмму от выборных членов Гос. Совета, которая гласила:

— „Ваше Императорское Величество. Мы, нижеподписавшиеся члены Государственного Совета по выборам, в сознании грозной опасности, надвинувшейся на родину, обращаемся к вам чтобы выполнить долг совести перед вами и перед Россией.“

... Вследствие полного расстройства транспорта и отсутствия подвоза необходимых материалов, остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели народные массы для отчаяния. Это чувство еще обострилось тою ненавистью к правительству и теми тяжкими подозрениями против власти, которые глубоко запали в народную душу.

Все это вылилось в народную смуту стихийной силы, а к этому движению присоединяются теперь и войска.

{227} Правительство, никогда не пользовавшееся доверием России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозным положением.

Государь, дальнейшее пребывание настоящего правительства у власти означает полное крушение законного порядка и влечет за собою неизбежное поражение на войне, гибель династии и величайшие бедствия для России.

Мы почитаем последним и единственным средством решительное изменение Вашим Императорским Величеством направления внутренней политики, согласно неоднократно выраженным желаниям народного представительства, сословий и общественных организаций, немедленный созыв законодательных палат, отставку нынешнего Совета министров и поручение лицу, заслуживающему всенародного доверия, представить Вам, Государь, на утверждение список нового кабинета, способного управлять страной в полном согласии с народным представительством. Каждый час дорог. Дальнейшие отсрочки и колебания грозят неисчислимыми бедами.

Вашего Императорского Величества верноподданные члены Государственного Совета: барон Меллер-Закомельский, Гримм, Гучков, Юмашев, Савицкий, Вернадский, Крым, граф Толстой, Васильев, Глебов, Зубашев, Лаптев, Ольденбург, Дьяконов, Вайнштейн, князь Трубецкой, Шумахер, Стахович, Стахеев, Комсин, Шмурло, князь Друцкой-Соколинский, Марин“.

Спокойный и серьезный тон телеграммы в переживаемое нервное время, подписи солидных пожилых людей, многих из которых Государь хорошо знал, заставили Государя задуматься над затронутым вопросом. Государь не мог не спросить себя — а не правы ли все они, эти разные люди, в разных формах предлагающие одно и то же. Не ошибается ли он, Государь с Царицей, слушая Протопопова, Маклакова, Щегловитова. И Государь задумался.

Попросивший разрешения войти, Дворцовый комендант застал Его Величество в раздумье с телеграммой в руках.

Воейков в Орше же получил посланную ему вслед из Могилева телеграмму Военного министра Беляева № 201, {228} которую он и явился доложить Его Величеству. Телеграмма, отправленная из Петрограда 28 в 11 ч. 32 м. гласила: — „Положение по-прежнему тревожное. Мятежники овладели во всех частях города важнейшими учреждениями. Войска, под влиянием утомления, а равно пропаганды, бросают оружие и переходят на сторону мятежников или становятся нейтральными. Сейчас, даже трудно указать какое количество рот является действительно надежными. На улицах все время идет беспорядочная пальба, всякое движение прекращено, появляющихся офицеров и нижних чинов разоружают. При таких условиях сколько-нибудь нормальное течение жизни государственных установлений и министерств прекратилось. Министры Покровский и Войновский-Кригер вчера в ночь выбрались из Мариинского дворца и сейчас находятся у себя. Скорейшее прибытие войск крайне желательно, ибо до прибытия надежной вооруженной силы мятеж и беспорядки будут только увеличиваться. Великий князь Михаил Александрович выехал из дома военного министра в 3 часа ночи не мог проехать на вокзал и вернулся в Зимний дворец. 201. Беляев".

Генерал Воейков крепко стоял за вооруженное прекращение революции. Он верил в успех военного предприятия генерала Иванова.

Завтрак прошел обычным порядком. О Петроградских событиях не говорили. Из посторонних были приглашены: Ежов и Начальник Александровской железной дороги Чермай.

В 3 часа пришли в Вязьму. Там Государю была подана телеграмма Военного министра Беляева №9157 следующего содержания.

— „Около 12 часов дня 28 февраля остатки оставшихся еще верными частей в числе 4 рот, 2 батарей и пулеметной роты, по требованию морского министра, были выведены из адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому здание.

Перевод всех этих войск в другое место не признан соответственным, ввиду неполной их надежности. Части {229} разведены по казармам, причем, во избежание отнятия оружия по пути следования, ружья, пулеметы, а также замки орудий сданы морскому министерству. 9157. Беляев".

Государь же послал Царице ободряющую телеграмму такого содержания:

— „Выехали сегодня утром в 5. Мыслями всегда вместе. Дивная погода. Надеюсь, что вы чувствуете себя хорошо и спокойно. Много войск послано с фронта. НИКИ".

В свите уже царила большая тревога. Только Воейков старался казаться спокойным и даже веселым, что, однако, плохо удавалось. Все надеялись на энергичные действия генерала Иванова и его отряда.

В 6 часов Царский поезд пришел на станцию Ржев. Государь гулял несколько минут по платформе. В 8 часов сели обедать. О революции не говорили.

В 9 ч. 27 м. Царский поезд (Лит. А) пришел на станцию Лихославль, где поезда переходили на Николаевскую железную дорогу. Поезд был встречен начальником дороги инженером Керн и начальником Жандармского Полиц. Управления генералом Фурса с офицерами. Фурса доложил Воейкову, что происходило в Петрограде по 27 число.

Рассказал, что, в самый момент отхода с вокзала его поезда, толпа овладела Николаевским вокзалом и что там делается теперь он не знает. Доложил о тревожных сведениях про занятие революционерами Тосно и про знаменитую телеграмму комиссара Бубликова. Позже Воейков писал:

„В Лихославле мне удалось от жандармского начальства получить первые сведения обо всем творившемся в Петрограде“.

Инспектор Импер. Поездов Ежов, как техник, понял, что переход железных дорог под власть революционного правительства, в лице комиссара Бубликова, является уже реальной угрозой для Императорских поездов. Он поделился своими соображениями с Воейковым.

Государь из Лихославля телеграфировал Царице:

— »Рад что у вас благополучно. Завтра утром надеюсь быть дома. Обнимаю тебя и детей. Храни Господь. 'НИКИ'».

{230} Царский поезд пошел дальше. На столе служебного вагона лежала циркулярная телеграмма Бубликова. Скоро вся свита уже знала о ее содержании и все поняли ее серьезное революционное значение. На некоторых она произвела удручающее впечатление своим начальническим авторитетным тоном. Смена законного правительства революционным была налицо.

Между тем Поезд — Литера Б — в 9 ч. 45 м. пришел в Вышний Волочек. Здесь Коменданту поезда подполковнику Талю вручили циркулярную телеграмму революционного коменданта Николаевского вокзала в Петрограде поручика Грекова, который приказывал Литерные поезда, идущие на Царское Село направить на Петроград-Николаевский вокзал.

Подполковник Таль собрал совещание высших чинов, ехавших в поезде. По результатам обмена мнений, Таль написал донесение Дворцовому Коменданту: — „по слухам получено распоряжение направлять литерные поезда из Тосно на Петроград-Николаевская. Если действительно проезд на Гатчину будет закрыт решили остановить поезд в Тосно. Прошу передать ваши распоряжения в Малую Вишеру“.

Около 11 часов в Вышний Волочек пришел Царский поезд Литера А. Дворцовый комендант получил донесение подполковника Талья, доложил о нем Министру Двора и Государю и после доклада телеграфировал Талю: „Настоять на движении в Царское Село“.

В 12 часов ночи с минутами Царский поезд — Литера А прибыл в Бологое. Здесь от разных чинов узнали много подробностей о Петроградских событиях, о том, что там настоящее революционное правительство, во главе с Родзянко, что станция Любань занята революционерами. Принесли и циркулярную телеграмму поручика Грекова. Свита возмутилась. Дерзость поручика, осмелившегося отдать приказ об изменении маршрута Императорских поездов красноречивее всего показывала, что происходит в Петрограде.

Между тем один из офицеров Собственного Железнодорожного полка вручил лейб-хирургу Федорову письмо от **{231}** генерала Дубенского, ехавшего в поезде Литера Б. Генерал Дубенский писал:

„Дорогой Сергей Петрович, дальше Тосно поезда не пойдут. По моему глубокому убеждению, надо Его Величеству из Бологое повернуть на Псков (320 верст) и там, опираясь на фронт ген.-ад. Рузского, начать действовать против Петрограда. Там, во Пскове, скорее можно сделать распоряжение о составе отряда для отправки в Петроград. Псков старый губернский город. Население его не взволновано.“

Оттуда можно скорее и лучше помочь Царской Семье. В Тосно Его Величество может подвергнуться опасности. Пишу Вам все это, считая невозможным скрыть, мне кажется, эту мысль, которая в эту страшную минуту может помочь делу спасения Государя, Его семьи. Если мою мысль не одобрите — разорвите записку".

Федоров показал записку Воейкову, Нилову. На записку не было обращено должного внимания. Свита вообще не смотрела на Дубенского серьезно, а Воейков его не любил. Его считали литератором.

К тому же коменданту поезда Литера Б уже была послана телеграмма Воейкова: — „Настоять на движении в Царское Село".

Царский поезд Литера А. пошел дальше. Но лица свиты не отдавали себе ясного отчета в том, что в действительности происходит в Петрограде.

— Это все ничего — говорил гофмаршал Долгоруков, — с этим справимся...

Вот войдет Иванов в Петроград с двумя, тремя хорошими частями и уже одно их появление приведет там все в порядок, — считал Мордвинов.

На подавление революции Ивановым надеялись и Федоров, и Воейков.

В 3 ч. 45 м. ночи Царский поезд Литера А подошел к станции Малая Вишера, отстоявшей в 154 верстах от Петрограда.

{232} К удивлению тех немногих, кто в поезде не спал, оказалось, что на станции стоял шедший на час впереди поезд Литера Б. Оказалось, что когда поезд Литера Б. пришел в Малую Вишеру, коменданту поезда подполковнику Талю вручили телеграмму Воейкова: „Настоять на прибытии в Царское Село". Таль передал это приказание генералу Цабелю, командиру Собственного Железнодорожного полка. Но в это же время к Цабелю явился офицер его полка Герлях и доложил, что станции Любань и Тосно заняты революционерами. Что ему самому, бывшему в наряде в Любани, удалось уехать на дрезине, но что в Любани стоят взбунтовавшиеся войска с пулеметами. Путь Императорским поездам загражден революционерами. Этот доклад заставил и Цабеля, и Талья признать положение опасным. Было решено дальше не двигаться, а ожидать прибытия Царского поезда Литера А.

Генерал Цабель распорядился занять чинами полка все сооружения станции, подполковник же Таль с полковником Невдаховым были наготове ликвидировать всякое враждебное действие, но все служащие станции вели себя безупречно.

Таково было положение в Малой Вишере, когда подошел Царский поезд — Литера А. Цабель, Таль, Дубенский, Штакельберг, Невдахов, Суслов, все одетые по-походному, поджидали его. Все направились к свитскому вагону. Подполковник Таль и генерал Цабель поднялись к Дворцовому коменданту. Он, как и вся свита, спал. Генерала разбудили и доложили о случившемся. Воейков быстро оделся. Состоялся обмен мнениями, — что делать. Кто-то высказал мысль вернуться в Ставку, кто-то предлагал вернуться, но ехать во Псков. Все были за то, что продолжать путь на Тосно нельзя, ни в коем случае. Кто-то сказал — вот если бы впереди нас шел поезд с эшелоном генерала Иванова...

Воейков отправился с докладом к Государю. Разбудили Его Величество. Государь принял генерала. Выслушав спокойно доклад и мнение Воейкова, Государь повелел: повернуть обратно, а в Бологое

свернуть на Запад и идти на Псков, потому, что там аппарат Юза, то есть прямое сообщение с Петроградом.

{233} Воейков передал кому надо повеление Его Величества, ехавший в Царском поезде помощник начальника Николаевской железной дороги Крен отдал соответствующие распоряжения и Царский поезд — Литера А в 4 ч. 50 м. утра 1 марта двинулся обратно на Бологое. За ним через несколько минут, вне правил, отправился и поезд Литера Б.

В 9 часов утра 1 марта Императорский поезд — Литера А — прибыл в Бологое. Здесь он едва не сделался игрушкой в руках революционного правительства, о чем около Государя никто не подозревал.

В Бологое, дабы продолжать движение на Псков поезд должен был перейти с Николаевской дороги на Виндаво-Рыбинскую и переменить паровозы. О прибытии Государя со станции кто-то дал знать в Петроград, в Министерство — Бубликову. Бубликов сообщил Родзянко и запросил: как поступить с Императорским поездом. Родзянко приказал:

Царский поезд задержать, Государю передать телеграмму от Родзянки с просьбою дать ему аудиенцию, приготовить для его поездки в Бологое экстренный поезд.

Телеграмма была передана по проводу лично Ломоносовым, но ответа на нее не последовало. Начальник же Виндаво-Рыбинской ж. дороги Правосудович сообщил Ломоносову по телефону, что из Императорского поезда из Бологое поступило требование дать назначение поезду из Бологое на Псков. Ломоносов ответил: — Ни в коем случае.

— Слушаю. Будет исполнено, — ответил Правосудович. Но не прошло и десяти минут как из телеграфа Ломоносову передали сообщение из Бологое: — „Что поезд Литера А без назначения, с паровозом Николаевской дороги, отправился на Псков“.

Взбешенные Бубликов и Ломоносов стали принимать меры, чтобы загородить путь на Виндавской дороге и тем помешать движению на Псков Императорских поездов, но выполнить это им не удалось.

{234} Около 3 часов дня оба поезда благополучно прибыли на ст. Дно. На станции Дно был полный порядок. Жандармы произвели несколько предварительных арестов. Телеграфист представил повторную телеграмму для Государя Императора от Родзянко с просьбой аудиенции.

Государь приказал ответить, что он ждет Родзянко на ст. Дно. Государь долго гулял по платформе. С изумлением узнали, что только утром станцию проехал со своим эшелоном генерал Иванов, которого уже считали в Царском Селе. Удивились такому медленному его продвижению. Узнали и то, что при нахождении генерала Иванова на станции прошло несколько поездов из Петрограда, переполненных пьяными солдатами. Многие из них своевольничали, говорили дерзости. Несколько десятков солдат были генералом арестованы. Многих солдат обыскали и нашли у них большое количество офицерских шашек и разных офицерских вещей, очевидно, награбленных в Петрограде. Генерал Иванов, по-стариковски, патриархально, бранил задержанных солдат, ставил их на колени, приказывал просить прощения, а арестованных увез со своим поездом. Все это, по рассказам очевидцев, носило довольно странный характер и производило смешное впечатление чего-то несерьезного, бутафорского.

Свита была в большой тревоге. Все, за исключением Воейкова, считали, что надо идти на уступки, надо дать ответственное

министерство. Воейков стоял твердо за вооруженное подавление революции.

Между тем о Родзянко не было никаких сведений. Запросили Петроград — Бубликова и тот ответил, что поезд для Родзянко готов, но когда он выедет неизвестно. Воейков доложил Государю, и Его Величество приказал: — Поездом продолжать путь во Псков. Родзянке же сообщить, что Государь будет ожидать его во Пскове.

После такого решения Государя, на Псков был первым пропущен поезд — Литера Б. Когда этот поезд проходил мимо Царского — Лит. А, Воейков, смеясь, крикнул Дубенскому: — „Надеюсь вы довольны, едем во Псков". По {235} шутливому, веселому тону генерала Воейкова в служебном поезде решили, что, очевидно, Дворцовый Комендант имеет веские к тому основания. Все приободрились. Дубенский был горд. Все поняли в словах Воейкова намек на письмо Дубенского — Федорову.

Вскоре затем направился во Псков и Императорский поезд — Лит А. Государь вызвал к себе в купе Воейкова и долго говорил с ним. По словам Воейкова, Государь склонился дать ответственное министерство. Государь поручил Воейкову, по приезде во Псков, выехать навстречу Родзянке и переговорить с ним до приема его Государем.

В 7 ч. 5 м. вечера поезд подошел к станции Псков. Было совсем темно. На платформе пусто. Никакой встречи. Через несколько минут появился генерал Рузский, не посчитавший нужным встретить прибытие Государя Императора, как это обычно делалось при объездах Государя по фронту. Дерзость Рузского была замечена. Ничего доброго она не предвещала.

Рузский шел, не торопясь, опустив голову. За ним шли генералы Данилов (Черный) и Савич. Генералу Воейкову передали телеграмму от Родзянки, что, по изменившимся обстоятельствам, он приехать не может, что и было доложено Его Величеству.

Генерала Рузского пригласили к Государю. Генералы Данилов и Савич вошли в свитский вагон. Их забросали вопросами. Данилов отвечал, что проехать в Царское Село едва ли удастся. По дороге беспокойно. В Луге восстание. В Петрограде революция. Страшное возбуждение против Государя Императора. Он был мрачен и неразговорчив. Савич поддакивал Начальнику Штаба.

{239}

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

— Вечер 1 марта во Пскове. — Надломленность Государя. — Влияния на Государя во Пскове. — Первые распоряжения Алексеева по подавлению революции. — Предательская роль генерала Кислякова. — Перемена Алексеева под влиянием Родзянко. — Телеграмма Алексеева генералу Иванову и Главнокомандующим о перемене способа действий. — Отношение Алексеева к революционному правительству. — Воздействие Алексеева на Государя во Пскове. — Содействие В. К. Сергея Михайловича. — Ходатайство адмирала Непенина. — Генерал Рузский и его штаб. — Ходатайство Рузского 27 февраля. — Настроение перед приездом Государя. — Первые доклад Государю. — Разговор со свитой — Высочайший обед. — Столкновение с Воейковым. — Телеграмма генерала Брусилова. — Доклад Рузского после обеда. — Два противника. — Телеграмма Алексеева с проектом манифеста. — Государь склоняется на реформу. — Телеграмма Государя Родзянко об ответственном министерстве. — Второе столкновение Рузского с Воейковым. — Неудовлетворенность Рузского телеграммой Государя и поправка ее. — Рузский у Государя в полночь. — Сдача Государя. — Согласие Государя на отозвание генерала Иванова. — Телеграмма Иванову. — Распоряжение Рузского об отозвании войск, посланных на усмирение бунта в Петрограде.

Два дня спокойных размышлений и передумываний о совершавшихся событиях, в купе и полном одиночестве, привели Государя к мысли о необходимости изменения курса политики. Поколебленным в своих упорных политических взглядах приехал Государь во Псков.

Во Пскове же на решения и действия Государя настойчиво оказали влияние Алексеев и Рузский. Родзянко напористо, с революционным увлечением действовал на генералов, а те обуреваемые честолюбием, возомнив себя людьми, понимающими дела государственного управления, поддавшись тоже революционному психозу, действовали на Государя.

Так осуществлялся давно задуманный план добиться реформы и отречения Государя. План, к которому различные лица и группировки шли различными путями. План, который, как говорилось выше, был известен генералам Алексееву, Брусилову, Рузскому и В. К. Николаю Николаевичу. Заговорщицкий план, о котором названные лица, вопреки присяге, не только не предупредили Государя Императора, генерал-адъютантами которого они состояли и вензеля которого носили на своих погонах, но в осуществлении которого они приняли самое горячее участие в самый критический, решительный момент.

Выше говорилось, как действовал Алексеев 27 февраля, распоряжаясь относительно отправки войск для подавления восстания в Петрограде. В тот день Алексеев послал главнокомандующим и телеграмму (№1801) о принятии мер, чтобы „обеспечить во что бы то ни стало работу железных дорог“.

28 февраля Алексеев, по повелению Государя, распорядился о высылке в Петроград по одной пешей и одной {240} конной батарее с фронтов Рузского и Эверта. Телеграфировал генералу Мрозовскому об объявлении в Москве, в случае надобности, осадного положения. Телеграфировал о высылке в Петроград по батальону крепостной артиллерии из Выборга и Кронштадта. Телеграфировал Беляеву, дабы все министры исполняли приказания генерала Иванова, что давало последнему права диктатора.

Алексеев послал всем главнокомандующим ориентировочную телеграмму (№ 1603) о происходящих в Петрограде событиях и о принятых против них мерах, которую закончил так:

„На всех нас лег священный долг перед Государем и родиной сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий, обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных припасов“.

Алексеев телеграфировал Брусилову о Высочайшем желании назначить в распоряжение генерала Иванова полки: Л. Гв. Преображенский, Третий стрелковый и Четвертый стрелковый Императорской фамилии.

От себя уже генерал распорядился прибавить к ним одну батарею и приготовить для отправки в Петроград одну из гвардейских кавалерийских дивизий.

Правильно понимая, какое значение имеет для восстания обладание железными дорогами, Алексеев запросил Беляева о судьбе министра путей сообщения Войновского-Кригера. Беляев правильно ответил, что ни Войновский-Кригер, ни его министерство не могут „правильно и безостановочно выполнять своих функций, почему

управление сетью, казалось бы, должно без промедления перейти к товарищу министра на театре военных действий".

По получении этого ответа, Алексеев отдал приказание, что он принимает на себя, "через товарища министра путей сообщения", т.е. через генерала Кислякова, управление всеми железными дорогами.

Этим мудрым решением, если бы оно было проведено в жизнь, был бы нанесен могучий удар революции. Мы видели, {241} как в это самое время революционный комиссар Бубликов стремился захватить Министерство путей сообщения и овладеть железными дорогами.

К несчастью, генерал Кисляков был одним из изменников в Ставке. Он стоял на стороне революции. Еще не так давно, перед тем, он старался совратить на сторону заговора одного из видных чинов, причастных к Министерству путей сообщения.

Получив приказание, генерал Кисляков пошел с личным докладом к Алексееву и убедил Алексеева отменить сделанное распоряжение. Несколькими часами спустя железные дороги были уже во власти революционного правительства. То, чего не сделал генерал Алексеев, блестяще выполнил, но только во славу революции, инженер Бубликов. Такова предательская роль генерала Кислякова и первый акт содействия революции со стороны генерала Алексеева, нам известный.

В 7 часов вечера с минутами Алексеев вновь телеграфирует Рузскому и Эверту — какие войска им надлежит направить в Петроград, если того потребуют обстоятельства.

Как видно, до вечера 28 числа высшее командование Ставки вполне разделяет взгляд Государя, что восстание надо подавить и принимает нужные меры. В продолжение всего дня в Ставку поступают телеграммы из разных официальных источников из Петрограда, и сомнений в том, что именно там происходит, не являлось. В Могилеве даже передавали слух, что Государь убит в пути.

Но поздно вечером, 28 февраля, к генералу Алексееву начинают поступать сведения по прямому проводу из Петрограда непосредственно от Родзянко. Родзянко освещает происходящие в Петрограде события по-своему. Ведь он-то, Родзянко, уже революционер и даже возглавляет революционное правительство. Родзянко говорит, что в Петрограде необычайное возбуждение против Государя — лично. Что для спасения положения вообще, для спасения династии и монархии необходимо отречение Государя в пользу Наследника. Что присылка войск для подавления движения пользы не {242} принесет и поведет лишь к кровопролитию и увеличению анархии.

Всё, что говорит Родзянко, есть логическое продолжение его телеграмм в Ставку Государю. Тон Родзянко горяч и убедителен. Эти переговоры Родзянко с Алексеевым сдвинули Алексеева на сторону революции. Он высказал принципиальное согласие на отречение Государя в пользу-Наследника. — „Генерал Алексеев примкнул к этому мнению" — так сообщал на следующий день Родзянко про эти переговоры членам Временного Комитета (*Шульгин „Дни"*).

И в ночь на 1 марта Алексеев круто меняет свое отношение к происходящей революции. Он начинает помогать ей. Он начинает исполнять то, о чем убеждали его приезжавшие к нему в Севастополь общественные деятели-заговорщики.

В час пятнадцать минут ночи на 1 марта Алексеев послал вдогонку генералу Иванову ту, проникнутую идиллией, основанную на лживой информации телеграмму № 1833, которая приведена в главе 38.

Копия этой телеграммы с часу до трех с половиной часов ночи рассылается всем главнокомандующим. Ложь внушается главнокомандующим и за нее ведется агитация. Те, кто знаком с воинской дисциплиной, поймут хорошо, какое впечатление должна была произвести на главнокомандующих эта телеграмма Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего. Телеграмму революционного комиссара Бубликова по железным дорогам Ставка приняла спокойно, и генерал-квартирмейстер Лукомский наивно говорит, что „она не страшна, ибо призывает к порядку“. Самого же Бубликова Ставка именует „министром“, чего тот не удостаивается даже от сотоварищей по революции.

К телеграммам Родзянко о захвате власти генералы Ставки относятся спокойно. С главой революционного правительства Алексеев дружески беседует по прямому проводу.

1 марта генералом Алексеевым с ближайшими помощниками была составлена телеграмма Государю с ходатайством {243} о даровании ответственного министерства и об издании о том акта, который бы успокоил население, но не знали, куда послать ее. Ставка, обладая всею полнотою власти, даже не знала, где находится Государь. И это в то время, когда революционная власть в лице энергичных инженеров Бубликова и Ломоносова, уже овладела движением императорских поездов. Таков был результат предательства генерала Кислякова и уступчивости Алексеева.

В 11 часов утра телеграфная связь Ставки с Царским Селом была прервана, прервано и радио, по распоряжению полковника Энгельгардта. Все телеграммы из Ставки для Ц. Села и Петрограда приказано было направлять в Гос. Думу по прямому проводу, где был установлен аппарат Юза.

Около часу в Управлении железных дорог, у генерала Тихменева, переговорами со Псковом узнали, наконец, что литерные поезда, повернув обратно, идут к Пскову.

В 4 ч. 5 м. дня помощник Алексеева, генерал Клембовский, получил телеграмму из Пскова от генерала Данилова о том, что ввиду ожидающегося через два часа проследования через Псков поезда Лит. А, генерал Рузский просит ориентировать его срочно — откуда у Алексеева сведения, заключенные в телеграмме 1833. Понимая всю лживость успокоительной телеграммы № 1833, Рузский, не любивший Алексеева, не постеснялся дать понять Ставке его недоверие к сообщенным сведениям.

Узнав теперь, где находится Государь, Алексеев начинает действовать непосредственно на Государя в направлении, желательном для возглавителей революции. Алексеев и Лукомский теперь главные пособники революции.

В 3 ч. 58 м. дня от генерала Алексеева была принята во Пскове телеграмма для Государя (№ 1847). Сообщив в ней донесение генерала Мрозовского о начавшихся в Москве беспорядках и забастовках, Алексеев докладывал:

„Беспорядки в Москве, без всякого сомнения, перекинутся в другие большие центры России, и будет окончательно {244} расстроено и без того неудовлетворительное функционирование железных дорог. А так как армия почти ничего не имеет в своих базисных магазинах и живет только подвозом, то нарушение правильного функционирования тыла будет для армии губительно, в ней начнется голод и возможны беспорядки.

Революция в России, а последняя неминуема, раз начнутся беспорядки в тылу, — знаменует собой позорное окончание войны со всеми тяжелыми для России последствиями. Армия слишком тесно связана с жизнью тыла, и с уверенностью можно сказать, что волнения в тылу вызовут таковые же в армии. Требовать от армии, чтобы она спокойно сражалась, когда в тылу идет революция, невозможно.

Нынешний молодой состав армии и офицерский состав в среде которого громадный процент призванных из запаса и произведенных в офицеры из высших учебных заведений, не дает никаких оснований считать, что армия не будет реагировать на то, что будет происходить в России. Мой верноподданнический долг и долг присяги обязывает меня все это доложить Вашему Императорскому Величеству. Пока не поздно, необходимо принять меры к успокоению населения и восстановить нормальную жизнь в стране.

Подавление беспорядков силою, при нынешних условиях, опасно и приведет Россию и армию к гибели. Пока Государственная Дума старается водворить возможный порядок, но если от Вашего Императорского Величества не последует акта, способствующего общему успокоению, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов и Россия переживет все ужасы революции. Умоляю Ваше Величество, ради спасения России и династии, поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия и поручить ему образовать кабинет.

В настоящее время это единственное спасение. Медлить невозможно и необходимо это провести безотлагательно. Докладывающие Вашему Величеству противное, бессознательно и преступно ведут Россию к гибели и позору и создают опасность для династии Вашего Императорского Величества. 1847. Генерал-адъютант Алексеев".

Из Ставки просили доложить Рузскому, не будет ли признано возможным, послать навстречу офицера генерального штаба, который бы мог доставить эту депешу.

В 5 ч. 40 м. генерал Клембовский передал по проводу ген.-квартирмейстеру Болдыреву следующее:

„Наштаверх и В. К. Сергей Михайлович просят Главнокомандующего всеподданейше доложить Его Величеству о безусловной необходимости принятия тех мер, которые указаны в телеграмме генерала Алексеева, Его Величеству, т. к. им это представляется единственным выходом из создавшегося положения.

Так как главнокомандующий, по-видимому, держится тех же взглядов, как и Наштаверх, то исполнение просьбы их не представит затруднений для него и, может быть, закончится успешно.

Вел. Князь Сергей Михайлович, со своей стороны, полагает, что наиболее подходящим лицом был бы Родзянко, пользующийся доверием. Передайте, пожалуйста, всё это на вокзал главнокомандующему, по возможности безотлагательно до прихода поезда".

В Ставке, у высшего командования, была паника. Ставка, не сумевшая поставить, хотя бы только удовлетворительно, дело внутренней разведки и информации, продолжала пребывать в полном незнании и непонимании того, что происходит в Петрограде. Мы уже видели, что ее несколько дней „верноподданнически" обманывал Беляев. Теперь ее уже революционно морочил Родзянко. Ставка не имела никакого понятия, что представлял собою в это время Родзянко и верила в его искренность и

деловитость, в чем Алексеев раскается (и засвидетельствует это) на следующий же день после отречения.

В 4 ч. 59 м. из Ставки сообщили для доклада Государю, что в Кронштадте беспорядки, а Москва охвачена восстанием и войска переходят на сторону мятежников. Что начальник Балтийского флота адмирал Непенин признал Временный {246} Комитет. Ставка сообщала также, что сведения телеграммы № 1833 (известная идиллия о спокойствии в столице: составлены по различным источникам, „считающимися достоверными«).

В 5 ч. 53 м. из Ставки была передана для Государя телеграмма адмирала Русина, что в Кронштадте анархия, славный командир порта убит, офицеры арестованы. Русин передавал телеграмму Непенина, в которой последний докладывал Государю „свое искренне убеждение в необходимости пойти навстречу Гос. Думе, без чего немислимо сохранить в дальнейшем не только боевую готовность, но и повиновение частей".

Таковы были доклады и сведения, сообщенные из Ставки во Псков генералу Рузскому, перед приездом туда Государя Императора.

*

Генерал-адъютант Рузский считался либералом. То был любимец оппозиции и ее печати. Последней он много обязан своей славой по Галиции, которую многие военные тогда оспаривали. К Государю, как монарху, Рузский относился критически, к Государю, как Верховному Главнокомандующему, еще больше. Последнее во многом объяснялось его неприязнью к генералу Алексееву. Назначение Алексеева Наштаверхом до самой смерти обижало Рузского.

Либералы-заговорщики, мечтавшие о дворцовом перевороте, старались своевременно обеспечить себе свободу действий со стороны генерала Рузского, которому до начала февраля подчинялись все войска Петрограда. Приезд Рузского зимою в Петроград был умно использован теми, кому то было нужно.

На фронт к Рузскому ездил сам великий авантюрист А. И. Гучков и имел с ним важные переговоры. Ездили к Рузскому и те представители думских и общественных кругов, которые посетили Алексеева в Севастополе и спрашивали его мнение по поводу подготавливавшегося переворота. Алексеев рассказывал позже генералу Деникину, что он просил этих представителей „во имя сохранения армии не {247} делать этого шага" и представители обещали. Но, по словам Алексеева: „те же представители, вслед затем посетили Брусилова и Рузского и, получив ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение; подготовка переворота продолжалась" (Деникин. „Очерки Русской Смуты" ч. I).

О таком настроении Рузского знал Протопопов. Царица Александра Федоровна к концу 1916 г. уже не доверяла Рузскому, была уверена, что „он предаст", хотя раньше, перед вторым назначением его на Северный фронт, за Рузского „усердно молился" Распутин.

Это недоверие к Рузскому и было главной причиной изъятия из его командования Петрограда и назначения туда Хабалова. Мера, обидевшая сильно Рузского и настроившая его еще больше против Их Величеств и возненавидевшего уж окончательно Протопопова.

В штабе Рузского, более чем где-либо, вырисовывалось двойное направление штабных офицеров и генералов того времени.

Одни, большею частью чины Генерального Штаба, были настроены либерально. Они симпатизировали Гос. Думе, считали необходимым введение конституции. В их глазах (в интимных, конечно, беседах), Государь был лишь „полковник“, не окончивший Академию Генерального Штаба, и, потому непригодный быть Верховным Главнокомандующим. Эту должность должен был занимать кто-либо из генералов. По их мнению, это было необходимое условие для успешного окончания войны, хотя они отлично знали, что всеми операциями руководит, конечно, Алексеев и что Государь является лишь символическим Верховным и помогает Алексею и способствует успеху дела своим царским авторитетом.

ы

Другая часть штабного офицерства и генералитета, вообще, была предана Государю беззаветно, без критики и рассуждений. Однако, в порядке службы, перед революцией, все офицеры и генералы были верны Государю Императору по долгу присяги, исключая самого генерала Рузского. {248} Рузский, узнав о готовившемся государственном перевороте с отречением Государя, узнав до начала беспорядков, не предупредил о том Государя, хотя и мог то сделать непосредственно, как генерал-адъютант Его Величества и главнокомандующий.

Не предупредил таким же преступным образом, как не предупредили Государя его генерал-адъютанты Алексеев, Брусилов, Эверт.

Помимо традиционной честности солдатской, чем гордились наши отцы, деды и прадеды, эти генерал-адъютанты не чувствовали, не сознавали, к чему их обязывает это особенное звание по отношению к монарху.

Начавшаяся революция вскрыла настоящее лицо генерала Рузского. Получив 27 февраля телеграмму от Родзянко с просьбой поддержать перед Государем его ходатайство о формировании нового правительства, Рузский в тот же день послал Государю депешу, в которой высказывал соображения, приведенные в главе 36, и говорил: „Позволяю себе думать, что, при существующих условиях, меры репрессий могут скорее обострить положение, чем дать необходимое удовлетворение“.

С тех пор Рузский еще больше утвердился в мысли о необходимости идти на уступки. Исполняя в точности все полученные из Ставки приказания по командировке войск в Петроград, Рузский был против подавления революции вооруженной силой. Такого же мнения держался и его начальник штаба генерал Юрий Данилов. Оба генерала, рискуя на фронтах тысячами жизней честных воинов (а Ставка с генералом Даниловым погубила в свое время, благодаря оплошности, целый корпус Самсонова), по какому-то странному умозаключению, жалеют применить оружие против банд разнузданных бунтовщиков и щадят их.

Получив все указанные выше документы и сведения, Рузский решил доказать Его Величеству необходимость дарования ответственного министерства. Таково было настроение Рузского, когда, в 7 ч. 10 м., он входил в салон Государя {249} Императора. Государь в черкеске, с кинжалом и с Георгием на груди, как всегда, встретил его спокойно и приветливо.

Выслушав краткий доклад о положении на фронте, Государь спокойно рассказал как его поезд задержали в Малой Вишере, как решили повернуть и проехать в Ц. Село через Псков.

Сообщил, что вызвал для переговоров Родзянко. Рузский просил разрешения сделать доклад о Петроградских событиях, согласно полученным документам, и Государь назначил ему доклад на 9 часов вечера, после обеда.

Получив приглашение к высочайшему столу, Рузский, в ожидании обеда, прошел в одно из купе свиты. В изнеможении он опустился на мягкий диван. Свита забросала генерала вопросами. Рузский раздраженно отвечал, что теперь уже трудно что-либо сделать. Генерал с досадой и горечью говорил о потерянном времени, о Распутине, о Протопопове, о том, что посланные в Петроград войска надо отозвать. На повторные тревожные вопросы Рузский даже бросил фразу что, может быть, придется „сдаваться на милость победителей“.

Фраза эта больно ударила по присутствующим. Сразу установилось враждебное отношение к Рузскому. Все решили, что Рузский уже „на их стороне“. Попросили обедать. К обеду были еще приглашены: губернатор, генералы Данилов, Савич и Ежов. Обед прошел тягостно для всех и казался бесконечным. Государь спокойно разговаривал с сидевшими по сторонам его Рузским и Фредериксом.

После обеда Государь прошел в свой вагон и принял губернатора Кокшарова. Государь был мил, спокоен, ни одним словом не обмолвился о текущих событиях и лишь расспросы о губернаторском доме были так подробны, что губернатор даже подумал не предполагает ли Государь приехать жить из Могилева во Псков.

Генерал Рузский, после обеда, придя к докладу, оставался в одном из купе с некоторыми лицами свиты и с Воейковым. Взорвала ли Рузского неуместная напускная веселость, которой Воейков старался скрыть свое волнение, и {250} его шутки при развешивании каких-то картинок у себя в купе, как говорил позже Рузский, или раздраженный тем, что ему приходится ждать долго приема, но только Рузский позволил себе довольно резко обратиться к Воейкову с упреками.

— Вот что вы наделали, вся ваша распутинская клика... до чего теперь довели Россию...

Не будучи никогда поклонником Распутина и зная хорошо как в свое время он, Рузский, прибегал телеграммами к молитвам „старца“, Воейков и как воспитанный человек, и младший в чине военный, отвечал корректно и сдержанно, но сцена произошла неприятная. А Рузский еще более разнервничался. Его попросили к Государю.

До его прихода Государю уже была доложена Фредериксом телеграмма, полученная им от генерал-адъютанта Брусилова, который просил доложить Государю его „прошение признать совершившийся факт и мирно и быстро закончить страшное положение дел“. Что считал он совершившимся фактом — трудно сказать.

Рузский вошел к Государю. Его Величество предложил ему сесть. Начался доклад. Встретились два противника: Государь, деликатный, спокойный, редкого самообладания человек, но усталый и поколебленный в два последних дня в своих политических взглядах, и генерал Рузский, нервно расстроенный, таящий обиду на Монарха, охваченный революционным психозом и дерзающий спорить с Монархом о чуждых его пониманию и знанию делах государственного управления.

Спорить смело, дерзко и даже минутами со свойственной некоторым военным солдатской грубостью.

Доложив Государю все полученные телеграммы, Рузский стал горячо доказывать необходимость дарования ответственного

министерства. Государь возражал, доказывая, что он, по силе основной клятвы перед Богом, не может предоставить управление страной случайным людям, которые {251} сегодня могут принести России необычайный вред, как правительство, а завтра отойдут от власти, как ни в чем ни бывало. Рузский горячился, доказывая необходимость реформы. Разговор был прерван срочным вызовом Руского к приехавшему из города начальнику штаба генералу Данилову.

Последний привез полученную для Государя в 10 ч. 20 м. телеграмму от генерала Алексеева следующего содержания:

— Е. И. В. Ежеминутно растущая опасность распространения анархии по всей стране, дальнейшего разложения армии и невозможность продолжения войны при создавшейся обстановке настоятельно требуют немедленного издания высочайшего акта, могущего еще успокоит умы, что возможно только путем призвания ответственного министерства и поручения составления его председателю Государственной Думы.

Поступающие сведения дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти. Но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами. Ввиду этого усердно умоляю Ваше Императорское Величество соизволить на немедленное опубликование из Ставки нижеследующего манифеста:

„Объявляем всем нашим верным подданным. Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей родиной. Близок решительный час. Судьба России, честь геройской нашей армии, благополучие народа, все будущее дорогого нашего отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко, из лиц пользующихся доверием всей России.

{252} Уповаю, что все верные сыны России, тесно объединившись вокруг престола и народного представительства, дружно помогут доблестной нашей армии завершить ее великий подвиг.

Во имя нашей возлюбленной родины, призываю всех русских людей к исполнению своего святого долга перед ней, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее.

Да поможет вам Господь Бог. 1865. Ген-ад. Алексеев."

Взяв телеграмму и поручив Данилову вызвать к прямому проводу Родзянко, Рузский вернулся к Государю. Государь стал читать присланное. Манифест был красив, прост и понятен. Государь стал склоняться к уступке. Затем он прервал доклад, сказав, что составит телеграмму Родзянко и через несколько минут попросит Руского.

Рузский прошел в купе Фредерикса. Вскоре Государь пригласил Воейкова и передал ему телеграмму для отправки Родзянке. Выйдя с телеграммой и увидав генерала Данилова в соседнем купе, Воейков обратился к нему с просьбой дать ему возможность переговорить с Родзянко. На этот разговор вышел Рузский и резко заявил Воейкову, что **не допустит** его говорить с Родзянко.

Что здесь во Пскове все переговоры должны вестись через него, как через **генерал-адъютанта**. На этот резкий разговор вышел из купе Фредерикс. Узнав в чем дело, он взял телеграмму и пошел с Воейковым к Государю. Фредерикс доложил Государю о случившемся инциденте. Государь печально улыбнулся, махнул рукой и приказал **отдать** телеграмму Рузскому.

Когда Фредерикс передал телеграмму Рузскому с просьбой переслать ее Родзянко, Рузский прочел ее и нашел, что в ней не сказано об **ответственном министерстве перед** Думой. Граф Фредерикс вновь пошел к Государю и телеграмма была исправлена по желанию Рузского.

В 12 ч. 5 м. ночи Рузский вновь вошел к Государю. Теперь доклад касался подавления восстания вооруженной силою. Рузский сумел убедить Государя приостановить **{253}** репрессивные меры против революции. Он убедил, прежде всего, приостановить действия генерала Иванова. Согласившись и на это, Государь в первом часу ночи послал Иванову, в Ц. Село телеграмму, приведенную в главе „38". Рузский же поспешил отдать распоряжение о возвращении на фронт взятых от него войск и телеграфировал Алексееву об отзывании войск, посланных с Западного фронта.

Так, по докладу генерала Рузского, был ликвидирован вопрос о вооруженном подавлении революции.

Во втором часу ночи (на 2 марта) Рузский вышел от Государя. Генерал был взволнован. Он поехал с Даниловым в штаб, где предстоял разговор с Родзянко.

Государь долго не ложился спать. Было около пяти часов утра, когда Государь дал для отправки генералу Алексееву, в Ставку, следующую телеграмму: „Можно объявить представленный манифест, пометив его Псковом. НИКОЛАЙ".

В тот вечер Государь был побежден. Рузский сломил измученного, издерганного морально Государя, не находившего в те дни около себя серьезной поддержки.

Государь сдал морально. Он уступил силе, напористости, грубости, дошедшей один момент до топания ногами и до стучания рукою по столу.

Об этой грубости Государь говорил с горечью позже своей Августейшей матушке и не мог забыть ее даже в Тобольске. (Об этом случае вдовствующая Императрица Мария Федоровна говорила графине Воронцовой-Дашковой, графу Гендрикову, князю Долгорукову, графу Д. Шереметьеву. Трое последних лично передавали это автору настоящих строк. Граф Гендриков писал о том в журнале „Двуглавый Орел" № 29.).

Уступив Рузскому и Алексееву, Государь как бы признал свою ошибку в прошлом и тем уронил в их глазах свой авторитет правителя и самодержца. Почва для утренней атаки на Государя была подготовлена.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ.

— Историческая ночь на 2 марта в Таврическом дворце. — Совещание Временного Комитета Государственной Думы и Исполкома. — Различие во взглядах. — Вопрос о монархии. — Победа Исполкома. — Разговор Родзянко по прямому проводу с генералом Рузским. — Передача разговора генералу Алексееву. — Признание в Штабе Рузского революционного правительства. — Доклад Родзянко Временному Комитету о разговоре с Рузским. — Приезд Гучкова и решение об отречении. — Поручение Временного Комитета Гучкову и Шульгину ехать к Государю и просить об отречении.

В то самое время, как во Пскове генерал Рузский добивался у Государя дарования ответственного министерства, в Петрограде, на совещании Временного Комитета с представителями Исполкома, решалась судьба и Государя, и династии, и монархии, как формы правления России. Революция быстро делала свои завоевания. Совещание началось в 12 ч. ночи под председательством Родзянко. Присутствовали от Вр. Комитета: Милюков, Шульгин, Львов, Некрасов, Чхеидзе, Годнев, Керенский, Шидловский и еще кто-то.

От Исполкома явились: Соколов, Стеклов-Нахамкес и Суханов-Гиммер, не считая Чхеидзе и Керенского. Начался бой представителей либеральной буржуазии с таковыми же от революционной демократии. Первые, напуганные революцией, думали о России и о том, как бы ввести революцию в желаемое ими русло. Вторые, восхищенные революцией, думали только о ней, об ее углублении и использовании. Керенский, принадлежа по существу к первым, по форме больше принадлежал ко вторым и метался между двух огней, стараясь примирить обе стороны.

Родзянко, Милюков и другие члены Временного Комитета нападали на депутатов Исполкома за их демагогию и убеждали их спасти офицеров от начавшихся преследований, самосудов и убийств. Для Исполкома офицеры были враги революции. Шел долгий бесплодный спор. Уступив, наконец, буржуазии, решив опубликовать в защиту офицерства, прокламацию, Исполком поручил ее составление Соколову. Прокламация вышла погромная. Опять начался спор и вопрос уладился лишь тогда, когда за офицеров вступился Керенский и убедил своих сотоварищей уступить.

Уже возбужденные друг против друга спорами, приступили к вопросу о составе правительства и, наконец, перешли к вопросу о монархии.

Представители Исполкома требовали, чтобы намеченное Временное правительство не принимало никаких шагов, предрешающих будущую форму правления для России. Против этого горячо восстал Милюков. Милюков горячо отстаивал {258} установление конституционной монархии при малолетнем Царе Алексее Николаевиче, при Регенте В. К. Михаиле Александровиче.

Милюкова поддерживали другие депутаты. Против горячо выступали: Соколов, Чхеидзе, Суханов-Гиммер, Нахамкес. Все указывали на, якобы, существующую ненависть к монархии среди „народа“, на ненависть к Государю и династии. Депутаты спорили, но единый фронт от буржуазии был неожиданно нарушен Владимиром Львовым, правым, который, вдруг, ополчился против монархии и заявил себя горячим республиканцем.

В разгорячивших всех спорах представители Исполкома не скрывали, что „народ" Петрограда и солдаты на их стороне. Что у них сила, у них большинство, а потому их требования должны быть исполнены, иначе они их всё равно достигнут. Спор продолжался и разгорячивший всех вопрос о монархии или республике в будущем так и остался нерешенным, но отречение Императора Николая II было как бы бесспорно санкционировано обеими сторонами. О нем даже не спорили.

В самый разгар спора председателю Родзянко доложили, что его просят в Главный штаб к прямому проводу для разговора с генералом Рузским. Разнервничавшийся Родзянко заявил, что он без охраны Исполкома не поедет. Что Исполком хозяин положения. — Что же, у вас сила и власть, — возбужденно говорил Родзянко, — вы можете меня арестовать, вы, может быть, всех нас скоро арестуете, мы знаем.

Председателя старались успокоить, но охрану от Исполкома Соколов ему все-таки дал. И Родзянко, которого в Ставке считали всесильным и чуть не диктатором поехал в Главный штаб с охраной Исполкома.

Было 3 часа 20 минут ночи 2 марта когда начался исторический разговор Родзянко с Рузским, разговор, возымевший решительное влияние на вопрос об отречении Императора Николая II.

{259} В аппаратной комнате Штаба Северного фронта во Пскове, в глубоком кресле сидел усталый, изнервничавшийся за ночь генерал Рузский. Он говорил свои мысли находившемуся у аппарата генералу Юрию Данилову и уже последний формулировал их и диктовал для передачи по аппарату.

ПЕТРОГРАД — Доложите генералу Рузскому, что подходит к аппарату Председатель Государственной Думы Родзянко.

ПСКОВ — У аппарата ген.-адъютант Рузский.

РУЗСКИЙ — Здравствуйте Михаил Владимирович. Сегодня, около семи часов вечера, прибыл в Псков Государь Император. Его Величество при встрече мне высказал, что ожидает вашего приезда. К сожалению затем выяснилось, что ваш приезд не состоится, чем я был глубоко опечален. Прошу разрешения говорить с вами с полной откровенностью; этого требует серьезность переживаемого времени. Прежде всего я просил бы вас меня осведомить для личного моего сведения истинную причину отмены вашего прибытия во Псков. Знание этой причины необходимо для дальнейшей нашей беседы.

РОДЗЯНКО — Здравствуйте, Николай Владимирович. Очень сожалею, что не могу приехать. С откровенностью скажу, причин моего неприезда две: во-первых, эшелоны, вами высланные в Петроград, взбунтовались, вылезли в Луге из вагонов, объявили себя присоединившимися к Государственной Думе и решили отнимать оружие и никого не пропускать, даже литерные поезда. Мною немедленно были приняты меры, чтобы путь для поезда Его Величества был свободен. Не знаю, удастся ли это.

Вторая причина — полученные мною сведения, что мой приезд может повлечь за собою нежелательные последствия и невозможность остановить разбушевавшиеся народные страсти **без личного присутствия**, так как до сих пор верят только мне и исполняют только мои приказания.

РУЗСКИЙ — Из бесед, которые Его Величество вел сегодня со мною, выяснилось, что Государь Император {260} предполагал предложить вам составить министерство, Ответственное перед Его Величеством, но затем, идя навстречу общему желанию законодательных учреждений и народа, отпуская меня, Его Величество выразил окончательное решение и уполномочил меня довести до вашего сведения об этом — дать ответственное перед законодательными палатами министерство с поручением вам образовать кабинет. Если желание Его Величества найдет в вас отклик, то спроектирован манифест который я мог бы сейчас же передать вам.

Манифест этот мог бы быть объявлен сегодня, второго марта, с пометкой — Псков. Не откажите в ваших соображениях по всему вышеизложенному.

РОДЗЯНКО — Я прошу вас проект манифеста, если возможно, передать теперь же. Очевидно, что Его Величество и вы не отдаете отчета в том, что здесь происходит. Настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так-то легко, — в течение двух с половиной лет я неуклонно при каждом моем всеподданнейшем докладе предупреждал Государя Императора о надвигающейся грозе, — если не будут немедленно сделаны уступки, которые могли бы удовлетворить страну.

Я должен вам сообщить, что в самом начале движения власти, в лице министров, стужевались и не принимали решительно никаких мер предупредительного характера. Немедленно же началось братание войск с народными толпами, войска не стреляли, а ходили по улицам и им толпа кричали „ура". Перерыв занятий законодательных учреждений подлил масла в огонь, и мало-помалу наступила такая анархия, что Гос. Думе вообще, а мне в частности, оставалось только попытаться взять движение в свои руки и стать во главе, для того, чтобы избежать такой анархии при таком расслоении, которое грозило гибелью государства.

К сожалению, это мне далеко не удалось, народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно, войска окончательно деморализованы. Не только не слушаются, но убивают своих офицеров. Ненависть к {261} Государыне Императрице дошла до крайних пределов. Вынужден был всех министров, во избежание кровопролития, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость. Очень опасаясь, что такая же участь постигнет и меня, так как агитация направлена на всё, что более умеренно и ограничено в своих требованиях. Считаю нужным вас осведомить, что то, что предлагается вами, уже недостаточно и **династический вопрос поставлен ребром**. Сомневаюсь, чтобы возможно было с этим справиться.

РУЗСКИЙ — Ваши сообщения, Михаил Владимирович, действительно рисуют обстановку в другом виде, чем она рисовалась здесь, на фронте. Если страсти не будут умиротворены, то ведь нашей родине грозит анархия надолго, и это, прежде всего, отразится на исходе войны. Между тем, затратив столько жизней на борьбу с неприятелем, нельзя теперь останавливаться на полдороге и необходимо довести ее до конца, соответствующего нашей великой родине. Надо найти средство для умиротворения страны. Прежде передачи вам манифеста, не можете ли мне сказать, в каком виде намечается разрешение династического вопроса?

РОДЗЯНКО — С болью в сердце буду теперь отвечать, Николай Владимирович, Еще раз повторяю, **ненависть к династии** дошла до крайних пределов, но весь народ, с кем бы я ни говорил, выходя к толпам, войскам, решил твердо войну довести до победного конца и в руки немцам не даваться. К Государственной Думе примкнул весь Петроградский и Царскосельский гарнизоны, то же самое повторяется во всех городах, нигде нет разногласия, везде войска становятся на сторону Думы и народа и грозное требование отречения в пользу сына при регенстве Михаила Александровича становится определенным требованием. Повторяю, со страшной болью передаю я вам об этом, но, что же делать. В то время, когда народ, в лице доблестной нашей армии, проливал свою кровь и нес неисчислимые жертвы, правительство положительно издевалось над нами, — вспомните освобождение Сухомлинова, Распутина и всю его клику, вспомните — Маклакова, Штюмерера, Протопопова, все {262} стеснения горячего порыва народа помогать по мере сил войне, назначение Голицына, расстройство транспорта, денежного обращения и непринятие никаких мер к смягчению условий жизни.

Постоянные аресты, погоня и розыски несуществующей тогда еще революции. Изменение состава законодательной палаты в нежелательном смысле. Вот те причины, которые привели к этому печальному концу.

Тяжкий ответ перед Богом взяла на себя Государыня Императрица, отвращая Его Величество от народа.

Присылка им генерала Иванова с Георгиевским батальоном только подлила масла в огонь и приведет только к междоусобному сражению, так как сдержать войска, не слушающиеся своих офицеров и начальников, решительно никакой возможности нет. Кровью обливается сердце при виде того, что происходит. Прекратите присылку войск, так как они действовать против народа не будут. Остановите ненужные жертвы.

РУЗСКИЙ — Всё то, что вы, Михаил Владимирович, сказали тем печальнее, что предполагавшийся приезд ваш как бы предвещал возможность соглашения и быстрого умиротворения родины. Ваши указания на ошибки, конечно, верны, но ведь это ошибки прошлого, которые в будущем повторяться не могут при предлагаемом способе разрешения переживаемого тяжелого кризиса. Подумайте, Михаил Владимирович, о будущем. Необходимо найти такой выход, который бы дал немедленное удовлетворение. Войска на фронте с томительной тревогой и тоской оглядываются на то, что делается в тылу, а начальники лишены авторитетного слова сделать им надлежащее распоряжение.

Переживаемый кризис надо ликвидировать возможно скорее, чтобы вернуть армии возможность смотреть только вперед в сторону неприятеля. Войска в направлении к Петрограду были направлены с фронтов по общей директиве из Ставки, но теперь этот вопрос ликвидируется. Иванову несколько часов тому назад Государь Император дал указания не предпринимать ничего до личного свидания.

Эта {263} телеграмма послана через Петроград и остается только пожелать, чтобы она поскорее дошла до генерала Иванова. Равным образом Государь Император изволил выразить согласие, и уже послана телеграмма два часа тому назад вернуть на фронт все, что было в пути. Вы видите, что со стороны Его Величества принимаются какие только возможно меры и было бы в интересах родины и той ответственной войны, которую мы ведем, желательным, чтобы почин Государя нашел

бы отзыв в сердцах тех, кои могут остановить пожар.

Сообщив затем проект манифеста, генерал продолжал:

— Если будет признано необходимым внести какие-либо частичные поправки, благоволите меня уведомить, равно и об общей схеме такового.

В заключение скажу вам, Михаил Владимирович, я сегодня сделал все, что подсказывало мне сердце и что мог для того, чтобы найти выход в деле обеспечения спокойствия теперь и в будущем, а также для того, чтобы армиям в кратчайший срок обеспечить возможность спокойной работы. Этого необходимо достигнуть в кратчайший срок. Приближается весна и нам нужно сосредоточить все наши усилия на подготовке к активным действиям и на согласовании их с действиями наших союзников. Мы обязаны думать также о них. Каждый день, скажу больше, каждый час в деле водворения спокойствия крайне дорог.

РОДЗЯНКО — Вы, Николай Владимирович истерзали в конец мое и так истерзанное сердце. По тому позднему часу, в который мы ведем разговор, вы можете себе представить, какая на мне лежит огромная работа, но, повторяю вам, я сам вишу на волоске и власть ускользает у меня из рук. Анархия достигает таких размеров, что я вынужден сегодня ночью назначить временное правительство.

К сожалению манифест запоздал. Его надо было издать после моей первой телеграммы немедленно, о чем я горячо просил Государя Императора. Время упущено и возврата нет. Повторяю вам еще раз, народные страсти разгорелись в области ненависти и негодования.

{264} Наша славная армия не будет ни в чем нуждаться. В этом полное единение всех партий. И железнодорожное сообщение не будет затруднено. Надеемся также, что, после воззвания Временного Правительства, крестьяне и все жители повезут на другие станции снаряды и другие предметы снаряжения. Запасы весьма многочисленны, так как об этом всегда заботились общественные организации и Особое совещание. Молю Бога, чтоб он дал сил удержаться хотя бы в пределах теперешнего расстройств умов, мыслей и чувств, но боюсь, как бы не было хуже еще. Больше ничего не могу вам сказать. Помогай вам Бог, нашему славному вождю, в битве уничтожить проклятого немца, о чем в обращении, посланном армии от Комитета Гос. Думы, говорится определенно в виде пожелания успехов и побед. Желаю вам спокойной ночи, если только вообще в эти времена кто-либо может спокойно спать. Глубоко уважающий вас и душевно преданный Родзянко.

РУЗСКИЙ — Михаил Владимирович, еще несколько слов. Дай, конечно, Бог, чтобы ваши мысли в отношении армии оправдались, но имейте в виду, что всякий насильственный переворот не может пройти бесследно. Что, если анархия, о которой говорите вы, перекинется в армию и начальники потеряют авторитет власти, — подумайте, что будет с родиной нашей. В сущности, конечно, цель одна: ответственное министерство перед народом и есть для сего нормальный путь для достижения цели перемены порядка управления государством. Дай Бог вам здоровья и сил для вашей ответственной работы. Глубоко уважающий вас Рузский

РОДЗЯНКО. — Николай Владимирович, не забудьте, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех и тогда все кончится в несколько дней, — одно могу сказать: ни кровопролитий, ни ненужных жертв не будет, я этого не допущу. Желаю вам всего лучшего.

РУЗСКИЙ. — Дай Бог, чтобы все было так, как вы говорите. Последнее слово. Скажите ваше мнение, нужно ли выпускать манифест? {265} РОДЗЯНКО. — Я, право, не знаю, как вам ответить. Всё зависит от событий, которые летят с головокружительной быстротой.

РУЗСКИЙ. — Я получил указание передать в Ставку об его напечатании, а посему это и сделаю, а затем будь что будет. Разговор наш доложу, если вы против этого ничего не имеете.

РОДЗЯНКО. — Ничего против этого не имею и даже прошу об этом.

РУЗСКИЙ. — До свидания, да поможет вам Бог. Разговор окончился в 5 часов утра с минутами, 2 марта.

*

По содержанию разговора с генерал-квартирмейстером Болдыревым было составлено сообщение для генерала Алексеева, которое составлялось по мере хода самого разговора. Генерал Данилов проредактировал сообщение, а генерал Рузский внимательно просмотрел его и вычеркнул (по словам Болдырева) подробности по династическому вопросу, сказав: — „подумают еще, что я был между ними посредником в этом вопросе". Генерал Рузский ушел спать.

В 5 ч. 48 м. утра это сообщение было протелеграфировано в Могилев генералу Алексееву (№ 1224. Б) за подписью генерала Данилова. В конце телеграммы было сказано: „Так как об изложенном разговоре Главкосев может доложить Государю только в 10 часов, то он полагает что было бы более осторожно не выпускать манифеста до дополнительных указаний Его Величества.

Выполнив работу, генерал Данилов также ушел отдохнуть до утра. Однако, и он, и генерал Рузский были разбужены генералом Болдыревым, который пришел спросить можно ли пропустить напечатанные в газете „Псковская Жизнь" различные сообщения от нового правительства.

{266} Обсудив вопрос, генерал Рузский разрешил напечатание их, но как бы явочным порядком от редакции. Так жизнь требовала уступок революции, хотя на станции находился Государь Император.

Немного же спустя, по фронту было отдано распоряжение, что генерал Рузский находит соответственным распространение заявлений Временного Комитета, касающихся мероприятий по успокоению населения и по приливу продовольствия.

*

В то же время, как во Пскове осведомляли Ставку о разговоре Главкосева с Родзянко, сам Родзянко делал о нем сообщение Временному Комитету Гос. Думы. В комнате присутствовало при этом, по словам Шульгина, человек восемь, считая его и Милюкова. Родзянко прочел ленты разговора и прочел телеграмму от генерала Алексеева, который, по словам Шульгина, „находил необходимым отречение Государя Императора („Дни", стр. 237).

Присутствовавшие находили, что отречение необходимо. В тот момент приехал А.И. Гучков, который, как председатель Военной комиссии, всё время объезжал полки и вокзалы и принимал меры обороны Петрограда. Гучков был особенно возбужден и взволнован, так как его автомобиль только что был обстрелян солдатами и ехавший с ним князь Вяземский был убит. Гучков горячился, что положение ухудшается с каждым часом. Анархия растет.

С минуты на минуту можно ожидать резни всех офицеров. Надо что-то делать. Надо совершить нечто, что сразу бы изменило всё положение и спасло бы и офицерство, и династию, и монархию. Необходимо отречение Государя.

Надо дать России нового монарха, с которым бы примирился „народ". Гучков, давно мечтавший об отречении Государя, предлагал собравшимся послать его к Государю просить отречения в пользу Наследника. Он заявил, что если Комитет не решится на этот шаг, то он, Гучков, все равно выполнит его на свой риск и страх. Присутствующие решили, что Гучков поедет, как уполномоченный от Временного Комитета Гос. Думы. Гучков просил послать с ним еще {267} кого-нибудь. Вызвался ехать Василий В. Шульгин, монархист. Никто не протестовал. Позже Шульгин писал:

„Мы обменялись еще несколькими словами. Я постарался уточнить. Комитет Государственной Думы признает единственным выходом из данного положения отречение Государя Императора, поручает нам двоим доложить об этом Его Величеству и, в случае его согласия, поручает привести текст отречения в Петроград. Отречение должно произойти в пользу Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Мы должны ехать, конечно, в полной тайне". („Дни".) В шестом часу утра А. И. Гучков и В. В. Шульгин покинули Таврический Дворец и затем сумели уехать во Псков.

Во Псков в лице их ехали не выбранные делегаты от Государственной Думы, как то думают многие и поныне, а два добровольца-политикана, на поездку которых согласились семь или восемь усталых, растерявшихся членов Временного Комитета Государственной Думы, во главе с Родзянко и Милюковым....
{271}

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ.

— День 2 марта в Царском Селе. — Настроение во дворце. — Бунт роты Собственного Железнодорожного полка. — Слухи из Петрограда. — Разгром квартиры Министра двора и артист Мамонт Дальский. — Царица и проект манифеста В. К. Павла Александровича. — В. К. Павел Александрович и Кирилл Владимирович — Уход с охраны рот Гвардейского Экипажа. — Офицеры экипажа. — Письмо Императрицы Государю. — Грабежи в Царском Селе. — Нейтральная зона. — 2 марта в Петрограде. — В Таврическом Дворце. — Впечатление от Приказа № 1. — Образование Временного Правительства. — Министры Керенский и Милюков. — Слухи об отречении Государя и о революции в Германии. — 2 марта в Ставке, в Могилеве. — Генерал Алексеев сторонник отречения Государя. — Разговор генералов Лукомского и Данилова. — Агитация за отречение. — Телеграмма Алексеева всем Главнокомандующим. № 1872 по вопросу отречения. — Генерал Алексеев агитирует за отречение. — Переговоры генералов: Алексеева с Брусиловым, Клембовского с Эвертом, Лукомского с Сахаровым. — Телеграммы генералу Рузскому и В. К. Николаю Николаевичу. — Ответы главнокомандующих. — Составление доклада Государю.

С утра 2 марта в Царскосельском дворце царила большая тревога. Из города шли слухи, что готовится нападение на дворец. На Павильоне ночью взбунтовалась рота Железнодорожного полка, охранявшая Павильон и пути к нему. Убили двух офицеров; рота ушла в Петроград. Из Петрограда сообщили, что толпа разгромила и подожгла дом Министра Двора графа Фредерикса, считая что он немец. Толпой громил руководил красавец артист, любимец провинциальных сцен Мамонт Дальский. Он вдруг сделался анархистом и стал во главе одной из банд.

Дальский не стеснялся хвастаться позже, какие вещи он отобрал для себя из квартиры Фредерикса и в их числе громадное чучело медведя, стоявшее при входе. Больную графиню едва спасли и увезли в один из госпиталей.

В 11 часов утра генерал Гротен, в присутствии графа Бенкендорфа, вручил Императрице пакет от В. К. Павла Александровича. Граф прочитал Ее Величеству заключающийся там акт. То был как бы манифест с обещанием конституции после окончания войны. Императрица выслушала документ, ничего не ответила и спрятала его.

В тот же день в письме Государю Императрица уделила этому документу такие строки: — „Павел, получивший от меня страшнейшую головомойку за то, что ничего не делал с гвардией, старается теперь работать со всех сил и собирается спасти всех нас благородным и безумным способом: он составил идиотский манифест относительно конституции после войны и т. д.“

Но Великий Князь, несмотря на отказ Императрицы подписать тот манифест, сам подписал тот документ, собрал {272} под ним подписи нескольких членов династии и отправил его в Государственную Думу. Там документ был принят Милюковым. Он прочитал его, сказал что-то и спрятал его в карман. Великий Князь не ограничился этим. Услышав о проекте отречения Государя, Вел. Князь написал Вел. Князю Кириллу Владимировичу следующее письмо:

„Ты знаешь, что я, через Н. П. все время в контакте с Государственной Думой. Вчера вечером мне ужасно не понравилось новое течение, желающее назначить Мишу регентом. Может быть это только сплетни, но мы должны быть на чеку и всячески, всеми способами сохранить Ники престол...

Если Ники подпишет манифест о конституции, то ведь этим исчерпываются все требования народа и Временного Правительства. Переговори с Родзянко и покажи ему это письмо. Крепко тебя и Дюкки обнимаю. Твой дядя Павел“.

Вел. Кн. Кирилл Владимирович ответил следующим письмом:

„Дорогой дядя Павел. Относительно вопроса, который тебя беспокоит, до меня дошли одни лишь слухи. Я совершенно с тобой согласен, но Миша, несмотря на мои настойчивые просьбы работать ясно и единогласно с нашим семейством, прячется и только сообщается с Родзянко.

Я был все эти тяжелые дни один, чтобы нести всю ответственность перед Ники и родиной, спасая положение, признавая новое правительство. Обнимаю. Кирилл. 2 марта 1917 г.“

Поведение в те дни Вел. Кн. Кирилла Владимировича вообще и, в частности, его желание; чтобы роты Гвардейского экипажа ушли из Ц. Села в Петроград, находили во дворце самое строгое неодобрение. И вдруг больно всех ударило сообщение, что и последние две роты экипажа (1 и 3) ушли в Петроград. Одна из Александровки, другая с Павильона. Но все 17 офицеров батальона (за исключением молодого Кузьмина), во главе с ком-ром батальона Мясоедовым-Ивановым, явились во дворец в распоряжение Ее Величества. Во дворец же было принесено и сдано знамя экипажа, при котором находился мичман Черемшанский.

{273} Вечером Императрица вышла к офицерам, поблагодарила их за преданность и верную службу и высказала пожелание, чтобы офицеры вернулись в Петроград в свою часть.

Офицеры исполнили желание Ее Величества и в следующие же дни подверглись преследованиям, а некоторые и арестам.

Поздно вечером Императрица написала два одинаковые письма Государю и вручила их молодым офицерам: Соловьеву и Грамотину, пообещавшим доставить их Его Величеству.

Императрица писала:

„...Всё отвратительно и события развиваются с колоссальной быстротой. Но я твердо верю и ничто не поколеблет этой веры — всё будет хорошо.... Ясно, что они хотят не допустить тебя увидеться со мною прежде, чем ты подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или еще какой-либо ужас в этом роде”.

О членах Царской Семьи и о близких служащих Царица писала:

„Борис уехал в Ставку. Георгий в Гатчине, не дает о себе знать и не приезжает. Кирилл, Ксения, Миша не могут выбраться из города, Твое маленькое семейство достойно своего отца. Я постепенно рассказываю о положении старшим и Корове... Беби я сказала лишь половину... Все в отчаянии, что ты не едешь. Лили — ангел, неразлучна, спит в спальне. Мария со мной... Гротен — совершенство. Ресин спокоен. Старая чета Бенкендорф ночует в доме, а Апраксин пробирается сюда в статском. Я пользовалась Линевичем, но теперь боюсь, что и его задержали в городе. Никто из наших не может приехать... Все мы бодрь, не подавлены обстоятельствами, только мучаемся за тебя и испытываем невыразимое унижение за тебя, святой страдалец. Всемогуший Бог да поможет тебе...”

Царица просила Государя носить крест Распутина, „если даже и неудобно, ради моего спокойствия.” То было последнее письмо.

А в Царском шел грабёж. Громили винные магазины. Разнузданные банды солдат бродили по городу. Но между {274} городом и дворцом была установлена нейтральная полоса и банды и толпа за нее не переступали.

Во дворец уже проник слух, что возможно отречение.

Слуху не хотелось верить.

В тот день 2-го марта Таврический дворец кишел толпой, как муравейник. С утра на стенах и заборах появился „Приказ № 1”. Солдаты были в восторге. Офицеры в панике. Во дворе против главного входа нельзя протолкаться — сплошная стена солдат. В комнатах говорят про намеченных новых министров. Портфель министра юстиции, чтобы угодить рабочим, отдан Керенскому, хотя раньше прочно стояла кандидатура Маклакова. Керенский, несмотря на решение Исполкома не входить в правительство, принял портфель и, когда объявил об этом в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, гром аплодисментов как бы санкционировал его назначение. Этому назначению многие, далеко не революционеры, искренне радовались, так как популярность Керенского в массе была велика и он один умел влиять на толпу. Керенский бросил толпе обещание добиться амнистии сосланным большевикам и толпа неистовствовала от восторга.

После 3 час., в Екатерининском зале говорил Миллюков, министр иностранных дел. Он расхваливал военного министра Гучкова и финансов — Терещенко. На сыпавшиеся из толпы вопросы о Государе, о династии, Миллюков заявил:

„Старый деспот, доведший страну до полной разрухи, сам откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту В. Кн. Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей”.

Толпа отвечала протестами и криками „долой, республика, республика". Агенты Исполкома агитировали против династии, уверяя солдат, что каков бы ни был Государь — станут преследовать за революцию. Манифестация против монархии со стороны рабочих и солдат была столь внушительна и так энергично поддержана Исполкомом перед новыми министрами, что Милюкову пришлось заявить толпе, что мнение о будущем монархе и регенте есть его личное мнение.

Так либералы уже сдавали свои позиции революционной демократии.

А между тем, днем появились афиши с телеграммой Вел. Кн. Николая Николаевича, что он коленопреклоненно умолял Государя об отречении. Солдаты неистовствовали от восторга: „Микола", „Миколай Миколаевич за нас, ура, ура. Долой!" Часов после четырех, среди министров уже положительно говорили, что Государь отрекся во Пскове. Кто-то пустил утку, что и в Германии революция. То было напечатано в московском „Русском Слове". Толпа неистовствовала от восторга. Сам председатель Совета Рабочих и Солдатских депутатов, Чхеидзе, по словам Суханова, стоя на столе, „потрясая какими-то скомканными листами бумаги, выкатив глаза, подпрыгивал на столе на пол-аршина и что было сил, кричал ура".

Еще с большим усердием шли аресты. В 6 часов вечера, по личному приказанию Керенского (уже министра юстиции), был арестован генерал Спиридович. За ним приехал офицер Михайловского Артиллерийского Училища с конвоем и генерала доставили сначала в Таврический дворец, откуда, по приказанию Некрасова, отвезли в Петропавловскую крепость. Этим арестом закончилась официальная служба генерала „Царю и Родине". Он был уволен в отставку и содержался под стражей до 2 октября 1917 года.

Между тем, в Ставке Верховного Главнокомандующего, в Могилеве, с утра 2 марта шла лихорадочная работа по свержению Государя с престола. Уже более суток генерал Алексеев стоял за отречение Государя, что, главным образом, и ободряло Родзянко. Рано утром 2 марта генерал Алексеев, ознакомившись с телеграммой ген. Рузского об его разговоре с Родзянко, принял открыто уже сторону тех, кто добивался отречения Государя Императора. С этого момента генерал Алексеев открыто, официально принимает ряд мер, чтобы склонить Государя Императора передать престол Наследнику Цесаревичу.

Около 9 часов утра, по приказанию генерала Алексеева, генерал-квартирмейстер Лукомский вызвал к аппарату генерала Данилова (Псков) и передал ему следующее:

{276} „Здравствуй Юрий Никифорович. У аппарата Лукомский. Генерал Алексеев просит сейчас же доложить Главкосеву, что необходимо разбудить Государя и сейчас же доложить ему о разговоре генерала Рузского с Родзянко. Переживаем слишком серьезный момент, когда решается вопрос свержению Государя с престола. Уже более суток генерал Алексеев убедительно просит безотлагательно это сделать, так как теперь важна каждая минута и всякие этикетки должны быть отброшены.

Генерал Алексеев просит, по выяснении вопроса, немедленно сообщить, дабы официально и со стороны военных властей, сделать необходимое сообщение в армии, ибо неизвестность хуже всего и грозит тому, что начнется анархия в армии. Это официально.

А теперь я прошу тебя доложить от меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся Царская Семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками, как об этом вчера уже сообщал вам генерал Клембовский. Если не согласиться, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война и Россия погибнет под ударами Германии и погибнет вся династия. Мне больно это говорить, но другого выхода нет. Я буду ждать твоего ответа. Лукомский.

В приведенных словах сведения о занятии дворца войсками были совершенно неверны. Ставка или продолжала питаться лживыми сведениями, или застрачивала Псков, дабы подтолкнуть Государя на отречение.

Генерал Данилов, прочтя сообщение Лукомского, спокойно ответил, что через час генерал Рузский будет с докладом у Государя и потому будить генерала раньше времени он не находит возможным. Он сообщил, как трудно было Рузскому убедить Государя дать ответственное министерство и он выразил убеждение, что едва ли возможно будет получить от Государя определенное решение.

{277} Данилов закончил свое сообщение такими словами:

„Много горячих доводов высказал генерал Рузский в разговоре с Родзянко в пользу оставления во главе Государя с ответственным министерством перед народом, но, видимо, время упущено, и едва ли возможно рассчитывать на такое сохранение. Вот пока всё, что я могу сказать. Повторяю, от доклада генерала Рузского я не жду определенных решений”.

Лукомский ответил: „Дай Бог, чтобы генералу Рузскому удалось убедить Государя. В его руках теперь судьба России и Царской Семьи”.

Разговор окончился. Лукомский доложил запись разговора Алексееву. Было ясно, что надеяться на успех убеждения Государя только силою одного Рузского не приходится. Алексеев решил воздействовать на Государя через всех главнокомандующих, включая и Вел. Кн. Николая Николаевича, для чего, предварительно, сговорить, согласовать их на это воздействие. Была ли это личная инициатива самого Алексеева, или инициатива кого-либо из его помощников — неизвестно. Позже Алексеев говорил Лукомскому, что то была инициатива Рузского, но это не подтверждается никакими документами. Во всяком случае, Алексеев приказал Лукомскому и для главнокомандующих была составлена циркулярная телеграмма № 1872 следующего содержания:

„Его Величество находится во Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифест идти навстречу народному желанию — учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Гос. Думы образовать кабинет. По сообщении этого решения, Главкосевом председателю Гос. Думы, последний, в разговоре по аппарату в два с половиной часа 2-го сего марта, ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля, в настоящее же время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшнейших революций, сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы. Председателю Гос. Думы хотя пока и верят, но он опасается, что сдержать народные страсти будет невозможно, что теперь династический вопрос **{277}** поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении

предъявляемых требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича".

Далее в телеграмме следовало уже личное мнение генерала Алексеева.

„Обстановка, невидимому, не допускает иного решения и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армий и работа железных дорог находятся фактически в руках Петроградского Временного Правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первый план хотя бы ценою дорогих уступок.

Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству через Главкосева, известив Наштаверха.

Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установит единство мыслей и целей и спасти армии от колебаний и возможных случаев измены долгу.

Армии должны всеми силами бороться с внешним врагом, а решения относительно внутренних дел должны избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху. 2 марта 1917 г. 10 ч. 15 м. № 1872. Алексеев".

Такова была телеграмма генерала Алексеева, которая, по выражению генерала Лукомского, „подсказывала главнокомандующим ответ, который начальник штаба желал, чтобы они сообщили Государю".

Это неточно. Телеграмма не только „подсказывала" ответ, она подговаривала, убеждала главнокомандующих добиться отречения, она соглашала их на отречение Государя Императора.

В 10 ч. 15 м. утра 2-го марта началась передача этой телеграммы № 1872 одновременно по прямым проводам главнокомандующим Брусилову, Эверту и Сахарову. Началась официально преступная агитация за отречение Царствующего Императора.

Главкомандующему Южным фронтом Брусилову телеграмму передавал сам генерал Алексеев.

Передав всю телеграмму, Алексеев прибавил: — По-видимому из Пскова посланы были повеления генералу Иванову возвратиться как ему самому, так и вернуть все войска, направленные из армии в Царское Село. Сейчас мне сообщили, что генерал Иванов через полчаса вернется в Могилев, чему, однако, я не вполне доверяю. Алексеев. 2 марта, 11 ч.

БРУСИЛОВ ответил: — Колебаться нельзя. Время не терпит. Совершенно с вами согласен. Немедленно телеграфирую через Главкосева телеграмму с всеподданнейшею просьбою Государю Императору. Совершенно разделяю все ваши воззрения. Тут двух мнений быть не может. Кончил.

АЛЕКСЕЕВ продолжал: — Будем действовать согласно. Только в этом возможность пережить с армией ту болезнь, которой страдает Россия и не дать заразе прикоснуться к армии. До свидания. Всего хорошего.

БРУСИЛОВ ответил: — Очевидно, должна быть между нами полная солидарность. Я считаю вас по закону верховным главнокомандующим, пока не будет другого распоряжения.

Да поможет вам Господь.

Главнокомандующему Западным фронтом Эверту телеграмму передавал по проводу помощник начал, штаба генерал Клембовский. Они начали разговор в 10ч. 15м. и окончили в 11 часов.

КЛЕМБОВСКИЙ, передав текст телеграммы, прибавил: — Вот и всё. Если имеете задать вопрос, то я в вашем распоряжении.

ЭВЕРТ: — Этот вопрос может быть разрешен безболезненно для армии, если только он будет решен сверху. В противном случае, несомненно, могут быть и желающие ловить рыбу в мутной воде. Есть ли время сговориться с командующими армиями? Запрошены ли остальные главнокомандующие?

КЛЕМБОВСКИЙ: — Всем главнокомандующим сообщено одно и то же. Время не терпит, дорога каждая минута, иного исхода нет. Государь колеблется. Единогласные мнения главнокомандующих могут побудить его принять решение, единственно возможное для спасения России и династии. При задержке в решении вопроса, Родзянко не ручается за сохранение спокойствия, причем все может кончиться гибельной анархией. Надо иметь в виду, что Царскосельский дворец и августейшая семья охраняются восставшими войсками.

ЭВЕРТ: — Больше ничего не имею.

КЛЕМБОВСКИЙ: — Имею честь кланяться.

Главнокомандующему Румынским фронтом Сахарову телеграмму передавал квартирмейстер генерал Лукомский.

ЛУКОМСКИЙ, подойдя к аппарату в 10 ч. 15 мин., начал:

— Попросите к аппарату главнокомандующего. У аппарата генквартирверх. Для передачи очень срочной и важной депеши и для личных объяснений, если таковые потребуются. Вопрос крайне спешный. Поэтому прошу помощника главнокомандующего не отказать подойти к аппарату возможно скорее.

ДЕЖУРНЫЙ: — Сию секунду доложу.

ЛУКОМСКИЙ: — У аппарата генерал-лейтенант Лукомский. Честь имею кланяться, ваше высокопревосходительство. Генерал Алексеев поручил мне передать вам нижеследующую телеграмму. И Лукомский передал полностью телеграмму № 1872, после чего спросил:

— Нет ли каких-либо вопросов, так как кончил?

САХАРОВ: — У аппарата генерал Сахаров. {281} Здравствуйте, Александр Сергеевич. Скажите пожалуйста, то, что вы сказали, то составляет мнение Михаила Васильевича?

ЛУКОМСКИЙ: — Да, мнение Михаила Васильевича начинается после слов Михаила Александровича, — со слова „Обстановка“. (См. выше — полный текст тел. № 1872).

САХАРОВ: — А от других главнокомандующих есть ответ или нет?

ЛУКОМСКИЙ: — Эта телеграмма одновременно передается всем главнокомандующим. Генерал Алексеев говорит с генералом Брусиловым, генерал Клембовский говорит с генералом Эвертом, мне поручено передать вам и передать в Тифлис.

САХАРОВ: — Повидимому, как ни грустно, а придется согласиться с этим единственным выходом. Телеграмму составлю, но те было ли бы лучше отправить ее после получения от вас окончательного решения, основанного на мнении всех остальных. Но было бы крайне желательно и даже более всего необходимо знать ответ с Кавказа.

ЛУКОМСКИЙ: — Должен доложить, что генерал-адъютант

Рузский, по-видимому, с этим согласен. Генерал Клембовский сейчас мне передает, что генерал Эверт, по-видимому, не находит другого выхода. Лучше всего приготовьте ваш ответ как Алексееву, так и телеграмму Государю, а я вам сейчас же доложу, как только будет получен ответ с Кавказа, после чего вы и пошлете свои телеграммы.

САХАРОВ: — Отлично. Так и сделаю. До свидания, Александр Сергеевич.

ЛУКОМСКИЙ: — До свидания, ваше высокопревосходительство. Разговор окончен 2 марта в 11 ч. 7 м.

В то же время, в 10ч. 50м. телеграмма № 187а была отправлена в Тифлис генералу Янушкевичу для В. К. Николая Николаевича, а также передана и генералу Рузскому.

Ставка очень торопилась и нервничала в деле отречения Государя Императора. В 12ч. 14м. генералу Янушкевичу, {282} за подписью Лукомского, была послана такая телеграмма: — „Генерал Алексеев, вследствие срочности дела, просит сообщить ответ Великого Князя“, на что Янушкевич немедленно телеграфировал: — „Скоро, по окончании редактирования, ответ будет сообщен. Составляется в духе пожеланий генерала Алексеева. Янушкевич“.

Известие о проекте отречения Государя Императора было встречено с большою радостью в Тифлисе, в семье Великого Князя.

Ответ же генерала Янушкевича весьма удовлетворил генерала Алексеева. По его приказанию об этом столь важном ответе генерал Клембовский в 13 ч. 39 м. сообщил генералу Сахарову и просил сообщить его решение, причем добавил, что Брусилов и Эверт уже прислали их ответы.

Уговаривая столь зависимых от Ставки главнокомандующих воздействовать на Государя с целью добиться „добровольного“ отречения, генерал Алексеев пытался привлечь к этому воздействию и начальника Морского штаба при Ставке адмирала Русина, непоколебимого в верности и честности человека, которого очень ценил и уважал Государь.

Не будучи подчинен Алексееву, Русин держал себя в Ставке очень достойно, независимо и самостоятельно.

Утром адмирал Русин был приглашен к генералу Алексееву. Алексеев рассказал, что Государь задержан в пути, находится во Пскове и ему из Петрограда предъявлены требования.

— „Что же требуют? Ответственного министерства?“ — спросил адмирал.

— Нет. Больше. Требуют отречения, — ответил Алексеев.

— Какой ужас, какое несчастье, — воскликнул Русин.

Алексеев спокойно и невозмутимо молчал. Разговор оборвался.

Собеседники поняли друг друга. Русин встал, попрощался и вышел из кабинета, даже не спросив для чего, собственно, его приглашал Алексеев.

Так рассказывал об этой сцене автору сам адмирал Русин.

{283} Пришел наконец и столь желанный ответ от В. К. Николая Николаевича. Стали редактировать общую телеграмму от генерала Алексеева Государю Императору, которая и была передана во Псков в 14ч. 30 м. дня.

Перед отправкой телеграммы под ней предложили подписаться и адмиралу Русину, от чего адмирал Русин с негодованием отказался, считая обращение с подобною просьбой изменой Государю Императору.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ.

— 2 марта во Пскове. — Одиночество Государя Императора. — Утренний чай. — Утренний доклад генерала Рузского. — Чтение записи разговора Рузского с Родзянко. — Беседа о возможности отречения. — Циркулярная телеграмма Алексеева. — Конец доклада. — Беседа Рузского с Воейковым. — Надломленный морально Государь. — Прогулка. — Завтрак. — Настроение свиты против Рузского. — Адмирал Нилов. — Новости в Штабе из Ставки. — Телеграмма Государю от Алексеева с просьбами об отречении. — Просьбы об отречении В. К. Николаевича, Брусилова и Эверта. — Подготовка Рузского к докладу. — Генералы Савич и Юрий Данилов. — Генералы Рузский, Данилов и Савич у Государя. — Чтение Государем ходатайств об отречении. — Мнение генерала Рузского. — Мнение генералов Данилова и Савич. — Решение Государя отречься. — Генерал Воейков. — Граф Фредерикс. — Вручение телеграммы для Алексеева и Родзянко. — Конец аудиенции. — Известие о приезде депутатов Гучкова и Шульгина. — Задержание отправки телеграмм Родзянко и Алексееву. — Сообщение в Ставку и Родзянко. — Свита против отречения. — Требование от Рузского телеграмм об отречении. — Рузский у Государя. — Лейб-хирург Федоров у Государя. — Решение Государя отказаться от престола и за сына. — Прогулка. — Ненормальное спокойствие. — Чай. — Просьба генерала Сахарова об отречении. Возмущение свиты против генералов. — Обед. — Телеграмма Алексеева с просьбами Родзянко. — Просьба адмирала Непенина об отречении. — Присылка из Ставки проекта манифеста об отречении.

Ночь с 1 на 2 марта Государь провел почти без сна.

Лишь в шестом часу Его Величество написал телеграмму Царице. Затем долго молился. Перецеловал образки. Целовал фотографию наследника. Государь был очень одинок. В самые трудные, трагические дни его жизни около него не было ни одного близкого человека. Свита — это не близкие. Правда, среди нее есть друзья детства — Кира Нарышкин, и Валя Долгорукий, но с ними Государь не говорит о делах. Хороший и честный граф Фредерикс трогателен по своей преданности и по любви, но он очень стар, и минутами впадает в детство. Нилов очень изменился, он так не любит Ее Величество... Только с Воейковым можно говорить о делах, но близости душевной нет и к нему.

Единственный близкий человек-друг Царица — далеко. Уже три дня как от нее нет никаких известий. Что с ней, с детьми?

За утренним чаем в столовой сидело несколько младших лиц свиты. Вполголоса говорили о том, что делается. Никто ничего не знал определенного. Высказывали предположение о том, когда же тронется поезд к Царскому. Всех интриговал разговор Рузского с Родзянко.

Вышел Государь Император. Его Величество был бледен. Видимо устал. Как всегда спокоен и приветлив. Выпив чаю и выкурив папироску, Государь сказал, что ожидает генерала Рузского с докладом и удалился.

В 10 часов появился генерал Рузский и сейчас же был принят Государем. Сильно волнуясь, но, стараясь казаться спокойным, генерал доложил, что говорил с Родзянко и, „стиснув зубы“, как рассказывал позже, положил перед Его {288} Величеством ленту разговора, наклеенную на нескольких листах. Ленту жуткую своей грубой откровенностью. Государь медленно внимательно прочел все листы. Затем встал и подошел в раздумье к окну. Встал и Рузский. Постояв с минуту, Государь вернулся к столу, сел и предложил генералу занять стул. Государь стал спокойно говорить об отречении.

Он говорил, что рожден для несчастья, что приносит несчастье России, что уже вчера понял, что манифест о даровании ответственного

министерства не поможет. — Если надо, чтобы я отошел в сторону для блага России, я готов, — сказал Государь, — но я опасаюсь, что народ этого не поймет.

Мне не простят старообрядцы, что я изменил своей клятве в день священного коронавания. Меня обвинят казаки, что я бросил фронт... Государь стал расспрашивать подробности разговора с Родзянко. Стал как бы вслух обдумывать решение. Рузский высказал предположение что, может быть, манифест, и поможет. Предлагал подождать мнения Алексеева, но предупредил какой разговор вел Лукомский. В это время Рузскому подали циркулярную телеграмму Алексеева № 1872, Рузский прочел ее вслух.

— Что же вы думаете, Николай Владимирович? — спросил Государь.

— Вопрос так важен и так ужасен, что я прошу разрешения Вашего Величества обдумать эту депешу раньше, чем отвечать. Депеша циркулярная. Посмотрим, что скажут главнокомандующие остальных фронтов. Тогда выяснится вся обстановка, — так ответил Рузский. Государь встал, пристально и грустно взглянул на Рузского и сказал: — „Да и мне надо подумать“.

Подав затем руку, Государь просил Рузского зайти после завтрака. Рузский просил разрешения не быть на высочайшем завтраке в виду срочных дел и просил разрешить явиться на доклад с генералом Даниловым и Савичем. Государь разрешил и просил подождать на платформе Воейкова. Воейкову же повелел поговорить с Рузским. Рузский и Воейков стали ходить по платформе. Рузский рассказал об образовании в Петрограде Временного Правительства, об аресте {289} прежних министров и предупредил что телеграмму Его Величества об ответственном министерстве он, по изменившимся обстоятельствам, не отправил Родзянке. Сказал, что сейчас единственный выход из положения — это отречение, что это мнение всех главнокомандующих. Затем генералы расстались. Рузский поехал в штаб, Воейков пошел к Государю.

— Когда я вернулся к Его Величеству, — писал позже Воейков, — меня поразило изменение, происшедшее за такой короткий период времени в выражении Его лица. Казалось, что он после громадных переживаний отдался течению и покорился своей тяжелой судьбе. Воейков доложил о разговоре и только.

*

Перед завтраком Государь гулял по платформе. Завтрак прошел обычно. Приглашенных не было. Свита уже узнала о разговоре Рузского с Родзянко и об отозвании генерала Иванова. Настроение было подавленное. Недружелюбие к Рузскому увеличилось. Теперь уже не только адмирал Нилов, но и многие другие смотрели на генерала как на врага Государя. После завтрака адмирал Нилов громко заявлял у себя в купе, что Рузского надо арестовать и расстрелять. Что Ставка предала Государя. Позже передавали, что, будто бы, Нилов ходил к Государю и просил разрешения арестовать Рузского, но, будто бы, Государь ласково успокоил адмирала и просил не волноваться. Говорили, что после этого адмирал замкнулся у себя в купе и ни на что более не реагировал.

Адмирал Нилов также прямо и честно смотрел на совершающееся, как и адмирал Русин.

Между тем в штабе было получено сообщение из Ставки „о прибытии Конвоя Его Величества в полном составе в Государственную Думу с разрешения своих офицеров, и о просьбе депутатов конвоя арестовать тех офицеров, {290} кои отказались принять участие в восстании; о желании Государыни Императрицы переговорить с председателем Исполнительного Комитета Гос. Думы и, наконец, о желании Вел. Кн. Кирилла Владимировича прибыть лично в Гос. Думу, чтобы вступить в переговоры с Исполнительным Комитетом".

Генерал Клембовский передавал это лично и прибавил:

„В Москве по всему городу происходят митинги, но стрельбы нет.

Генералу Мрозовскому предложено подчиниться Временному Правительству. В Петрограде арестованы: Штюмер, Добровольский, Беляев, Войновский-Кригер, Горемыкин, Дубровин, два помощника градоначальника, Климович. Исполнительный комитет Гос. Думы обратился с воззванием к населению возить хлеб, все продукты на станции железных дорог для продовольствия армии и крупных городов. Петроград разделен на районы, в которые назначены районные комиссары.

Представители армии и флота признали власть Исп. Ко-мит. Гос. Думы впредь до образования постоянного правительства".

Все это Клембовский просил доложить Рузскому для доклада Его Величеству.

Сведения о Великом Князе и Конвое Его Величества произвели в штабе большую сенсацию.

В 2 часа 30 минут в Штабе Главкосева был закончен прием следующей телеграммы генерала Алексеева на имя Его Величества:

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

»Всеподданнейше представляю Вашему Императорскому Величеству полученные мною на имя Вашего Императорского Величества телеграммы:

От Великого Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА.

„Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать {291} его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает ПРИНЯТИЕ СВЕРХМЕРЫ. Я, как верноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым КОЛЕНОПРЕКЛОНЕННО МОЛИТЬ Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, ПЕРЕДАЙТЕ ЕМУ ВАШЕ НАСЛЕДИЕ. ДРУГОГО ВЫХОДА НЕТ. Как никогда в жизни, с особо горячею молитвою молю Бога подкрепить и направить вас. Генерал-адъютант НИКОЛАЙ."

От генерал-адъютанта БРУСИЛОВА.

„Прошу вас доложить Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей, любви и преданности к Родине и царскому престолу, что в данную минуту ЕДИНСТВЕННЫЙ ИСХОД, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет, — ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ПРЕСТОЛА в пользу Государя Наследника Цесаревича при

регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Другого исхода нет, но необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе он повлечет за собою неисчислимое катастрофическое последствие. Этим актом будет спасена и сама династия, в лице законного наследника. Генерал-адъютант БРУСИЛОВ".

От генерал-адъютанта ЭВЕРТА.

Ваше Императорское Величество! Начальник штаба Вашего Величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском Селе, Балтийском море и Москве и результат переговоров генерал-адъютанта Рузского с председателем Гос. Думы. Ваше Величество, на армию в настоящем ее составе рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь {292} ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и к сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного выхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество, во имя спасения родины и династии, ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ, СОГЛАСОВАННОЕ С ЗАЯВЛЕНИЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственное, видимо способное, прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии. Генерал-адъютант ЭВЕРТ".

„Всеподданнейше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, УМОЛЯЮ БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНО ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ, КОТОРОЕ ГОСПОДЬ БОГ ВНУШИТ ВАМ. Промедление грозит гибелью России. Пока армию удастся спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города, ручаться за сохранение дальнейшее высшей дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России, развал ее. Ваше Императорское Величество горячо любите родину и, ради ее целостности, независимости, ради достижения победы, соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжкого положения. Ожидаю повелений."

2 марта 1917 г. 1878. Генерал-адъютант АЛЕКСЕЕВ.

Телеграмма из Ставки произвела в Штабе большую сенсацию. Особенно телеграмма Великого Князя. Генерал Рузский внимательно ознакомился с нею и со всеми переданными в штаб новостями, которые Ставка просила доложить Его Величеству. Личное мнение Рузского совпадало с мнением других главнокомандующих. Генералы штаба разделяли его.

За завтраком Рузский сказал генералам Данилову и Савичу, что они поедут с ним на доклад к Его Величеству.

{293} — Я вижу, — сказал Рузский, — что Государь мне не верит. Сейчас, после обеда, поедem к нему втроем.

Пускай он помимо меня еще выслушает вас". Рузский знал, что они поддержат его.

Генерал Юрий Данилов был хорошо известен Государю по старой Ставке. Знал Государь и генерала Савича. Савич был начальником снабжения фронта. Некогда он состоял начальником штаба Корпуса жандармов, был другом дворцового коменданта Дедюлина и от последнего Государь слышал много хорошего про Савича. В Корпусе жандармов Савич прославился, как правдивый, прямой и резкий до грубости человек. Немного позже, в 2 ч. 30 м. генералы Рузский, Данилов и Савич входили в салон вагона-столовой царского поезда.

О том, как происходила та знаменитая аудиенция, я слышал позже от генералов Данилова и Савича. Я привожу описание аудиенции, как она изображена генералом Савичем и помещена в „Русской Летописи" № 3.

„Приехали на вокзал около двух с половиной часов дня 2 марта и все трое немедленно были приняты Государем в салон-вагоне, столовой Императорского поезда. Кроме Государя и их, никого не было и все двери были закрыты плотно".

„Государь сначала стоял, потом сел и предложил всем сесть, а оба генерала все время стояли навтыжку. Государь курил и предложил курить остальным. Рузский курил, а генералы не курили, несмотря на повторное предложение Государя".

„Рузский сначала предложил для прочтения Государю полученные телеграммы, а затем обрисовал обстановку, сказав, что для спасения России, династии сейчас выход, один — отречение его от престола в пользу наследника. Государь ответил: — „Но я не знаю, хочет ли этого вся Россия". Рузский доложил: — „Ваше Величество, заниматься сейчас анкетой обстановка не представляет возможности, но события несутся с такой быстротой и так ухудшают положение, что всякое промедление грозит неисчислимыми бедствиями. Я {294} вас прошу выслушать мнение моих помощников, они оба в высшей степени самостоятельные и притом прямые люди".

Это последнее предложение с некоторыми вариациями Рузский повторил один или два раза. Государь повернулся к генералам и, смотря на них, заявил: — „Хорошо, но только я прошу откровенного мнения".

Все очень сильно волновались. Государь и Рузский очень много курили. Несмотря на сильное волнение, Государь отлично владел собою.

— Первый говорил генерал Данилов о том, что Государь не может сомневаться в его верноподданных чувствах (Государь его знал хорошо), но выше всего долг перед родиной и желание спасти отечество от позора, приняв унижительные предложения от желающего нас покорить ужасного врага и сохранить династию. Он не видит другого выхода из создавшегося тяжкого положения, кроме принятия предложения Государственной Думы".

Государь, обратясь к другому генералу, спросил: — „А вы такого же мнения?"

Генерал этот (С. С. Савич) страшно волновался. Приступ рыданий сдавливал его горло. Он ответил:

— Ваше Императорское Величество, Вы меня не знаете, но вы слышали обо мне отзывы от человека, которому вы верили.

Государь: — Кто это?

Генерал: — Я говорю о генерале Дедюлине.

Государь: — О, да.

Генерал чувствовал, что он не в силах больше говорить, так как он сейчас разрыдается, поэтому он поспешил кончить: — Я человек прямой и потому я вполне присоединяюсь к тому, что сказал генерал Данилов.

Наступило общее молчание, длившееся одну-две минуты.

{295} Государь сказал: — Я решился. Я отказываюсь от престола, — и перекрестился. Перекрестились и генералы. Обращаясь к Рузскому, Государь сказал: — Благодарю вас за доблестную и верную службу и поцеловал его. Затем Государь ушел к себе в вагон. („Русская Летопись”).

Рассказывая приведенное выше мне лично, генерал С. С. Савич, которого я давно и хорошо знал, прибавил лишь, что перед тем как спросить мнение генерала Рузского и двух других генералов, Государь долго и внимательно читал все телеграммы Алексеева и Главнокомандующих армиями, а также все телеграммы со сведениями о Петрограде.

Государь, видимо, был очень задет сведениями о своем Конвое, о приходе в Госуд. Думу Его Конвоя и В. К. Кирилла Владимировича. Когда же Государь выслушал личное мнение Рузского и мнения обоих генералов, — Он тихо отошел к окну, смотрел в окно.

Прошло минуты две ужасной, тягостной тишины. Вдруг Государь обернулся и как-то особенно странно произнес:

„Я решился. Я отказываюсь от престола". Перекрестился.

Странное было у него лицо. Как ошеломленные, остались в салоне генералы. Вошел взволнованный генерал Воейков с вопросом что случилось. Ему отвечали неохотно и недружелюбно. Рузский упрекнул его за прошлое, но в это время пришел граф Фредерикс и Воейков ушел.

Совершенно расстроенный и взволнованный граф Фредерикс сказал, что Государь сообщил ему о случившемся и спросил его мнения. Но он не решается что-либо советовать, не зная их мнения. Генералы стали объяснить графу, что было доложено Его Величеству.

Выслушав, граф сказал: — Никогда не ожидал, что доживу до такого ужасного конца. Вот что бывает, когда переживешь самого себя..."

В это время пришел Государь и передал телеграмму для Родзянко и, сказав, что пойдет писать телеграмму для Алексеева, — удалился.

Рузский прочел телеграмму и, заметив, что в ней пропущено про В. К. Михаила **{296}** Александровича, просил доложить это Его Величеству. Граф взял телеграмму и пошел к Государю.

Через несколько минут Государь принес и вручил Рузскому две телеграммы. В одной, адресованной для председателя Г. Думы, значилось: „Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки России.

Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына, с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего Михаила Александровича". НИКОЛАЙ.

Другая телеграмма на имя генерала Алексева гласила:

„Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России, я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. НИКОЛАЙ".

Передав телеграммы, Государь попрощался с генералами и прошел в свой вагон. Генералы, распрощавшись с министром двора, удалились.

Было около 4 часов дня.

**

*

Никто из свиты, кроме графа Фредерикса и генерала Воейкова, не знал о случившемся. В ожидании узнать что-либо о происходившем у Государя докладе, несколько человек сидели в купе Федорова. Вдруг, появившийся внезапно в дверях граф Фредерикс произнес по-французски — „А знаете, Император отрекся". Все вскочили. К дверям подбежали остальные из свиты. За министром стоял Воейков. Посыпались вопросы: что, как, каким образом, почему. Все были взволнованы, одному из присутствовавших сделалось дурно. Кто-то почти истерически кричал, как мог Государь сделать это, не посоветовавшись со свитой, почему, почему говорил об этом только с генералами. Все по-разному протестовали и просили графа идти к Его Величеству и умолять переменить решение. Когда же граф сказал, что Государь уже отдал о {297} том телеграммы генералу Рузскому, все стали просить графа уговорить Государя взять обратно телеграммы. Растерявшийся граф отправился к Государю и, вернувшись, сказал Воейкову: — „Пойди, тебя требует Государь".

Воейков поспешил к Государю. На вопросы генерала как то случилось, взволнованный Государь ответил — „Что мне оставалось делать, когда мне все изменили. Первый Николаша. Читайте", — и протянул Воейкову телеграммы. Теперь снова взволнованный уже докладом Фредерикса о просьбе свиты и под влиянием убеждений Воейкова, Государь приказал передать генералу Нарышкину, чтобы он взял у Рузского телеграммы и принес их Его Величеству.

Нарышкин пошел в вагон к Рузскому, но вернулся растерянный и передал, что Рузский телеграммы не отдал, а сказал, что он сам принесет их Его Величеству. Телеграмму Родзянко уже стали передавать по телеграфу и обещали снять с аппарата. Вскоре Рузский прошел к Государю, где находился Фредерикс. Рузский доложил Его Величеству, что во Псков едут к Его Величеству делегаты от Государственной Думы — Гучков и Шульгин. Генерал заверил Государя, что, до переговоров Его Величества с делегатами, он телеграмм отправлять не будет и они остались у Рузского. Он предложил переговорить с делегатами до представления их Его Величеству; Государь соизволил согласиться и Рузский распорядился, чтобы, по прибытии делегатов, их провели в вагон Рузского.

Стали ждать делегатов.

**

*

Свита волновалась. Граф Фредерикс плакал. Были слезы на глазах и других, особенно расстроен был С. П. Федоров. Все хотели, чтобы Государь взял назад отречение. Федоров пошел к Государю и вот какой произошел у них разговор, как передавал мне лично Сергей Петрович летом 1918 года.

На слова удивления по поводу отречения, Государь сказал. — „Вы знаете, Сергей Петрович, что я человек — „тэrr а тэrr". Это было сказано по-французски. Я, конечно, не смотрел на Распутина, как на святого, но то, что он нам предсказывал — обычно сбывалось. Он предсказал, что если Наследник проживет до 17 лет, то он совершенно выздоровеет. Правда ли это? Будет наследник здоров или нет?" Сергей Петрович отвечал, что чудес в природе не бывает.

Наука же говорит о болезни Наследника следующее: „Может быть Его Высочество проживет и дольше, чем мы с вами, Ваше Величество, но может и умереть каждую минуту от самой простой незначительной случайности. Таково свойство его болезни”.

Государь стал говорить, как он будет жить с Наследником после отречения. Сергей Петрович высказал сомнение, чтобы новое правительство согласилось на оставление Алексея Николаевича в семье Государя и высказал предположение, что, по всему вероятно, ему придется жить в семье регента — В. К. Михаила Александровича. Государь выразил крайнее удивление, что это может случиться и затем решительно заявил, что он никогда не отдаст своего сына в руки супруги Великого Князя, причем выразился о ней очень резко.

На этом разговор и окончился. Расстроенный, с глазами красными от слез, Сергей Петрович вернулся в свой вагон и сказал кое-что из своей беседы с Государем и о его твердом решении отречься. Но самому С. П. Федорову было уже ясно, что Государь откажется от престола и за сына, чего свите, конечно, он не счел возможным сообщить.

*

После ухода лейб-хирурга Федорова, Государь пригласил к себе графа Фредерикса. Выйдя от Государя, граф передал генералу Нарышкину приказание взять у Рузского телеграммы об отречении и вернуть их Его Величеству. Нарышкин пошел и на этот раз принес телеграммы и вручил их Государю.

В этот период времени у Государя Императора стало созревать решение отказаться от престола и за своего сына, {299} почему Государь так категорически потребовал вновь вернуть ему его телеграммы.

Безнадежное в смысле выздоровления состояние здоровья Наследника, в чем его откровенно убедил С. П. Федоров, а затем и боязнь лишиться сына и передать его в чужие руки побудили Государя отказаться от престола и за Алексея Николаевича.

Перед чаем Государь вышел прогуляться с флигель-адъютантом герцогом Лейхтенбергским. Государь казался спокойным, точно ничего особенного не произошло. Его Величество приветливо отвечал тем, кто отдавал Ему честь. Так приветливо и даже с улыбкой приложил Государь руку к папахе, отвечая генералу Дубенскому, который стоял на подножке своего вагона. Дубенский знал уже об отречении и потому спокойствие Государя необычайно поразило его. Он не мог понять этой необыкновенной, сверхчеловеческой выдержки. Эта выдержка поразила тогда и Федорова, она поразила и генералов-отступников. Взволнованный Дубенский даже склонен был видеть тогда что-то вроде легкомыслия.

В 5 часов вся свита собралась к чаю. Государь пришел раньше некоторых. Государь был ровный и спокойный, как всегда. Поддерживался обычный, ничего незначащий разговор, который всем казался тягостным и неестественным.

Стараясь прочитать что-либо на лице Государя, флигель-адъютант Мордвинов писал позже: „Только по его глазам, печальным, задумчивым, как-то сосредоточенным да по нервному движению, когда он доставал папиросу, можно было чувствовать, насколько у него тяжело на душе.” После чаю Государь удалился к себе в вагон.

*

Его Величеству была принесена от генерала Рузского запоздавшая телеграмма генерала Сахарова, по адресу Рузского, следующего содержания: „Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ председателя, Государственной Думы Вам на высокомилоостивое решение Государя Императора даровать стране ответственное министерство и пригласить главнокомандующих доложить Его Величеству через Вас о решении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения.

Горячая любовь моя к Его Величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного Вам председателем Гос. Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся Царя своего, задумал это злодейство, а разбойничья кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных Целей.

Я уверен, что армии фронта непоколебимо встали бы за своего державного вождя, если бы не были призваны к защите родины от врага внешнего и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии. Таковы движения сердца и души. Переходя же к логике разума и учтя создавшуюся безысходность положения, я, непоколебимо верноподданный Его Величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом, является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищу к предъявлению дальнейших, еще гнуснейших притязаний. Яссы. 2 марта. № 03317. Генерал Сахаров".

**

*

Свита, после чаю, сгруппировалась около Воейкова. По рукам передавали телеграммы главнокомандующих. Была ясна руководящая роль генерала Алексеева. Возмущались поведением Вел. Кн. Николая Николаевича. Бранили генералов и были безусловно правы.

{301} Может быть и хорошие боевые начальники, эти генералы, плохо разбираясь в делах внутренней политики и внутреннего управления государством, дерзнули оказать давление на монарха и, играя на войне, играя на его чувстве военного человека, в сущности, заставили его отречься от престола. Дальнейшее показало всю несуразность, весь вред поддержанного ими государственного переворота, переворота, в сущности, ими произведенного. Произведенного с красноречивыми коленопреклонениями, рыданиями и мольбами.

И свита негодовала.

Припоминали все интриги, сплетавшиеся против Государя, в среде Вел. Кн. Николая Николаевича. Припоминали опутывание генералов либеральными политиками, разъезжавшими по фронтам. Припоминали всё. Результаты налицо.

Наши генералы, так часто кокетничающие словами „я солдат", забыли эти замечательные простые слова, именно, в тот момент, когда должны были сказать — мы можем дать советы по вопросу наступать или отступать, но по вопросу отречения благоволиите обратиться в Сенат, Государственный Совет — мы не компетентны, мы „солдаты".

Они не только не ответили так на вопрос об отречении, они имели смелость поднять этот вопрос, который был совершенно вне их компетенции, выше их политического разума. И лица свиты были правы, что горячились и не находили слов, чтобы достаточно заклеить поведение генералов. Алексеева считали главным виновником происходящего.

Не менее сильное возбуждение и негодование царило и среди старших чинов поезда Литера Б. Особенно горячился генерал Дубенский. Со слезами на глазах он повторял привязавшуюся к нему фразу: „как же так, никого не спросить и сдать, как сдают эскадрон!" Кто-то упрекнул его, что это он посоветовал ехать к Рузскому. Дубенский растерянно разводил руками и говорил: „ошибся, надо было ехать в гвардию, в Особую армию, тогда бы эти господа — „Черное войско" не посмели сделать то, что они сделали".

И слова „измена" и „предательство" передавались по обоим поездам и сочетались в различных комбинациях и вариациях.

{301} Как утопающий хватается за соломинку, так кто-то из свиты надумал, что, может быть, ожидаемые делегаты, Гучков и Шульгин сдут с какими-нибудь иными предложениями. Может быть, при помощи их, можно будет изменить решение об отречении. И растерявшиеся люди решили искать спасения для монарха у тех, которые ехали его свергать. И свита решила перехватить делегатов, не допустить их переговорить с Рузским и привести прямо к Его Величеству. Испросили санкции у Государя и дежурный флигель-адъютант Мордвинов стал караулить приход поезда с делегатами.

*

А в то время, как свита мечтала, как спасти Государя от отречения, предатели уже праздновали победу.

В 16 ч. 30 м. генерал Данилов телеграфировал генералу Алексееву: „Около 19 часов сегодня Его Величество примет члена Гос. Совета Гучкова и члена Гос. Думы Шульгина, выехавших экстренным поездом из Петрограда.

Государь Император, в длительной беседе с генерал-адъютантом Рузским, в присутствии моем и генерала Савича, выразил, что нет той жертвы, которую Его Величество не принес бы для истинного блага Родины.

Телеграмма Ваша и главнокомандующих были все доложены. 2 марта 16 ч. 30 м. № 1230/Б. Данилов".

Эта телеграмма была из Ставки передана Брусилову в 17 ч. 40 м., Эверту — в 18 ч. 5 м., Сахарову — в 18 ч. 45 м. и Янушкевичу для Вел. Кн. Николая Николаевича в 18 ч. 40 м.

Генерал Алексеев поручил генералу Лукомскому и церемониймейстеру Н. А. Базили составить проект манифеста об отречении и передал его Данилову в 17 ч. 40 м. при телеграмме:

„Сообщаю проект выработанного манифеста на тот случай, если бы Государь Император соизволил принять решение и одобрить изложенный манифест. 2 марта. 1896. Генерал-адъютант Алексеев".

{303} Такова была энергия и предупредительность Ставки в деле отречения Государя Императора.

*

Обед прошел в тягостной обстановке. Говорили о том, что совершенно никого не интересовало. Посторонних не было.

В девятом часу Государю была вручена телеграмма от генерала Алексеева, который представлял Государю полученную им от Родзянко телеграмму. Родзянко, игнорируя Верховную власть, сообщал Алексееву об образовании Временного правительства во главе с князем Львовым.

„Войска, — писал Родзянко, — подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войсках и находящихся в Петрограде лиц Императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть.“

Родзянко, как председатель Временного Комитета Гос. Думы, от имени Комитета, просил о назначении на должность командующего Петроградским военным округом генерал-лейтенанта Корнилова, „как доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения“.

Генерал Алексеев писал:

„Всеподданейше докладываю эту телеграмму и испрашиваю разрешения Вашего Императорского Величества исполнить ее во имя того, что в исполнении этого пожелания может заключаться начало успокоения столицы и водворения порядка в частях войск, составляющих гарнизон Петрограда и окрестных пунктов.

Вместе с тем, прошу разрешения отозвать генерал-адъютанта Иванова в Могилев. 2 марта 1917 г. 1890. Генерал-адъютант Алексеев.“

Государь Император положил резолюцию:

„Исполнить“.

{304} О том, что Государь соизволил на назначение Корнилова и на отзывание Иванова, немедленно же были даны телеграммы Рузского — Родзянке и Данилова — Алексееву.

Около 9 часов вечера Государю подали следующую телеграмму командующего Балтийским флотом, посланную адмиралу Русину и ген. Рузскому:

„С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные войска. В Ревеле положение критическое, но не теряю еще надежды его удержать. Всеподданейше присоединяюсь к ходатайствам Вел. Кн. Николая Николаевича и главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, сформулированного председателем Гос. Думы. Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет за собой катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей родины. 21 ч. 40 м. 2 марта. Вице-адмирал Непенин.“

Непенин был известен Государю, как крепкий и выдающийся морской начальник. Его телеграмма не могла не произвести большого впечатления. Спустя сорок часов, адмирал был убит в Свеаборге по списку, составленному немцами. То были последние капли чаши горечи, испитой Государем еще до приезда Гучкова с Шульгиным. Государь так любил флот.

Командующий Черноморским флотом адмирал Колчак, на циркулярную телеграмму номер 1872 из Ставки, не прислал ответа. Видимо, он думал так же, как адмирал Русин. Морской министр Григорович считался больным и хранил молчание.

А свита, волнуясь, ждала приезда делегатов, надеясь перехватить их и не дать им сговориться с генералом Рузским.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

2 марта во Пскове (Продолжение). — Приезд депутатов Гос. Думы А. И. Гучкова и В. В. Шульгина. — Прием депутатов Государем. — Речь Гучкова. — Ответ Государя о принятом уже решении отречься. — Совещание депутатов. — Замечание Государя о поведении генерала Рузского. — Вручение Государем акта отречения депутатам. — Добавление по просьбе депутатов. — Указы Государя о назначении Верховного Главнокомандующего и председателя Совета министров. — Разговор с Шульгиным. — Государь прощается с депутатами. — Депутаты и толпа. — Изготовление актов отречения и указов. — Подписание актов Государем и скрепление их министром Двора. — Настроение в литерных поездах. — Отбытие отрекшегося Императора из Пскова в Могилев. — Телеграмма новому Императору Михаилу Александровичу. — Генерал Воейков и Государь. — Запись в дневнике Государя о том дне.

В 9 ч. 40 м. вечера экстренный поезд, везший Гучкова и Шульгина, состоявший из вагона и локомотива, подошел к станции Псков. Паровоз был украшен красными флагами. Едва поезд остановился, из вагона выскочили несколько субъектов в военной форме с ружьями и стали у подножки вагона. Субъекты не умели обращаться с оружием.

В вагон поднялся флигель-адъютант Мордвинов, отыскал депутатов и попросил их к Государю, сказав: „Его Величество вас ждет“.

Депутаты забеспокоились, что не могут привести себя в порядок. Они были небриты уже несколько дней, в помятых воротничках, нечищенных костюмах. Пошли, как были. Гучков шел, опустив голову. Шульгин что-то отвечал на вопросы Мордвинова. Вошли в вагон-столовую. Скороход помог снять пальто и провел депутатов в салон, где их встретил министр Двора граф Фредерикс. Тщательно причесанный, безукоризненно нарядно одетый, с тремя портретами Императоров, усыпанными бриллиантами, на груди, на голубом банте, граф был очень декоративен и бодр. Около него находился начальник Военно-походной канцелярии, Свиты генерал-майор Нарышкин.

Любезно поздоровавшись с депутатами, граф сказал что Государь сейчас выйдет и спросил, что делается в Петрограде. Гучков ответил, что там стало спокойнее, но что дом министра разгромлен, а что случилось с его семьей, он не знает. Граф взволновался.

В это время, по распоряжению генерала Воейкова, комендант поезда Гомзин занял пост в столовой, чтобы никто не приближался даже к дверям, ведущим в салон, сам же {308} дворцовый комендант занял пост на площадке, ведущей в салон из царского вагона через прихожую.

В салон вошел Государь. Он был в пластунской черкеске, спокойный и бледный. Подав руку депутатам (Государь их знал давно), Его Величество спросил — а где же генерал Рузский? Кто-то ответил, что генерал сейчас придет. Государь сел у стены по одну сторону придвинутого вплотную к стене небольшого четырехугольного стола и жестом предложил всем занять места, указав Гучкову стул справа от себя. Напротив поместились Фредерикс и Шульгин. В углу, за маленьким столом устроился начальник Военно-походной канцелярии Нарышкин чтобы записывать всё происходящее.

По знаку Государя начал говорить Гучков. Сильно волнуясь, опустив голову и глядя на стол, положив на стол правую руку, Гучков говорил довольно долго, гладко, очень корректно и совсем не касался прошлого.

Государь слушал, слегка прислонившись к стене, глядя перед собой. Лицо его было совершенно спокойно и „непроницаемо", как говорил потом Шульгин.

Гучков глухим голосом докладывал Государю, что они приехали по поручению Временного Комитета Государственной Думы, чтобы дать те советы, которые могут вывести страну из тяжелого положения. Петроград в руках движения. Бороться с ним безнадежно. Борьба поведет лишь к напрасным жертвам. Попытки послать для усмирения войска с фронта не будут иметь успеха. Ни одна воинская часть этого не выполнит. Как бы ни была верна и надежна воинская часть, соприкоснувшись с атмосферой Петрограда, она перейдет на сторону движения и поэтому „всякая борьба для Вас, Государь, бесполезна", — сказал Гучков.

Как пример, Гучков рассказал, что в ночь на 1 марта в Государственную Думу явилась депутация из Царскосельского дворца, в которую входили представители Конвоя, Собственного полка, Железнодорожного полка и Дворцовой полиции, всего 25-30 человек.

Все они заявили, что всецело присоединяются к новой власти, что будут по-прежнему охранять имущество и жизнь {309} которые им доверены, но просят выдать им документы с удостоверением, что они находятся на стороне движения.

Гучков подчеркнул, что по этому примеру Государь может видеть, что он не может ни на кого рассчитывать. Необходимо последовать совету Временного Комитета — отречься от престола. Большинство пославших их стоит за конституционную монархию. Советуют отречься в пользу Наследника Алексея Николаевича с назначением регента Вел. Кн. Михаила Александровича.

Гучков уже заканчивал свою речь, как вошел генерал Рузский. Поклонившись, он занял место у свободной стороны стола, оказавшись между депутатами. При последних словах Гучкова Рузский нагнулся к Шульгину и прошептал: „Это дело решенное. Вчера был трудный день. Буря была..." Рузский шепнул также, что из Петрограда идут вооруженные грузовики. (В. Шульгин „Дни").

Гучков закончил свою речь советом, чтобы Государь, „помолившись Богу", пошел навстречу пожеланиям Государственной Думы и отречься в пользу сына.

При упоминании о молитве, Государь впервые, как-то странно, взглянул на Гучкова. Гучков же закончил речь, подал Государю бумажку — проект манифеста.

Взяв бумагу и сложив ее аккуратно, Государь стал отвечать.

Твердым и спокойным голосом Государь сказал, что вчера и сегодня он уже обдумал этот вопрос и еще в три часа дня принял решение отречься в пользу своего сына Алексея, но затем изменил решение. Он не может расстаться со своим больным сыном и решил отречься в пользу своего брата Михаила. „Надеюсь, вы поймете чувства отца", — произнес Государь более тихим голосом.

Депутаты, как бы, растерялись. Шульгин просил Государя дать им некоторое время подумать и обсудить этот вопрос, так как они были уполномочены просить отречение в пользу Наследника Алексея Николаевича. Взяв со стола сложенную бумагу, Государь вышел из салона в свой вагон.

{310} Увидев на площадке Воейкова, Государь заметил, что речь Гучкова, сверх его ожидания, была очень корректна и спросил: — „А вы

заметили как вел себя генерал Рузский?" Воейков ответил, что, оставаясь на площадке, он мог только слышать, что там происходило. Генерал проводил Государя до купе и прошел в салон

(Генерал Ю. Н. Данилов в статье — „Мои воспоминания об Императоре Николае II", помещенной в 19 томе „Архива Русской революции", утверждает, что он находился в салоне когда шла беседа Государя с депутатами об отречении. Дворцовый Комендант Воейков и письменно, и на словах категорически нам это отрицал.

В записях гофмаршальской части имя генерала Данилова в числе принятых в тот день Государем не упоминается. Не говорит о нам и генерал Рузский. Не упоминает о нем и Шульгин в своем отчете, напечатанном в газетах 8 марта 1917 г., где он указывает всех присутствовавших при отречении. Не упоминает о генерале Данилове и дежурный флигель-адъютант Мордвинов, видевший как пришел Рузский и слышавший как он резко говорил: „Всегда будет путаница, когда не исполняют приказаний. Ведь было ясно сказано — направить депутацию раньше ко мне. Отчего это не сделали. Вечно не слушаются". (Русская Летопись т. 5). Ввиду такого противоречия приходится предположить: не прошел ли генерал Данилов в салон во время перерыва, после ухода оттуда Государя Императора, когда, провожая Государя, ушел со своего поста, с площадки, и Дворцовый Комендант, когда в силу происходившего волнения, был нарушен и строгий этикет и вход с площадки через прихожую в салон оказался свободным.).

Оставшиеся в салоне стали обсуждать имеет ли право Государь по основным законам отречься от престола за своего сына. Генерал Нарышкин пошел в канцелярию взять том законов. Посмотрев с полковником Мордвиновым, он ничего по этому поводу в законах не нашел. Мордвинов, волнуясь, советовал доложить Его Величеству, что, по духу и смыслу общих законов, отец-опекун не может отказываться от каких-либо прав в ущерб опекаемого. Нарышкин спешил и унес том в салон, где и вручил депутатам. Его потребовали к Государю.

Шульгин и Гучков, которых поднятый вопрос только и касался, отойдя в сторону, обсуждали создавшееся новое, {311} неожиданное для них положение. Учтя столь благоприятную для них обстановку в смысле отречения вообще, чего они никак не ожидали, и трудное положение в Петрограде, депутаты решили принять отречение так, как предлагает его Государь. На этом решении депутаты и остановились окончательно. Депутаты подняли вопрос о желательности назначения еще Государем князя Львова председателем Совета министров, а Великого Князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим. Решили просить об этом Государя.

В этот перерыв, по приглашению Государя, в салон пришел генерал Воейков и предложил депутатам несколько вопросов о Петроградских событиях, о разгроме квартиры министра двора. Появился в салоне и генерал Данилов, вступивший в разговоры с депутатами.

Перерыв продолжался часа полтора. Выходили покурить в столовую, куда вела дверь, около которой стоял Гомзин.

**

*

Во время перерыва Государь Император, твердо приняв надуманное решение, лично составил черновик акта отречения в пользу В. К. Михаила Александровича, используя, отчасти, и проект, присланный из Ставки, вызвал генерала Нарышкина и приказал переписать его на машинке, что и было выполнено в купе Военно-походной канцелярии. Подписав акт карандашом, Государь отправился в салон. Все поднялись. Полная тишина. Его Величество обратился к депутатам, подал Гучкову две листка бумаги, сказав — „Вот акт отречения, прочтите".

Гучков стал читать вслух. То был красивый, благородный манифест, отречения от престола в пользу В. К. Михаила Александровича. Внизу стояла подпись — „НИКОЛАЙ”.

Гучков не возражал. Шульгин просил вставить, что новый Император должен принести на верность конституции — „всенародную присягу”. Государь сел за столик и вставил карандашом: „принести ненарушимую присягу”.

Шульгин просил еще нельзя ли указать время отречения тем самым {312} часом, когда Государь уже принял первоначально решение об отречении. Государь отметил на акте: 2 марта 15 часов. Гучков доложил, что манифест он повезет в Петроград и так как в дороге возможны всякие случайности, то было бы желательно изготавить два подлинных акта и передать второй экземпляр на хранение генералу Рузскому. Государь нашел это целесообразным. Затем депутаты доложили Государю о желательности назначения именем Государя председателя Совета министров князя Львова и Верховного Главнокомандующего В. К. Николая Николаевича.

Государь охотно согласился и на это, и лично написал два Указа Сенату, пометив их 2-мя часами 2 марта. ГОСУДАРЬ вручил акт и указы генералу Нарышкину и повелел переписать немедленно их начисто и дать на подпись Его Величеству. Государь поднялся. Всё было кончено.

ОТРЕЧЕНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА совершилось. Осталось его оформить. Все были крайне взволнованы. Шульгин, очутившись около Государя, даже сказал по поводу назначения князя Львова: — Ах, Ваше Величество, если бы вы это сделали раньше...” Отвечая на вопросы Шульгина, Государь сказал, что он предполагает проехать в Ставку, проститься, повидать Матушку и затем уже вернуться в Царское Село.

Государь стал прощаться. Подал руку депутатам и генералам и удалился в свой вагон. Стенные часы салона показывали 11ч. 45м. ночи. Салон опустел. Депутаты направились к вагону генерала Рузского. На путях стояла толпа народа. Посыпались вопросы. Гучков сказал небольшую приличную речь об отречении Государя. Толпа молчала. Некоторые крестились. Депутаты прошли в вагон генерала Рузского, где им предложили закусить.

Около часу Акт отречения в двух экземплярах и Указы были напечатаны и Государь подписал их. В слезах, едва смог от волнения скрепить их своею подписью граф Фредерикс. Акты с Указами отнесли в вагон генерала Рузского и {313} сдали под расписку депутатам. Вскоре затем поезд с депутатами отбыл в Петроград, а по телеграфу полетели донесения в Ставку и в Петроград и, даже, был передан по проводу самый акт.

Акт об отречении Императора Николая II-го гласил:
Ставка. Начальнику Штаба.

„В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание.

Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победоносного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша, совместно со славными нашими союзниками, может окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России, почли мы долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою, признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную Власть.

Не желая расставаться с любимым сыном НАШИМ, МЫ передаем наследие НАШЕ брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем ЕГО на вступление на Престол Государства Российского.

Заповедуем брату НАШЕМУ править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой Родины, призываем всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародного {314} испытания и помочь ЕМУ, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России!

Г. Псков.

НИКОЛАЙ. 2 марта 15 час. 1917 г.

Министр Императорского Двора
генерал-адъютант граф Фредерикс.

*

Весть о состоявшемся отречении, как молния, пронеслась по царским поездам. Все были расстроены, растеряны. Многие плакали. Плакали генералы, плакали офицеры и солдаты, чиновники, прислуга и даже казаки.

Скороход Климов, проходя в слезах мимо С. П. Федорова, сказал ему с горечью: „И как же это господин Протопопов уверяли, что можно ехать в Ставку, ничего не будет"... Сергей Петрович, глотая слезы, посмотрел недоуменно и только пожал плечами.

После ухода депутатов, свита, кроме Фредерикса, собралась в столовой. Подавали запоздалый чай. Хотелось быть вместе. Настроение подавленное. Точно скончался близкий любимый человек. Говорили вполголоса. Уже никого не бранили, никого ни в чем не обвиняли. Только жалели близкого, навсегда ушедшего человека...

Кто-то из хладнокровных реалистов (а где их нет) начал было говорить об идущих, якобы, вооруженных грузовиках, о прокламациях, которые разбрасывали с депутатского поезда, но разговора никто не поддержал. Мысли всех прикованы к купе одинокого отречшегося Государя...

В два часа ночи „Поезд ЛИТЕРА А" отбыл из Пскова в Могилев. Перед отъездом Государь передал Воейкову следующую телеграмму:

„Его Императорскому Величеству МИХАИЛУ. Петроград. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил {315} тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Возвращаюсь в Ставку и оттуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. НИКА".

Телеграмма была передана из Сиротина.

Государь просил Воейкова зайти к нему, как только поезд тронется. Воейков пришел. В купе светила только лампада перед образом. Государь поднялся, обнял Воейкова и разрыдался... Нервы сдали, наконец... В свой дневник Государь ночью записал:

— „В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом ИЗМЕНА, ТРУСОСТЬ и ОБМАН“.